

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2019

Том
Vol. 38

№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University
Press

2019

Кантовский сборник. — 2019. — Т. 38, №2. — 111 с.

Kantian Journal, 2019, vol. 38, no.2, 111 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/
URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Published since 1975
A quarterly periodical

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ №ФС77-46310 от 26 августа 2011 г.

Registered with the Federal Service for Media Law Compliance and Cultural Heritage
Certificate from the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting
and Mass Communication Media ПИ №ФС77-46310 of August 26, 2011

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14)

Established by

the “Immanuel Kant Baltic Federal University” Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education
(14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia)

Адрес редколлегии:
236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14, БФУ им. И. Канта, Академия Кантиана
e-mail: kant@kantiana.ru

Editorial board address:
Academia Kantiana
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia
e-mail: kant@kantiana.ru

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2019

© Immanuel Kant Baltic Federal University,
2019

Редакционная коллегия

- Дмитриева Нина Анатольевна*, доктор философских наук, профессор, научный директор Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия) — главный редактор;
Чалый Вадим Александрович, кандидат философских наук, доцент, Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — заместитель главного редактора;
Бажанов Валентин Александрович, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Россия);
Байзер Фредерик Ч., доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет (США);
Белов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Россия);
Васильев Вадим Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия);
Вуд Аллен, доктор философии, профессор, Индианский университет в Блумингтоне (США);
Дёрфлингер Бернд, доктор философии, профессор, Университет Трира (Германия);
Зильбер Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник, Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный секретарь;
Калинников Леонард Александрович, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия);
Кляйнгельд Паулине, доктор философии, профессор, Гронингенский университет (Нидерланды);
Конеv Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, Самарский государственный университет (Россия);
Копцев Иван Демьянович, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия);
Круглов Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Россия);
Мотрошилова Неля Васильевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия);
Пушкарский Анатолий Геннадьевич, старший преподаватель, Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный секретарь;
Разеев Данил Николаевич, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия);
Румянцева Татьяна Герардовна, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет (Беларусь);
Соболева Майя Евгеньевна, доктор философских наук, Марбургский университет (Германия);
Сорина Галина Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия);
Тиммерманн Йенс, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский университет (Великобритания);
Тремблэй Фредерик, доктор философии, старший научный сотрудник Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); научный сотрудник, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (Болгария);
Уоткинс Эрик, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет в Сан-Диего (США);
Чернов Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Россия);
Штарк Вернер, доктор философии, почетный профессор, Марбургский университет им. Филиппа (Германия)

Editorial board

- Prof. Nina A. Dmitrieva, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University; Moscow State Pedagogical University (Russia) — Editor-in-chief;
Dr Vadim A. Chaly, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Deputy Editor-in-chief;
Prof. Valentin A. Bazhanov, Ulyanovsk State University (Russia);
Prof. Frederick Ch. Beiser, Syracuse University (USA);
Prof. Vladimir N. Belov, The Peoples' Friendship University of Russia (Russia);
Prof. Sergey A. Chernov, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (Russia);
Prof. Bernd Dörflinger, University of Trier (Germany);
Prof. Leonard A. Kalinnikov, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia);
Prof. Pauline Kleingeld, University of Groningen (the Netherlands);
Prof. Vladimir A. Konev, Samara State University (Russia);
Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia);
Prof. Alexei N. Krouglov, Russian State University for the Humanities (Russia);
Prof. Nelly V. Motroshilova, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia);
Anatoly G. Pushkarsky, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Executive secretary;
Prof. Danil N. Razeev, Saint Petersburg State University (Russia);
Prof. Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University (Belarus);
Prof. Maja E. Soboleva, University of Marburg (Germany);
Prof. Galina V. Sorina, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Prof. Werner Stark, Philipps University of Marburg (Germany);
Prof. Jens Timmermann, University of St Andrew (UK);
Dr Frederic Tremblay, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Sofia University «St. Kliment Ohridski» (Bulgaria);
Prof. Vadim V. Vasilyev, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Prof. Eric Watkins, University of California, San Diego (USA);
Prof. Allen W. Wood, Indiana University Bloomington (USA);
Andrei S. Zilber, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Executive secretary

CONTENTS

Articles

Kant's Philosophy

- Lugovoy, S. V.* Kant's Dissertation for the Master's Degree *On Fire* and the Transformations of his Ideas of Ethereal Matter..... 7
- KryshTOP, L. E.* God's Law or Categorical Imperative: on Crusian Issues of Kantian Morality..... 31
- Radhakrishnan, V. K.* Revisiting the Maxim-Law Dynamic in the Light of Kant's Theory of Action..... 45

Archive

- Kant, I.* On Fire. Dissertation for the Master's Degree. *Translation from the Latin into Russian, Preface and Notes by S. V. Lugovoy*..... 73

Reviews

- Makarov, A. B.* Kantian Motives in Neuroscience..... 96

Events

- Shiyan, A. A., Derzhavina, N. F., Katrechko, S. L.* Kantian Transcendentalism in Contemporary Philosophical Discussions. Report of the "Transcendental Turn in Contemporary Philosophy-3" International Workshop 103

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Философия Канта

- Луговой С. В.* Магистерская диссертация И. Канта «Об огне» и трансформации его представлений об эфирной материи..... 7
- Крыштоп Л. Э.* Божественный закон или категорический императив: о крузианских истоках кантовской морали..... 31
- Радхакришнан В. К.* Пересмотр динамики максим и законов в свете кантовской теории действия..... 45

Архив

- Кант И.* Об огне. Магистерская диссертация. Перевод с латинского, предисловие и комментарии С. В. Лугового..... 73

Рецензии

- Макаров А. Б.* Кантианские мотивы в нейронауке 96

События

- Шиян А. А., Державина Н. Ф., Катречко С. Л.* Кантовский трансцендентализм в современных философских дискуссиях. Обзор Международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии – 3» 103

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (AA 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

References to Kant's original texts (I. Kant. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the following form: *Siglum*, AA (Vol.-Number.), page[s], for example: (*MpVt*, AA 08, p. 264). Siglen index see here: https://www.degruyter.com/view/supplement/s16131134_Instructions_for_Authors_2015_en.pdf References to the *Critique of Pure Reason* are given as follows: (*KrV*, A 000) for the texts of the first edition, (*KrV*, B 000) for the texts of the second edition, and (*KrV*, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

УДК 1 (091):114

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
И. КАНТА «ОБ ОГНЕ»
И ТРАНСФОРМАЦИИ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ОБ ЭФИРНОЙ МАТЕРИИ

С. В. Луговой¹

Диссертация «Краткий очерк некоторых размышлений об огне» была написана Кантом на латинском языке в 1755 г. в качестве пробного сочинения (*specimen*) для допуска к магистерскому экзамену и впервые напечатана только в 1838 г. Каково значение этой магистерской диссертации Канта для историко-философских исследований? Чтобы ответить на этот вопрос, я анализирую структуру и привожу краткое содержание диссертации, обращаюсь к истории ее написания и пытаюсь определить место этой работы среди других натурфилософских сочинений Канта. Далее я показываю, что становление кантовской концепции эфира как эластичной материи огня, тепла и света, выступающей носителем сил притяжения и отталкивания, происходит именно в диссертации «Об огне». Я выявляю те положения в ранних работах Канта, которые развиваются им затем в данной магистерской диссертации, и устанавливаю преемственность между текстом «Об огне» и так называемой «Физической монадологией», провожу параллели между идеями, высказанными Кантом в его первой диссертации, и трактовками эфира в его последующих печатных работах. Наконец, я выдвигаю гипотезу об эвристическом потенциале трактата «Об огне» для анализа текстов из рукописного наследия Канта. Возможно, благодаря этой диссертации исследователям удастся прояснить некоторые запутанные положения из кантовского «*Opus postumum*». Впрочем, проверка этой гипотезы потребует серии новых исследований.

Ключевые слова: Кант, натурфилософия XVIII в., магистерская диссертация, эфир, материя, пространство.

Введение

Кантовское наследие широко обсуждается в современной философии. Внимание исследователей чаще всего привлекают сочинения, написанные

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию 25.03.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-1

© Луговой С. В., 2019.

KANT'S DISSERTATION
FOR THE MASTER'S DEGREE ON FIRE
AND THE TRANSFORMATIONS
OF HIS IDEAS OF ETHEREAL MATTER

S. V. Lugovoy¹

Kant's dissertation for the Master's degree Succinct Exposition of Some Meditations on Fire was written in Latin in 1755 as a sample (specimen) preceding a Master's exam, but its first printing did not appear until 1838. What is the relevance of this Master's dissertation for historical and philosophical studies? To answer this question I analyse the structure and give a brief summary of the dissertation, look at the history of its writing and try to identify the place of this work among Kant's other papers on natural philosophy. I then demonstrate that Kant's concept of ether as an elastic matter of fire, heat and light containing the forces of attraction and repulsion originates in the dissertation On Fire. I identify the provisions in Kant's early works which he later develops in the Master's dissertation and establish continuity between the text of On Fire and the so-called Physical Monadology, draw parallels between the ideas enunciated by Kant in his first dissertation and the interpretation of ether in the printed works that followed. Finally, I put forward the hypothesis of the heuristic potential of the On Fire treatise for the analysis of Kant's manuscript legacy. Perhaps this dissertation will enable researchers to clear up some tangled propositions in Kant's Opus Postumum. However, a series of further studies is needed to verify the hypothesis.

Keywords: Kant, eighteenth-century natural philosophy, Master's dissertation, ether, matter, space.

Introduction

Kant's legacy is widely discussed in modern philosophy. Researchers' attention is focused in particular on the works written in Kant's Critical

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, Russia, 236016.

Received: 25.03.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-1

© Lugovoy S. V., 2019.

в так называемый «критический» период творчества Канта, то есть начиная с 1770 г. «Докритические» работы Канта изучаются реже, как правило лишь в качестве дополнительного источника, проливающего свет на важные и сложные для понимания аспекты критического идеализма. В качестве примеров подобных исследований приведу относительно недавние книги А. Лейвайна (Laywine, 1993), Э. Уоткинса (Watkins, 2005) или биографию Канта, написанную М. Кюном (Kuehn, 2001). Кроме того, поскольку Кант в течение всей своей жизни интересовался естествознанием и написал большое количество натурфилософских статей и трактатов — первым опубликованным текстом Канта были «Мысли об истинной оценке живых сил», а свое последнее неоконченное произведение, так называемый «Opus postumum», он предполагал озаглавить «Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике» (AA 22, S. 543; см.: Чернов, 2000, с. 716), — время от времени к ним обращаются историки науки, среди которых нужно указать кантоведа М. Фридмана (Friedman, 1992). Однако фундаментальных исследований, посвященных «докритическому» периоду творчества Канта, немного. Классическим образцом здесь по-прежнему служит двухтомник Э. Адикеса «Кант как естествоиспытатель» (Adickes, 1924–1925), а среди более современных работ я отмечу книги Х. И. Вашкиса «Физика и физикотеология молодого Канта» (Waschkies, 1987) и М. Шёнфельда «Философия молодого Канта» (Schönfeld, 2000).

В отечественном кантоведении ранние произведения Канта анализируются в монографиях о его жизни и творчестве у В. Ф. Асмуса (Асмус, 1973), И. С. Нарского (Нарский, 1976), А. В. Гульги (Гульга, 1977) и в учебниках по истории немецкой классической философии, например у В. Н. Кузнецова (Кузнецов, 1989), М. А. Булатова (Булатов, 2003), В. К. Шохина (Шохин, 2010). Специальных исследований о «докритическом» периоде творчества Канта и историко-философском контексте возникновения его системы философии значительно меньше, наиболее цитируемые из них принадлежат перу таких авторов, как В. А. Жучков (Жучков, 1996), В. В. Васильев (Васильев, 1998; 2010) и А. Н. Круглов (Круглов, 2008), которые обращают внимание прежде всего на метафизические идеи. Натурфилософские взгляды молодого Канта у нас редко становятся предметом исследования. Даже во времена СССР, когда по идеологическим причинам часто цитировались высокие оценки кантовской «Всеобщей естественной истории и теории неба», данные Ф. Энгельсом в «Диа-

Period, i.e. beginning from 1770. Kant's Pre-Critical works get less attention, as a rule only as an additional source that sheds light on important and complicated aspects of critical idealism. Examples of such studies are the relatively recent books by A. Laywine (1993), E. Watkins (2005) and the Kant biography written by M. Kühn (2001). In addition, because Kant throughout his life was interested in natural science and wrote many articles and treatises on natural philosophy — Kant's first published text was *Thoughts on the True Estimation of Living Forces*, and the intended title of his last unfinished work, *Opus Postumum*, was *Of the Transition, Founded on A Priori Principles, from the Metaphysical Foundations of Natural Science to Physics* (OP, AA 22, p. 543; Kant, 1993, p. 82; cf. Chernov, 2000, p. 716) — they are sometimes consulted by historians of science, notably M. Friedman (1992), a Kantian scholar. However, there are few fundamental studies devoted to the Pre-Critical period of Kant's work. The two-volume *Kant als Naturforscher* by E. Adickes (1924–1925) is still a classic, while of the more recent works I would note *Physik und Physikotheologie des jungen Kant* by H.-J. Waschkies (1987) and *The Philosophy of the Young Kant* by M. Schönfeld (2000).

In Russian Kantian studies Kant's early works are analysed in the monographs on his life and work by V. F. Asmus (1973), I. S. Narsky (1976), A. V. Gulyga (1977) and in textbooks on the history of German classical philosophy, for example by V. N. Kuznetsov (1989), M. A. Bulatov (2003) and V. K. Shokhin (2010). There are far fewer specialised studies of Kant's Pre-Critical period and the historical-philosophical context of the emergence of his philosophical system, the most quoted of which are by V. A. Zhuchkov (1996), V. V. Vasilyev (1998; 2010) and A. N. Kruglov (2008), who focus first of all on the metaphysical ideas. The young Kant's views on natural philosophy get scant attention in this country. Even in the times of the USSR when, for ideological reasons, the high assessment of Kant's *Universal Natural History and Theory of the Heavens* made by Friedrich Engels in his *Dialectics of Nature* (1987, pp. 323–324) was frequently referred to, Soviet philosophers confined themselves to these quotes. From the viewpoint of natural scientists Kant's scientific ideas were already hopelessly ob-

лектике природы» (Энгельс, 1961, с. 351), советские философы, как правило, предпочитали ограничиваться этими цитатами. А с точки зрения естествоиспытателей, научные идеи Канта безнадежно устарели еще в начале XX в. Например, В. И. Вернадский отмечал: «Если бы Кант был только ученым натуралистом, хотя и крупным для своего времени, то едва ли была бы надобность занимать... внимание изложением его научной работы, так как наука наших дней мало имеет общего с интересами XVIII столетия» (Вернадский, 1981, с. 191).

Поэтому неудивительно, что магистерская диссертация Канта «Об огне», посвященная конкретным вопросам естествознания и отражающая физические и химические воззрения далекого XVIII в., редко привлекала внимание специалистов. Известности ее текста не способствовало и то обстоятельство, что она впервые была напечатана только в 1838 г., причем на латыни (Kant, 1838). Впрочем, в XIX в., пока классическая научная парадигма в физике не сменилась неклассической, идеи, высказанные в диссертации Канта, выглядели актуальными. Например, М. М. Филиппов писал: «В общих чертах это учение Канта немногим отличается от современных взглядов на “обыкновенную” и “эфирную” материю» (Филиппов, 1893, с. 20). Конечно, в XX и XXI столетиях с естественнонаучной точки зрения мысли Канта об эфире как эластичной материи огня, света и тепла имеют лишь историческое значение. В гуманитарной сфере ситуация иная. Начиная с XIX в. благодаря усилиям нескольких поколений ученых и философов планомерно осуществляется большая текстологическая и издательская работа над кантовским рукописным наследием. В частности, увидел свет упомянутый «Opus postumum», который, по замечанию одного из его переводчиков на русский язык С. А. Чернова, «представляет собой весьма крепкий орешек для исследователя и нуждается в самом серьезном и детальном изучении» (Чернов, 2000, с. 710). Несмотря на незавершенный, черновой характер этого текста и неизбежные сложности, возникающие при его интерпретации, все специалисты соглашались с тезисом, что тема эфира и его дедукции является там одной из важнейших. Возникли дискуссии о том, как понимал Кант эфир в поздний период своего творчества: или как способ объяснения возможности конкретных, эмпирически наблюдаемых свойств материи (Krause, 1888), или как принцип структуры и порядка движущих сил (Lehmann, 1980), или как своего рода «трансцендентальный идеал в критическом смысле» (Förster, 2000, p. 91). Эти дискуссии далеки от завершения, но они актуализирова-

solete in the early twentieth century. Thus, Vladimir I. Vernadsky wrote, “If Kant had been only a natural scientist, even a major one for his times, it would hardly be worthwhile [...] to concentrate one’s attention on his scientific work because today’s science has very little in common with the interests of the eighteenth century” (Vernadsky, 1981, p. 191).

No wonder specialists seldom turned to Kant’s Master’s dissertation *On Fire* devoted to specific natural science issues and expounding the physical and chemical views of the remote eighteenth century. The fact that the text was first published in Latin (Kant, 1838) only in 1838 did not add to its impact. For all that, the ideas of Kant expressed in the dissertation seemed to be relevant as late as the nineteenth century until the classical science paradigm in physics was replaced by the non-classical one. For example, Michail M. Filippov wrote, “In general, Kant’s teaching is not much different from the modern view on ‘conventional’ and ‘ether’ matter” (Filippov, 1893, с. 20). Of course, in the twentieth and twenty-first centuries Kant’s thoughts on ether as the elastic matter of fire, light and heat have only a historical relevance in terms of natural science. Not so in the humanities. Beginning from the nineteenth century several generations of scientists and philosophers have been steadily making textual studies and publishing Kant’s manuscript legacy. Thus the above-mentioned *Opus Postumum* saw the light of day. One of its translators into Russian, Sergey A. Chernov, said, “It is a very hard nut to crack for the researcher and needs a most serious and detailed study” (Chernov, 2000, p. 710). In spite of the unfinished, rough character of the text and the inevitable difficulties of its interpretation this entails, all the specialists agree that one of the key themes is ether and its deduction. A discussion was sparked off as to how Kant understood ether in the later period of his work: as a method of explaining the possibilities of concrete empirically observed properties of matter (Krause, 1888), a principle of the structure and order of moving forces (Lehmann, 1980) or as a “transcendental ideal in the critical sense” (Förster, 2000, p. 91). These discussions are far from over, but they rendered relevant the study of the sources of Kantian idea on ether and prompted another look at the forgotten dissertation *On Fire*. In the 1980s and 1990s the dissertation was translat-

ли исследования истоков кантовских идей об эфире и обращение к забытой диссертации «Об огне». В середине 1980-х — начале 2000-х гг. ее перевели на несколько европейских языков, что поспособствовало введению текста в научный оборот: появились работы, посвященные ее непосредственному анализу, например статья М. Массими (Massimi, 2011).

Таким образом, благодаря исследовательским усилиям стало очевидно, что магистерская диссертация 1755 г. является актуальным и важным источником для понимания формирования кантовских взглядов на эфир и материю вообще. В ходе ее изучения возникают по меньшей мере три историко-философские задачи: 1) выяснить место трактата «Об огне» среди произведений Канта; 2) проанализировать, как кантовские представления об эфире трансформируются в этой работе в теорию динамической материи; 3) указать, какие фрагменты из «*Opus postumum*» созвучны мыслям молодого Канта об эфирной материи, и попытаться использовать эти ранние идеи для прояснения некоторых смыслов позднего неоконченного трактата. Разумеется, так как каждая из этих задач требует отдельного и объемного исследования, я не смогу здесь разрешить их с необходимой степенью полноты и ограничусь лишь самыми предварительными соображениями. Вместе с тем, поскольку до сих пор диссертация Канта «Об огне» оставалась непереведенной на русский язык, я полагаю целесообразным изложить историю возникновения этого трактата и обстоятельства его выхода в свет, описать его структуру и наиболее важные идеи.

1. История создания и публикации магистерской диссертации Канта «Об огне»

Иммануил Кант поступил в Кёнигсбергский университет в 1740 г. и окончил его через пять лет с ученой степенью кандидата философии. Эту степень получали лица, прослушавшие полный курс наук, но еще не сдававшие магистерский экзамен, что требовало дополнительной оплаты (в студенческие годы Кант был далеко не богат). Следующие девять лет Кант работал домашним учителем, но не прекращал занятий наукой и напечатал на деньги своего двоюродного дедушки по материнской линии, башмачника Рихтера, трактат «Мысли об истинной оценке живых сил». В 1754 г. Кант вернулся в Кёнигсберг, опубликовал две небольшие статьи о Земле, работал над текстом «Всеобщей естественной истории и теории неба», параллельно готовясь к магистерскому экзамену, который согласился оплатить тот же Рихтер.

ed into English, Italian and Spanish, and in 2010 into Polish. All this helped to bring the text back into the scientific domain, and works appeared explicating it, for example, the article by M. Massimi (2011).

Thus, research efforts made it evident that the 1755 Master's dissertation was a relevant and important source that gave an insight into how Kant developed his views on ether and matter in general. Its study prompts at least three historical-philosophical tasks: 1) to determine the place of the *On Fire* treatise in the body of Kant's work, 2) to analyse how Kantian ideas of ether are transformed in this work into a dynamic matter theory, 3) to identify which fragments of the *Opus Postumum* are consonant with young Kant's thoughts on ether matter and to try to use these early ideas to clarify some meanings of the later unfinished treatise. Each of these tasks, of course, calls for a separate full-scale study and since I have no opportunity to treat them in full I will confine myself to expressing some tentative ideas. On the other hand, because Kant's dissertation *On Fire* has not been translated into Russian up until now, I think it would be useful to give an account of how the treatise was conceived, of the circumstances of its publication, and to describe its structure and key ideas.

1. History of the Writing and Publication of Kant's Master's Dissertation *On Fire*

Immanuel Kant entered Königsberg University in 1740 and graduated five years later with a degree of Candidate of Philosophy. The degree was awarded to persons who had taken the whole course of sciences but had not yet passed their Master's examination, which involved paying an extra fee (Kant was far from rich in his student years). For the following nine years Kant worked as a private tutor while continuing his scientific work and printing, with the money of his great-uncle on the maternal side, a shoemaker by the name of Richter, a treatise *Thoughts on the True Estimation of Living Forces*. In 1754 Kant returned to Königsberg, published two short articles on the Earth, worked on the text of the *Universal Natural History and Theory of the Heavens*, and simultaneously prepared for the Master's exam which Richter had agreed to pay for.

The procedure of awarding the Master's degree in Kant's time was somewhat different from what it is today. First the aspirant had to write, under the

Во времена Канта ученая степень магистра при-суждалась несколько иначе, чем сейчас. Сначала со-искатель должен был написать под руководством какого-либо университетского преподавателя не-большое сочинение на латинском языке (так назы-ваемый *specimen* — пробная работа). Оно не защи-щалось, но на его основании преподаватели фа-культета судили о способностях соискателя зани-маться наукой и принимали решение о допуске его к устному «строгому экзамену» (*examen rigorosum*). В случае его успешной сдачи примерно через месяц наступал черед для торжественной процедуры воз-ведения в ученую степень (*promotio*).

Трактат «Об огне» является именно такой проб-ной работой, созданной для допуска к экзамену. Кант представил ее на философский факультет Кёнигсбергского университета 27 апреля 1755 г. При написании текста его консультировал веду-щий профессор физики Альбертины того времени Иоганн Готфрид Теске, который в 1760 г. будет из-бран почетным академиком Российской Академии наук в Санкт-Петербурге и почетным профессором в университете при ней. Теске отозвался о кантов-ском трактате следующим образом: «Это сочине-ние выше всяких похвал, я сам научился кое-чему отсюда» (Филиппов, 1893, с. 20). Другие преподава-тели философского факультета также высоко оце-нили диссертацию, и у Канта не возникло проблем с допуском к устному экзамену, который он блестя-ще сдал 13 мая 1755 г. (экзаменаторы проголосовали «за» единогласно).

Возведение Канта в ученую степень магистра со-стоялось через месяц, 12 июня, в большой аудито-рии Альбертины, которую К. Форлендер описал как «длинную, но низкую комнату, украшенную изо-бражениями прусской знати» (Vorländer, 1924, S. 75). Декан философского факультета профессор-геб-раист Иоганн Бернхард Хан произнес торжественную речь. Кант в ответ прочитал на латинском языке не-большой доклад, противопоставив более легкое обу-чение философии более основательному. К сожа-лению, его текст не сохранился, о содержании мы зна-ем благодаря другу и биографу Канта Л. Э. фон Бо-ровски (Borowski, 1804, S. 32). В заключительной ча-сти церемонии Кант обратился со словами благодар-ности к тем, кто ввел его в ученое сообщество. В пя-том томе «Актов» Кёнигсбергского университета на страницах 189–190 была сделана следующая запись на латинском языке: «Кандидат Эмануил² Кант

² В записи именно так, Emanuel, хотя на титульном листе диссертации «Об огне» стоит Immanuel.

guidance of a university teacher, a small composi- tion in Latin (called *specimen* or trial work). It was not defended, but it gave the university teachers grounds for deciding whether the aspirant was fit to engage in science and to allow him to pass a “rig- orous oral exam” (*examen rigorosum*). If successful, the procedure of awarding a degree (*promotio*) took place about a month later.

The treatise *On Fire* was such a trial work writ- ten to qualify for an exam. Kant submitted his work to the Königsberg University philosophy faculty on 27 April 1755. He wrote the text under the guid- ance of the Albertina physics professor at the time Johann Gottfried Teske, who would later be elect- ed honorary member of the Russian Academy in St. Petersburg in 1760 and Professor Emeritus at the Academy’s university. Teske wrote about Kant’s treatise, “This work is above all praise, I myself learned a few things from it” (cited from Filippov, 1893, p. 20). Other professors at the Faculty of Phi- losophy also gave high marks to the dissertation and Kant had no problems being admitted to an oral exam which he passed with flying colours on 13 May 1755 (by unanimous vote).

The award of the Master’s degree took place a month later, on 12 June at the Albertina’s grand hall, which Karl Vorländer described as “a long, but low room, decorated with pictures of Prussian nobility”² (Vorländer, 1924, p. 75). The Dean of the Philo- sophical Faculty, Hebrew scholar Professor Johann Bernhard Hahn, delivered a speech. In response Kant delivered in Latin a short address contrasting the lighter teaching of philosophy to a more thor- ough approach. Unfortunately, the text has not sur- vived and we know about its content from Kant’s friend and biographer Ludwig Ernst von Borowski (1804, p. 32). At the end of the ceremony Kant thanked those who had introduced him to the sci- entific community. Volume Five of the Acts of the Königsberg University contains the following entry in Latin (pp. 189–190): “Candidate Emanuel³ Kant with the presentation of a specimen on physics *On Fire* qualifies for the degree of Master of Philosophy which, after a rigorous examination, he received on 12 June on the seventieth birthday of the Dean and

² “[...] einem langen, aber niedrigen, mit den Bildnissen der preußi- schen Landesfürsten geschmückten Saale.”

³ The entry uses the spelling Emanuel, although the title page of the dissertation *On Fire* spells the name as Immanuel.

с предоставлением пробной работы по физике “Об огне” добивается степени магистра философии, которую, после проведенного 13 мая строгого экзамена, он получил 12 июня, в семидесятый день рождения декана, председателя диспута (brabeutae)» (цит. по: Pacholik-Żuomska, 2010, s. 921). О присуждении Канту степени магистра была напечатана заметка в вышедшей 14 июня 1755 г. кёнигсбергской газете «Wöchentlich Königsbergische Frag- und Anzeigungs-Nachrichten»:

В прошлый четверг, 12 июня, философский факультет провел публичную церемонию вручения диплома магистра перед впечатляющей аудиторией, чтобы присудить более высокую философскую степень талантливому кандидату господину Эмануилу Канту, кёнигсбержцу. Нынешний декан факультета, господин доктор и профессор Иоганн Бернхард Хан как председатель диспута выступил с подробной речью о еврейских древностях относительно почетных званий, которые древние евреи использовали на своих академических мероприятиях в честь окончания обучения: рав, равви и равван. Церемонию, однако, закрыл сам новоиспеченный магистр словами благодарности высокой кафедре (цит. по: Reicke, 1881, S. 294).

Получив магистерскую степень, Кант стал готовиться к габилизации и работать над следующей латинской диссертацией «Новое освещение первых принципов метафизического познания» (AA 01, S. 385–416; Кант, 1994з), которую он публично защитил 27 сентября 1755 г. Молодой магистр не стал тратить время, деньги и силы на печать текста «Об огне»: по действовавшему тогда уставу Кёнигсбергского университета обязательная публикация требовалась лишь для докторских диссертаций трех высших факультетов (богословского, юридического и медицинского). Рукопись диссертации, собственноручно написанная соискателем каллиграфическим почерком на 12 страницах большого формата в четверть листа и снабженная иллюстрациями, осталась храниться среди бумаг философского факультета. После кончины Канта в 1804 г. ее передали в библиотеку Альбертины, но поместили не среди других рукописей, а в мемориальном отделе, где сохранялись личные вещи выдающихся людей, связанных с Кёнигсбергом, и вскоре о ней забыли.

Во время работы К. Розенкранца и Ф. В. Шуберта над изданием кантовского собрания сочинений последний приехал в Кёнигсберг, нашел в марте 1838 г. трактат «Об огне» и опубликовал его на языке оригинала через год (Кант, 1839). К этому времени

chairman of the dispute (brabeutae)”⁴ (cited from Pacholik-Żuomska, 2010, p. 921). The award of the Master’s degree to Kant was reported in the 14 June 1755 issue of the Königsberg newspaper “Wöchentlich Königsbergische Frag- und Anzeigungs-Nachrichten”:

Last Thursday, 12 June, the Philosophical Faculty held a public Master’s graduation ceremony before an impressive audience to confer the highest philosophical degree on a talented Candidate, Mr. Emanuel Kant, a citizen of Königsberg. The current Dean of the Faculty, Doctor and Professor Johann Bernhard Hahn, as chairman of the dispute delivered a detailed speech on Hebrew procedures involving honorary titles which the ancient Jews used in their academic events to mark the completion of studies: Rab, Rabbi and Rabban. The ceremony was closed by the new Magister with a vote of thanks to the august Chair⁵ (cited from Reicke, 1881, p. 294).

Upon receiving the Master’s degree Kant started preparing for the habilitation, working on the next Latin dissertation titled *A New Elucidation of the First Principles of Metaphysical Cognition*, which he publicly defended on 27 September 1755. The young Master chose not to spend time, money and effort on the printing of the text of *On Fire*: according to the rules of Königsberg University, publication was obligatory only for doctoral theses of the three highest faculties (theological, juridical and medical). The manuscript of the dissertation, written in calligraphic hand by the candidate on 12 large format pages with a quarter of a signature on each and provided with illustrations, remained among the Philosophical Faculty’s papers. After Kant’s death it was handed over to the Albertina library in 1804, but it was placed not among other manuscripts, but in the memorial department where the personal effects of outstanding personalities linked with Königsberg were kept. It was soon forgotten.

⁴“Honores Magistri Philosophiae, specimine physico de Igne exhibitо, sibi expetiit Candidatus Emanuel Kant, quos etiam post examen rigorosum die XIII. Maj. habitum, die XII. Jun. obtinuit, natali Decani Brabeutae septuagesima.”

⁵“Am vergangenen Donnerstage, als den 12. Junii, hat die hiesige Philosophische Facultaet, eine öffentliche Magister Promotion bey einem ansehnlichen Auditorio gehalten, und dem geschickten Candidato Philosophiae, Herrn Emanuel Kant, einen [sic!] Königsberger, die höchste Würde in der Weltweisheit conferiret: wobey der jetzige Decanus Facultatis, Hr. Doctor und Professor Ordinarius Johann Bernhard Hahn, als Brabeuta, eine ausführliche Rede aus der Jüdischen Antiquitæt, von den Ehren Tituln der alten Juden bey ihren Academischen Promotionen, Rabh, Rabbi und Rabban, gehalten, den Actum selbst aber der neu creirte Magister mit einer Dancksagung von den [!] obern Catheder beschlossen hat.”

Г. Хартенштейн уже напечатал данный текст в своем издании сочинений Канта (Kant, 1838), но в основу его публикации лег не оригинал, а копия рукописи, которая после продажи книжного магазина Ф. Николаи в Кёнигсберге принадлежала книготорговцу Модесу из Лейпцига. Сам Николаи, как сообщал Хартенштейн, получил ее от родственников Канта. Когда Хартенштейн стал готовить второе издание собрания сочинений Канта, он принял во внимание текст, опубликованный Шубертом, и напечатал исправленный вариант «Об огне» в первом томе своего нового издания (Kant, 1867). В академическом издании сочинений Канта магистерская диссертация «Об огне» вошла в первый том (AA 01, S. 369–384), ее текст сверил латинист П. Томас. Через десять лет ее поместил в первый том своего собрания сочинений Канта Э. Кассирер (Kant, 1912), указав в примечаниях все разночтения в латинских рукописях.

В завершение этого раздела несколько слов об известных мне переводах кантовского трактата «Об огне» на живые языки. Разумеется, первым был немецкий, он вышел под редакцией Юлиуса Германа фон Кирхмана (Kant, 1873) и до сих пор переиздается. Следующие переводы возникли только в конце XX в.: великолепный английский перевод трактата в 1986 г. издал Льюис Уайт Бек (Kant, 1986), год спустя появился итальянский перевод Паоло Грилленцони (Kant, 1987), а в начале 1990-х гг. друг за другом выходят испанские переводы Синты Кантерла (Kant, 1991) и Атилиано Домингеса (Kant, 1992). В XXI столетии Анита Пачолик-Журомска переводит трактат на польский язык (Kant, 2010), появляется новый итальянский перевод Игоря Агостини (Kant, 2014).

2. Структура и краткое содержание трактата

Магистерская диссертация Канта «Об огне» написана геометрическим методом, который использовало большинство немецких философов под влиянием Хр. Вольфа и его школы. Это свидетельствует о том, что молодой Кант следовал при написании своих диссертаций вольфианской традиции, широко распространенной в прусских университетах середины XVIII столетия. Ее текст состоит из небольшого введения, двух разделов и краткого заключения. Во введении, так называемом «способе исследования», Кант предупреждает читателей о краткости и предварительном характере своих размышлений об огне, которые «лишь первые черты теории» (AA 01, S. 371). Чтобы придать им достоверность, фи-

When K. Rosenkranz and F. W. Schubert worked on the publication of a Kant collection, the latter traveled to Königsberg and in March of 1838 found the treatise *On Fire* and published it in the original language a year later (Kant, 1839). By that time G. Hartenstein had already printed the text in his edition of Kant's works (Kant, 1838), but that publication was based not on the original but on a copy of the manuscript which, after the sale of F. Nicolai's bookshop in Königsberg, belonged to the bookseller Modes from Leipzig. Nicolai himself, according to Hartenstein, had received it from Kant's relatives. In preparing the second edition of the Kant collection, he took into account the text published by Schubert and included the corrected version of *On Fire* in the first volume of his new collection (Kant, 1867). In the academic edition of Kant's works his Master's dissertation *On Fire* was placed in the first volume in 1902 (*Di*, AA 01, pp. 369–384); it was verified by P. Thomas, a Latin scholar. Ten years later it was put into the first volume of his collection of Kant's works by E. Cassirer (Kant, 1912), who pointed out all the discrepancies in the Latin manuscripts.

To end this section I would like to say a few words about the translations of Kant's treatise *On Fire* known to me in modern languages. The first translation, of course, was into German. Edited by Julius Hermann von Kirchmann (Kant, 1873), it is still in print. No other translations were made until the late twentieth century: a splendid English translation was published in 1986 by Lewis White Beck (Kant, 1986), followed a year later by an Italian translation by Paolo Grillenzoni (Kant, 1987). And the early 1990s saw in quick succession translations into Spanish by Cinta Canterla (Kant, 1991) and Atilano Domínguez (Kant, 1992h). In the twenty-first century Anita Pacholik-Żuromska translated the treatise into Polish (Kant, 2010) and a new Italian translation by Igor Agostini appeared (Kant, 2014).

2. The Structure of the Treatise and a Brief Summary of Content

Kant's dissertation for the Master's degree *On Fire* was written using the geometrical method adopted by the majority of German philosophers under the influence of Christian Wolff and his school. This shows that the young Kant in writing his dissertations followed the Wolffian tradition prevalent in Prussian universities in the mid-eighteenth century. The text consists of a short intro-

лософ «не потворствовал гипотетическому и самовольному разуму», стремящемуся беспрепятственно доказывать что угодно, а «последовал нити опыта и геометрии» (Ibid.). Наконец, Кант объясняет, почему исследование об огне он начинает с вопросов о сцеплении материи и природе жидких тел. Стилистически введение близко к вводным разделам двух последующих латинских диссертаций. Например, в первом предложении «Физической монадологии» Кант опять повторит свою мысль, что «тонкие философы, ревностно занимавшиеся исследованием природы, единодушно согласились, что нужно старательно беречься, как бы в естественную науку не пробралось нечаянно, вследствие некоторой вольности в догадках, чего-нибудь вымышленного и как бы что-нибудь не было понято попусту, без согласия опыта и без толкования геометрии» (AA 01, S. 475; Кант, 1994о, с. 314).

Первый раздел посвящен природе твердых и жидких тел, состоит из шести положений и снабжен восемью рисунками, последний из которых Кант не использует и даже не упоминает в тексте (поэтому Э. Кассирер не напечатал его в своем издании «Об огне»). В первом положении трактата Кант полемизирует с физиками-картезианцами и констатирует, что текучесть не может быть объяснена исходя из деления тел на мельчайшие и слабо сцепленные частицы-молекулы. При этом Кант допускает искажение декартовской концепции, утверждая, что все эти частицы покоятся: в «Первоначалах философии» французский философ пишет: «...тело, разделенное на множество различно и обособленно движущихся (курсив мой. — С.Л.) мелких частиц, жидко» (Декарт, 1989, с. 378). Во втором положении Кант размышляет о законе Паскаля и приходит к выводу, что жидкости состоят не только из мельчайших молекул, слабо сцепленных друг с другом, но и из тончайшей эластичной материи, находящейся между ними, которая есть не что иное, как эфир — материя тепла, света и огня.

В третьем и четвертом положениях Кант констатирует, что эта же эластичная материя находится между молекулами в твердых телах, на основании того, что, во-первых, расплавленные металлы при затвердевании и, следовательно, при остывании всегда уменьшаются в объеме и, во-вторых, металлические проволоки способны без разрыва немного растягиваться подвешенным весом. Однако расположить молекулы металлов в пространстве друг относительно друга так, как предлагает Кант на своем плоском чертеже, невозможно. В пятом поло-

duction, two sections and a brief conclusion. In the introduction, entitled “Reason for the Undertaking”, Kant warns the reader that his reflections on fire were brief and tentative, “nothing but the outlines of a theory” (Di, AA 01, p. 371; Kant, 2012e, p. 312). To lend them authenticity, the philosopher “did not indulge hypothetical and arbitrary reason which seeks freely to prove anything,” but followed “the thread of experience and geometry” (Di, AA 01, p. 371; Kant, 2012e, p. 312). Finally, Kant explains why he begins the study of fire with the questions of cohesion of matter and the nature of liquid bodies. Stylistically, the introduction is close to the introductory sections of the two Latin dissertations that followed. For example, in the first sentence of the *Physical Monadology* Kant reiterates his statement: “Clear-headed philosophers, who seriously engage in the investigations of nature, unanimously agree, indeed, that punctilious care must be taken lest anything concocted with rashness or with a certain arbitrariness of conjecture should insinuate itself into natural science, or lest anything be vainly undertaken in it without the support of experience and without the mediation of geometry” (*MonPh*, AA 01, p. 475; Kant, 1992b, p. 51).

The first section is devoted to the nature of solid and fluid bodies and consists of six propositions and eight drawings, the last of which Kant does not use and does not even mention in the text (which was why Ernst Cassirer did not include it in his edition of *On Fire*). Kant’s first proposition takes issue with Cartesian physicists and states that fluidity cannot be explained proceeding from the division of bodies into minuscule and loosely-bonded molecular particles. In the process, Kant distorts the Cartesian concept, claiming that all these particles are in a state of rest. In the *Principles of Philosophy* Descartes writes that “bodies which are divided into very small parts which are agitated by a diversity of {independent} movements, are fluid” (Descartes, 1982, p. 70). In the second proposition Kant meditates on Pascal’s law and comes to the conclusion that liquids consist not only of tiny molecules loosely bonded with one another, but also of fine elastic matter in the interstices between them, which is nothing but ether, the matter of heat, light and fire.

Kant’s third and fourth propositions claim that this elastic matter is between molecules in solid bodies because, first, molten metals always diminish in volume when solidifying and constantly cooling, and second, because metal wires are capable

жении автор пытается дать новую интерпретацию закона Гука и доказать, что деформацию-сжатие твердого тела, пропорциональную приложенным силам, правильнее именовать деформацией-расширением или растяжением, но в кантовские математические расчеты вкрадывается ошибка. Первая часть диссертации завершается общим выводом, где Кант утверждает, что всякое тело состоит из твердых элементов и находящейся между ними эластичной материи, которая позволяет элементам притягиваться и при этом немного изменять свое расположение друг относительно друга. Когда количество эластичной материи уменьшается, элементы приближаются друг к другу, а объем тела уменьшается, и наоборот.

Второй раздел «О материи огня и ее модификациях, тепле и холоде» примерно в два раза больше первого. Он начинается с описания наблюдаемых на опыте характеристик процессов нагревания и охлаждения. В следующем, седьмом положении Кант отождествляет эластичную материю из предыдущего раздела с материей огня, а тепло именуется «ее волнообразным или ующим движением» (AA 01, S. 376) и для доказательства правильности отождествления ссылается на явление кипения. В восьмом положении Кант, используя некоторые сведения из «Оптики» И. Ньютона (Newton, 1706), утверждает, что эластичная материя тепла и огня — это «эфир (или материя света), стиснутый мощной силой притяжения (или сжатия) тел внутри их промежутков» (AA 01, S. 377), и объясняет исходя из своей гипотезы и теории светового эфира Л. Эйлера (Euler, 1962) прозрачность стекла. В девятом положении Кант описывает опыты Амонтонна (Amontons, 1703) об измерении тепла, а также, применяя свою гипотезу эфира, дает ответ на вопрос, почему температура закипающей воды уменьшается вместе с уменьшением атмосферного давления, попутно замечая, что в этом случае вода не проявляет несжимаемости.

В десятом положении Кант переходит к объяснению природы испарений, или паров, а в одиннадцатом, как ему видится, устанавливает природу воздуха и причину его эластичности. Здесь Кант помимо «Оптики» Ньютона часто ссылается на «Статику растений» С. Хейлса (Hales, 1727). Он развивает свое предположение о «так называемой летучей кислоте, которая рассеяна повсюду в воздухе» (AA 01, S. 212; Кант, 1994а, с. 110) на основе собственной статьи «Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения» и приходит к выводу,

of stretching a little under strain without rupture. However, metal molecules cannot be positioned in space with regard to one another the way Kant shows in his flat drawing. Kant's fifth proposition seeks to reinterpret Hooke's law and prove that deformation-compression of a solid body proportional to the applied forces would be more correctly called deformation-extension or stretch, however, an error creeps into Kant's mathematical calculations. The first part of the dissertation ends with the general corollary maintaining that any body consists of solid elements and elastic matter in the interstices between them, which enables the elements to be attracted and slightly change their position relative to one another. When the amount of elastic matter diminishes the elements draw closer together and the volume of the body decreases, and vice versa.

The second section, "On the Matter of Fire and its Modifications, Heat and Cold", is about twice the size of the first one. It begins with the description of observed characteristics of the processes of heating and cooling. In the next, the seventh proposition, Kant identifies elastic matter of the previous section with the matter of fire, and describes heat as its "undulatory or vibratory motion" (*Di*, AA 01, p. 376; Kant, 2012e, p. 318), bolstering his claim by citing the phenomenon of boiling. In the eighth proposition Kant, drawing on some data from Isaac Newton's Latin *Optice* (1706), maintains that the elastic matter of heat and fire is "the ether (the matter of light) compressed by a strong attractive (adhesive) force of bodies into their interstices" (*Di*, AA 01, p. 377; Kant, 2012e, p. 318), and, in line with his hypothesis and Euler's light ether theory (Euler, 1962), explains the transparency of glass. In the ninth proposition Kant describes G. Amontons's experiments (Amontons, 1703) in measuring heat and applies his ether hypothesis to answer the question why the temperature of the water at boiling point drops with the drop of atmospheric pressure, noting in passing that in this case water does not manifest non-compressibility.

In proposition ten Kant proceeds to explain the nature of evaporation, or vapours, and in proposition eleven he claims to establish the nature of air and the cause of its elasticity. Here in addition to Newton's *Opticks* he often cites Hales' *Vegetable Statics* (Hales, 1727). He elaborates his hypothesis of "the volatile acid called into being in this way, which is distributed everywhere in the air" (*FEV*, AA 01, p. 212; Kant, 2012c, p. 180), on the basis of

что высотный воздух качественно отличен от обычного и представляет собой «кислотную жидкость» (AA 01, S. 383), то есть пары кислоты. В двенадцатом положении Кант истолковывает природу пламени как самой горячей и поэтому светящейся разновидности огня, исходя из утверждений своей теории и снова следуя взглядам Эйлера. Заключение диссертации состоит из двух предложений, в которых Кант констатирует, что он полагает «конец едва начатой небольшой работе» (AA 01, S. 384), чтобы не задерживать ученых мужей, обремененных более тяжелыми обязанностями, и вверяет вместе с сочинением самого себя «снисходительной воле» (Ibid.) философского факультета.

3. Место магистерской диссертации Канта среди других его сочинений

Все ранние научные труды Канта посвящены натурфилософским вопросам. В них намечаются уникальные черты кантовского взгляда на природу, формулируются первые оригинальные кантовские мысли, причем некоторые из них — например, концепция трехмерного пространства или идея эфира (ключевая тема диссертации «Об огне») — проходят красной нитью через большинство кантовских работ и обдумываются им, как свидетельствует «*Opus postumum*», вплоть до последних месяцев жизни. Конечно, это не значит, что «докритический» Кант якобы интересовался лишь натурфилософией, а «критический» стал заниматься «подлинной» философией. Это говорит, пожалуй, о некоторых акцентах в его интересах, хотя даже и в этих кантовских натурфилософских работах явно присутствует собственно философский интерес.

В «Мыслях об истинной оценке живых сил», первом своем опубликованном произведении, Кант обращается к проблемам натурфилософии и обсуждает вопрос измерения движения, предлагая компромиссный способ разрешения полемики между лейбницианцами и картезианцами. Хотя Кант в этом трактате симпатизирует Декарту, пространство он понимает вполне по-лейбницеvски: как отношение между субстанциями, проистекающее из их способности действовать вовне какой-то силой: «без этой силы нет никакой связи, без связи — никакого порядка и, наконец, без порядка нет никакого пространства» (AA 01, S. 23; Кант, 1994ж, с. 68). Вполне понятно, что Кант не упоминает здесь о ньютоновской идее абсолютного пространства, а имя Ньютона приводит в качестве примера авторите-

his own article “The Question, Whether the Earth is Ageing, Considered from a Physical Point of View” and comes to the conclusion that air at an elevation is qualitatively different from ordinary air representing “acid humor” (*Di*, AA 01, p. 383; Kant, 2012e, p.325), i.e. acid vapours. In proposition twelve Kant explains the nature of flame as the hottest and therefore luminescent variety of fire, proceeding from his theory and again following the views of Euler. The conclusion of the dissertation consists of two sentences in which Kant “put [s] an end to this little work” that has barely been started in order not to distract the learned gentlemen burdened with heavier duties and surrenders his work and himself to the “benevolent will” (*Di*, AA 01, p. 384; Kant, 2012e, p. 326) of the Philosophical Faculty.

3. The Place of the Master’s Dissertation among Kant’s Works

All of Kant’s early works are devoted to natural philosophy issues. They contain harbingers of the unique features of the Kantian view of nature, formulate early original Kantian thoughts, some of which, e.g. the concept of three-dimensional space or the idea of ether (including the topic of the dissertation *On Fire*) run like a red thread through the majority of Kant’s works and engage his mind until the last months of his life, as witnessed by the *Opus Postumum*. This does not of course mean that in his Pre-Critical period Kant was interested only in natural philosophy and took up “true” philosophy in the Critical period. Rather, it hints at certain accents in his interests, although even these Kantian natural philosophy works clearly reveal an interest in philosophy proper.

In *Thoughts on the True Estimation of Living Forces*, his first published work, Kant addresses the problems of natural philosophy and discusses the measurement of movement, proposing a compromise method of resolving the polemic between Leibnizians and Cartesians. Although Kant in this treatise leans to the side of Descartes, his concept of space is quite Leibnizian: the relationship between substances arising from their ability to apply some kind of force externally: “ [...] without this force there is no connection, without connection, no order, and, finally, without order, no space” (*GSK*, AA 01, p. 23; Kant, 2012a, p. 26). Understandably, Kant does not mention here the Newtonian idea of absolute space and cites Newton as an example of authorities who

тов, с которыми «в настоящее время можно смело не считаться... если они препятствуют открытию истины» (AA 01, S. 7; Кант, 1994ж, с. 52). Концепцию эфира в этом трактате Кант не обсуждает, отмечая, что *vis calorifica* или *frigifaciens* (нагревающая или охлаждающая сила) кажется ему уловкой, «которой пользуются школьные учителя при исследовании причин тепла или холода» (AA 01, S. 18; Кант, 1994ж, с. 63).

Однако вскоре ситуация меняется. Кант более тщательно знакомится с сочинениями Ньютона, который становится для него одним из «несравненных мужей» (AA 01, S. 378). Первые признаки влияния ньютоновства на кантовскую натурфилософию можно найти в двух коротких эссе, написанных в 1754 г. В «Исследовании вопроса, претерпела ли Земля в своем вращении вокруг оси, благодаря которому происходит смена дня и ночи, некоторые изменения со времени своего возникновения» Кант, упоминая Ньютона, размышляет о небесном пространстве, «которое допускает свободное, беспрепятственное движение даже легких кометных газов» (AA 01, S. 186; Кант, 1994г, с. 85), и считает, что оно «заполнено материей, оказывающей бесконечно малое сопротивление» (Там же), то есть эфиром. Следует согласиться с М. Массими, что упоминание об эфирной материи, наполняющей мировое пространство, указывает на то, что Кант обязан изменением своих натурфилософских воззрений не столько прочтению знаменитых ньютоновских «Математических начал натуральной философии» (Newton, 1687), сколько «гораздо более эзотерическому и противоречивому Ньютону, автору «Оптики», который размышлял о химии и о возможном эфирном механизме, стоящем за химическими явлениями» (Massimi, 2011, p. 540). Текст трактата «Об огне» не оставляет почвы для сомнений в правомерности этого утверждения, хотя из-за малой его известности роль «Оптики» в исследованиях, посвященных кантовскому философскому наследию, часто недооценивается (см., например: Schönfeld, 2000).

Именно «Оптика» Ньютона, наряду с продолжающей ее идеи «Статикой растений» Хейлса, предоставила Канту материал для формулирования «четвертого мнения» относительно разрешения «Вопроса о том, стареет ли Земля с физической точки зрения». Согласно Канту, это мнение «не так уж противоречит разумному естествознанию и наблюдению, как это можно было бы предположить» (AA 01, S. 211; Кант, 1994а, с. 109). Им признается существование некой летучей кислоты, упоминаемой

can be ignored: “One can boldly dare to think nothing of the [ir] reputation [...], if it should oppose the discovery of truth” (GSK, AA 01, p. 7; Kant, 2012a, p. 14). Kant does not discuss the concept of ether in this treatise, noting that *vis calorifica* or *frigifaciens* (the heating or cooling force) appears to him to be an artifice, “that the Scholastics exploited [...], investigating the grounds of heat or cold” (GSK, AA 01, p. 18; Kant, 2012a, pp. 22-23).

However, before long the situation changes. Kant studies Newton’s works more thoroughly and comes to regard him as one of the “incomparable men” (Di, AA 01, p. 378; Kant, 2012e, p. 319). The first signs of Newtonian influence on Kant’s natural philosophy can be found in two short essays written in 1754. In “Examination of the Question Whether the Rotation of the Earth on Its Axis by Which It Brings about the Alternation of Day and Night has Undergone any Change since Its Origin” Kant mentions Newton reflecting on the heavenly space “which permits free and unimpeded motion even to the light vapours of comets” (UFE, AA 01, p. 186; Kant, 2012b, p. 161), and holds that it is “filled with some relatively resistant matter” (UFE, AA 01, p. 186; Kant, 2012b, p. 160), i.e. ether. One has to go along with M. Massimi that the mention of the ether matter that fills the world space indicates that Kant owes the change of his natural philosophy view not so much to the reading of Newton’s famous *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* (Newton, 1687), as to “the much more esoteric and controversial Newton of the *Opticks*, who ruminated on chemistry and on the possible ether-mechanism behind chemical phenomena” (Massimi, p. 540). The text of *On Fire* leaves no room for doubting this proposition, although the role of *Opticks* is often underestimated in research because it is little known (see for example: Schönfeld, 2000).

It was Newton’s *Opticks*, along with Hales’ idea of *Vegetable Staticks* that elaborates it, that provided Kant with material for formulating “the fourth opinion” on the solution of “The Question, Whether the Earth is Ageing, Considered from a Physical Point of View”. According to Kant, this opinion “is not so opposed to sound natural science and observation as one might think” (FEV, AA 01, p. 211; Kant, 2012c, p. 180). He recognises the existence of a volatile acid he would later mention in proposition eleven of *On Fire*. This acid “constitutes the active principle in most kinds of salts, the essential part of sulphur and the leading principle of the combustible

впоследствии и в одиннадцатом положении сочинения «Об огне». Эта кислота «составляет деятельное начало в большинстве видов солей, существенную часть серы и главную часть горючего» (AA 01, S. 212; Кант, 1994а, с. 109), то есть является прообразом тонкой эфирной материи огня, тепла и света из пока еще не написанной Кантом магистерской диссертации.

В непосредственно предшествующей трактату «Об огне» «Всеобщей естественной истории и теории неба», впервые изданной в 1755 г., Кант пытается синтезировать идеи Ньютона из «Математических начал натуральной философии» и «Оптики», объясняя «великий порядок природы только силой притяжения и силой отталкивания» (AA 01, S. 234; Кант, 1994б, с. 128). Влияние первой из этих книг проявляется прежде всего в кантовской трактовке притяжения как фундаментального принципа мироустройства, а также в постулировании существования атомов и пустого пространства, «бесконечного вместилища бытия божьего» (AA 01, S. 306; Кант, 1994б, с. 198). Правда, в примечании к первой главе второй части Кант замечает, что он не исследует «вопроса о том, можно ли назвать это пространство пустым в буквальном смысле слова. Ибо здесь достаточно лишь отметить, что вся материя, которая, возможно, находится в этом пространстве, далеко не способна оказать какое-нибудь влияние на движение масс, о которых здесь идет речь» (AA 01, S. 262n; Кант, 1994б, с. 152 сн.). Это примечание демонстрирует, что, не упоминая в этой работе об эфире, Кант вовсе не отрицает возможности его существования как рассеянной во всемирном пространстве тонкой материи. Сила отталкивания, которая, по Канту, «обнаруживается в упругости паров, в истечении сильно пахнущих тел и в летучести всех веществ, содержащих спирт, и которая есть неоспоримое явление природы» (AA 01, S. 265; Кант, 1994б, с. 155), рассматривается Кантом сквозь призму «Оптики» Ньютона и написанной под ее влиянием «Статики растений» Хейлса. Эта сила увязывается им с легким и самым горючим веществом, которое только существует в природе, с «чрезвычайно летучей материей» (AA 01, S. 320; Кант, 1994б, с. 212). В контексте проблематики трактата «Об огне» наиболее интересно дополнение к седьмой главе «Всеобщей естественной истории...», которое называется «Всеобщая теория и история Солнца вообще». Солнце, по Канту, — это «действительно пылающее тело, а не раскаленная до высшей степени масса расплавленной материи» (AA 01, S. 324; Кант, 1994б, с. 216),

element of fire" (FEV, AA 01, p. 212; Kant, 2012c, p. 180), i.e. is the precursor of the fine ether matter of fire, heat and light from Kant's yet-to-be-written Master's dissertation.

In the *Universal Natural History and Theory of the Heavens*, immediately preceding the treatise *On Fire* first published in 1755, Kant attempts to synthesise the ideas of Newton from *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* and *Opticks* on using "no forces other than those of attraction and repulsion to develop the great order of nature" (NTH, AA 01, p. 234; Kant, 2012d, p. 204). The influence of the first of these books shows above all in Kant's treatment of attraction as the fundamental principle of the world order and the postulate of the existence of atoms and empty space, the "infinite extent of divine presence" (NTH, AA 01, p. 306; Kant, 2012d, p. 261). True, in a note to chapter one of the second part, Kant notes that he is "here not examining whether this space can be called empty in the most proper sense. For here it suffices to note that all matter that might be encountered in this space is far too powerless to have any influence on the moved masses at issue" (NTH, AA 01, p. 262n; Kant, 2012d, p. 226n). This note shows that, without mentioning ether in this work, Kant does not deny the possibility of its existence as fine matter dispersed in the world space. The repulsive force, which is, according to Kant, "revealed in the elasticity of vapours, in the emission of strong-smelling bodies and in the dispersion of all spirituous matter, and which is an undisputed phenomenon of nature" (NTH, AA 01, p. 265; Kant, 2012d, p. 229), is seen by Kant through the prism of Newton's *Opticks* and Hales' *Vegetable Staticks* written under its influence. He associates this force with the light and most flammable substance existing in nature, with "the most volatile matter" (NTH, AA 01, p. 320; Kant, 2012d, p. 272). In the context of the problems discussed in *On Fire* the addition to chapter seven of the *Universal Natural History* entitled "Universal Theory and History of the Sun" presents the most interest. The sun, according to Kant, is "a flaming body and not merely a mass of molten and glowing matter" (NTH, AA 01, p. 324; Kant, 2012d, p. 275), formed from the lightest and most volatile particles which were once "dispersed in the space of the heavens that are now empty" (NTH, AA 01, p. 345; Kant, 2012d, p. 290). It is a fire-ball consisting mainly of fire and air "since no fire will burn without air" (NTH, AA 01, p. 325; Kant, 2012d, p. 275). Speaking about the structure of the sun,

образовавшееся из наиболее легких и летучих частиц, когда-то рассеянных «по пустому ныне пространству неба» (AA 01, S. 345; Кант, 1994б, с. 237). Оно представляет собой огненный шар, состоящий по преимуществу из огня и воздуха, «потому что без воздуха никакой огонь не горит» (AA 01, S. 325; Кант, 1994б, с. 217). Говоря об устройстве Солнца, Кант, так же как в своей магистерской диссертации, в зависимости от силы горения разграничивает огонь и пламя. Далее, базируясь на экспериментах Хейлса, он предполагает, что «в недрах Солнца содержатся преимущественно такие вещества, которые подобно селитре неисчерпаемо богаты упругим воздухом» (AA 01, S. 326; Кант, 1994б, с. 218), и поэтому солнечный огонь не испытывает недостатка в топливе.

Таким образом, приступая к написанию своей магистерской диссертации, Кант полагал, что: 1. Все тела состоят из элементов, на которые действуют силы притяжения и отталкивания. 2. Мировое пространство, включая пространство между элементами, либо пусто, либо наполнено тонкой эфирной материей, не препятствующей движению тел и их элементов. 3. Элементы огня и воздуха состоят из самой тонкой, легкой, летучей и эластичной материи, проявляющей, преимущественно, силу отталкивания. Поэтому Канту кажется вполне уместным синтезировать эти три положения и ввести в физику, наряду с элементами тел, особую тонкую эластичную материю эфира (она же будет материей огня, пламени, света и тепла), служащую механической средой для передачи сил притяжения и отталкивания. Этот синтез Кант осуществит в трактате «Об огне», главная интенция которого — создание умозрительной гипотезы о пронизывающей все тела эластичной материи.

Вторая кантовская диссертация «Новое освещение принципов метафизического познания» посвящена проблемам логики и метафизики, натурфилософские рассуждения в ней встречаются редко, как поясняющие примеры. Об эластичной материи воздуха и огня Кант мимоходом говорит в четвертом положении (снова неверно интерпретируя физику Декарта, на это раз — его трактовку воздуха и света) (AA 01, S. 393; Кант, 1994з, с. 271) и десятом (здесь он кратко пересказывает заключительные предложения двенадцатого положения трактата «Об огне») (AA 01, S. 407–408; Кант, 1994з, с. 296–297).

А вот третью диссертацию Канта, так называемую «Физическую монадологию» (Кант, 1994о) можно рассматривать как продолжение «Об огне».

Kant, as in his Master's dissertation, distinguishes fire and flame depending on the force of burning. Then, based on Hales' experiments, he suggests that "in its innards" there are mostly substances "that, like saltpetre, are inexhaustibly productive of elastic air" (NTH, AA 01, p. 326; Kant, 2012d, p. 276), so that the fire of the sun has no shortage of fuel.

Thus, when he embarked on writing his Master's dissertation, Kant believed that: 1. All bodies consist of elements acted upon by the forces of attraction and repulsion. 2. The world space, including the space between elements, is either empty or is filled with fine ether matter that does not impede the movement of bodies and their elements. 3. The elements of fire and air consist of the finest, lightest, volatile and elastic matter which mainly manifests the force of repulsion. That is why Kant thinks it is appropriate to synthesise these three provisions and introduce into physics, along with elements of bodies, a kind of fine elastic matter of ether (it will also be the matter of fire, flame, light and heat), providing the mechanical environment for the transmission of the forces of attraction and repulsion. Kant would effect such a synthesis in his treatise *On Fire* whose main purport is to create a speculative hypothesis of the elastic matter that permeates all bodies.

Kant's second dissertation, *A New Elucidation of the First Principles of Metaphysical Cognition*, is devoted to the problems of logic and metaphysics with natural philosophy issues brought in only occasionally as elucidating examples. Kant refers to the elastic matter of air and fire in passing in proposition four, where he once again misinterprets Descartes' physics, this time his treatment of air and light (PND, AA 01, p. 393; Kant, 1992a, p. 12) and proposition ten, where he briefly recapitulates the concluding sentences of proposition twelve of the treatise *On Fire* (PND, AA 01, p. 407–408; Kant, 1992a, p. 33).

By contrast, Kant's third dissertation, the so-called *Physical Monadology*, can be seen as a continuation of *On Fire*. First, it logically follows from its full title which is seldom quoted in full because of its length: *The Employment in Natural Philosophy of Metaphysics Combined with Geometry, of which Sample I [in Latin original: specimen I — S.L.] Contains the Physical Monadology, which, by Consent of the Most Eminent Faculty of Philosophers, will be Defended by Magister Immanuel Kant on 10 April, in the Philosophical Auditorium, between the Hours of Eight and Twelve. The Respondent: Lucas David Vogel, of Königsberg in*

Во-первых, это логически следует из ее полного названия, которое из-за огромной длины редко приводится полностью: «Применение метафизики, соединенной с геометрией, в натуральной философии, первая пробная работа (specimen I.) [из] которой содержит физическую монадологию, которую с соизволения высочайшей корпорации философов 10 апреля с 8 до 12 часов в философской аудитории будет защищать магистр Иммануил Кант с респондентом Лукой Давидом Фогелем, студентом теологии, жителем прусского Кёнигсберга, с благородными и высокообразованными оппонентами Людвигом Эрнстом Боровски, студентом теологии, жителем прусского Кёнигсберга, Георгом Людвигом Мюлленкампом, студентом теологии из Тремпица близ прусского Даркемена, и Людвигом Иоанном Крузенмарком, студентом теологии из Киритца в Марке в 1756 году» (AA 01, S. 473; Кант, 1994о, с. 513). На мой взгляд, в названии этой работы Кант ссылается на своей трактат «Об огне», который и был его «первой пробной работой» (specimen). Так он назван самим автором на титульном листе, и в «Анналах» Альбертины, как уже отмечалось, сказано, что Кант предоставил «пробную работу по физике “Об огне”» (цит. по: Pacholik-Żuromska, 2010, s. 921). Во-вторых, в трактате «Об огне» содержатся рассуждения относительно проблематики натуральной философии и физической монадологии в кантовском понимании этого термина, поскольку в нем ведется речь не только об эластичной материи огня, но и об элементах, составляющих твердые, жидкие и парообразные тела, а в примечании к первому положению своей третьей диссертации Кант пишет: «Так как намерение мое — рассуждать только о том классе простых субстанций, которые суть первичные части тела, то я заранее заявляю, что я намерен впоследствии пользоваться терминами простые субстанции, монады, элементы материи, первичные части тела будто бы синонимами» (AA 01, S. 477; Кант, 1994о, с. 316). В «Физической монадологии» Кант отчетливо выражает свой отказ³

³ Однако в 1768 г. Кант в небольшой работе «О первом основании различения сторон в пространстве» вернется к «абсолютному и первоначальному пространству» (AA 02, S. 383; Кант, 1994к, с. 275) как необходимому условию для взаимного отношения телесных вещей. А в профессорской диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» Кант подвергнет критике абсолютное пространство ньютоналинцев так же, как и относительное пространство Лейбница: пространство для него станет субъективным чистым созерцанием и основной формой внешнего ощущения, «абсолютно первым *формальным* принципом чувственно воспринимаемого мира» (AA 02, S. 405; Кант, 1994м, с. 302).

Prussia, Candidate in Sacred Theology. The Opponents: the Honourable and Accomplished Young Gentlemen Ludwig Ernst Borowski of Königsberg in Prussia, Candidate in Sacred Theology; Georg Ludwig Mühlenkampff of Trempen near Darkehmen in Prussia, Candidate in Sacred Theology; and Ludwig Johann Krusemark of Kyritz in the Mark, Candidate in Sacred Theology, in the Year 1756 (MonPh, AA 01, p. 473; Кант, 1992b, p. 49). In my opinion, in the title of this work Kant refers to his treatise *On Fire* which was his “sample I” (specimen I). This is what it is called by the author on the title page, and in the Albertina’s annals, as mentioned earlier, it states that Kant had submitted a “specimen work in physics *On Fire*” (cited from Pacholik-Żuromska, 2010, p. 921). Secondly, the treatise *On Fire* contains meditations on the problems of natural philosophy and physical monadology in the Kantian meaning of the term, because it deals not only with the elastic matter of fire but also with the elements that constitute solid, liquid and vaporous bodies, and in a note to the first proposition in his third dissertation Kant writes, “Since the purpose of my undertaking is only to treat of the class of simple substances which are the primitive parts of bodies, I give advance warning that in what follows I shall use the following terms as if they were synonymous: simple substances, monads, elements of matter, and fundamental parts of body” (MonPh, AA 01, p. 477n; Кант, 1992b, p. 53n). In the *Physical Monadology* Kant clearly renounces⁶ the idea of an absolutely empty space, attributing the differences in the density of bodies to the inertia of their constituent elements. He reduces the impermeability of the latter and the elasticity of ether or the matter of fire to the repulsive force, owing to which an element “will be [...] perfectly elastic, and a number of them will, in virtue of their combined elasticities, constitute a medium which is primitively elastic” (MonPh, AA 01, p. 487; Кант, 1992b, p. 66). Consequently, the third dissertation completes Kant’s dynamic theory of matter to which he would adhere, with minor variations, till the end of his life. Thus,

⁶ However in a short 1768 work “Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space” Kant reverts to “absolute and original space” (GUGR, AA 02, p. 383; Кант, 1992e, p. 371) as the necessary condition of inter-relationship of body objects. In the professorial thesis *On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World* Kant criticises the Newtonian absolute space as well as the relative space of Leibniz: for him space is subjective pure intuition and the main form of external sensibility, “absolutely first formal principle of the sensible world” (MSI, AA 02, p. 405; Кант, 1992f, p. 398).

от идеи абсолютного пустого пространства, объясняя различие в плотности тел с помощью инерции составляющих их элементов. А непроницаемость последних и эластичность эфира, или материи огня, он сводит к отталкивающей силе, благодаря действию которой «элемент будет совершенно эластичен, а многие элементы такого рода от соединения своих упругостей составят среду первично упругую» (AA 01, S. 487; Кант, 1994о, с. 332). Следовательно, в третьей диссертации заканчивается становление динамической теории материи Канта, которую он будет, с незначительными вариациями, исповедовать до конца жизни. Эластичный эфир трактата «Об огне» превратился, таким образом, из тонкой опосредующей среды, связывающей элементы тел, во вместилище сил притяжения и отталкивания, распространенное во всей Вселенной, но он по-прежнему «отвечает» за явления тепла, света, огня, а также за электричество и магнетизм, которые в своей первой диссертации Кант обошел вниманием. Следовательно, едва ли следует, подобно Л. У. Беку, проводить непроницаемую границу между обеими этими диссертациями, провозглашая трактат «Об огне» завершением «механической натуральной философии» Канта, а «Физическую монадологию» — началом его «динамической натуральной философии» (Beck, 1986, p. 12). На мой взгляд, гораздо ближе к истине утверждение М. Массими, что «ядро кантовской ранней “динамической натуральной философии” возникает из этого важного короткого латинского эссе (то есть трактата «Об огне». — С.Л.) и из “механической натуральной философии”, отстаиваемой в ней» (Massimi, 2011, p. 536).

Два небольших естественнонаучных трактата Канта, опубликованных им на немецком языке в том же году — «О причинах землетрясений» и «Новые замечания для пояснения теории ветров», — показывают, как он объясняет конкретные природные явления исходя из более общих посылок, содержащихся в обеих его натурфилософских диссертациях. Так, Кант считает, что «землетрясения вызываются подземным пожаром» (AA 01, S. 422; Кант, 1994л, с. 337), и описывает опыты Лемери по искусственному их воспроизводству, которые становятся более понятными с учетом кантовских представлений об эластичных кислотных парах, рассеянных повсюду, включая подземные пустоты, и являющихся подходящим топливом для пламени. А атмосферу Земли, с точки зрения Канта, «следует представлять себе в виде моря жидкой

the elastic ether of the treatise *On Fire* turns from a fine mediating medium binding the elements of bodies into the repository of the forces of attraction and repulsion spread throughout the Universe, but is still “responsible” for the phenomena of heat, light, and fire as well as electricity and magnetism which Kant ignored in the first dissertation. And so it would hardly be right, as does L.W. Beck, to draw a watertight boundary between these dissertations, declaring *On Fire* to be the completion of Kant’s “mechanical natural philosophy,” and *Physical Monadology* the beginning of his “dynamical natural philosophy” (Beck, 1986, p. 12). I would rather go along with Michela Massimi who believed that “the kernel of Kant’s early ‘dynamical natural philosophy’ originates from this important short Latin essay [i.e. *On Fire* — S.L.], and from the ‘mechanical natural philosophy’ championed in it” (Massimi, 2011, p. 536).

The two short natural science treatises Kant published in German that same year — “On the Causes of Earthquakes...” and *New Notes to Explain the Theory of the Winds...* — show how he explains concrete natural phenomena, proceeding from the more general premises of his two natural philosophy dissertations. Thus, Kant believes that “subterranean conflagration causes these tremors [i.e. earthquakes — S.L.]” (VUE, AA 01, p. 422; Kant, 2012f, p. 332), and describes N. Lemery’s experiments in reproducing them artificially. These are better understood in the light of Kantian ideas of elastic acid vapours dispersed everywhere, including subterranean voids, and which are suitable fuel for flame. The earth’s atmosphere, according to Kant, “should be thought of as a sea of fluid, elastic material constituted, as it were, of layers of different density, which decreases as the height increases” (TW, AA 01, p. 491; Kant, 2012g, p. 376), which is fully in harmony with the views Kant sets forth in propositions ten and eleven of *On Fire*.

As witnessed by Kant’s following “Pre-Critical” publications, although he had temporarily put on hold reflections on the ether matter, he revisited this topic from time to time, using his conclusions to illustrate metaphysical cases with concrete examples. Thus in *The Only Possible Argument in Support of a Demonstration of the Existence of God*, in meditating on the natural order as grounds for proving the existence of God Kant writes, “It is with good reason presumed that the expansion of bodies as a result of heat, that light, electrical energy, thunderstorms,

упругой материи, состоящего как бы из слоев различной плотности, которая уменьшается с увеличением высоты» (AA 01, S. 491; Кант, 1994и, с. 344), и это полностью соответствует тем взглядам, которые Кант излагает в десятом и одиннадцатом положениях «Об огне».

Как демонстрируют последующие «докритические» печатные работы Канта, хотя он и сделал паузу в систематических размышлениях об эфирной материи, но время от времени возвращался к этой проблематике, используя свои выводы для иллюстрации метафизических тем конкретными примерами. Так, в «Единственном возможном основании для доказательства бытия Бога» при рассуждении о порядке природы как основании для доказательства бытия Бога Кант отмечает: «Есть полное основание предполагать, что расширение тел от теплоты, свет, электрическая сила, грозы, быть может, и магнетическая сила — все это только разного рода проявления одной и той же деятельности материи, разлитой по всему пространству, а именно эфира» (AA 02, S. 113; Кант, 1994в, с. 441). Достаточно пространное описание огня, тепла, магнетизма, электричества можно найти и в «Опыте введения в философию отрицательных величин», созданном в том же году. Там Кант, исходя из предположения о расширении уплотненного эфира, предлагает модель эксперимента, подтверждающего существование противоположных полюсов тепла. При этом он отмечает, что «если опыты основаны не на случайности, то поводом для них должны служить гипотезы» (AA 02, S. 186; Кант, 1994н, с. 65). В данном случае гипотезой, развившейся из идей, впервые высказанных Кантом в трактате «Об огне», будет предположение о существовании эфира как однородной материи, объединяющей магнетическую силу, электричество и тепло, которые действуют в ней. Кроме того, только благодаря ему становится понятным кантовское сравнение пороха и пружины, а также увязывание действия искры при выстреле с освобождением от «огромной силы притяжения» (AA 02, S. 199; Кант, 1994н, с. 79).

Специальное исследование эфирной материи с учетом достижений, полученных критическим идеализмом, Кант продолжит много лет спустя, в «Метафизических началах естествознания», опубликованных в 1786 г. Во второй части этого трактата он вводит различие между механической и динамической натурфилософией. Первая «располагает в качестве материала для своих выводов *атомами и пустотой*» (AA 04, S. 532; Кант, 1994е, с. 331–332),

and perhaps even the force of magnetism, are many different manifestations of one and the self-same operative matter present in all of space, namely, the aether" (BDG, AA 02, p. 113; Kant, 1992c, p. 155). A fairly long description of fire, heat, magnetism and electricity can be found in the "Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy" written that same year. In it, positing the expansion of compressed ether, Kant proposes a model which confirms the existence of opposite poles of heat. And he notes that "if experiments are to be more than a matter of mere accident, they must be instituted by and conducted in accordance with a surmise" (NG, AA 02, p. 186; Kant, 1992d, p. 226). In this particular case, the surmise developed on the basis of ideas first articulated by Kant in the treatise *On Fire* is the existence of ether as uniform matter combining magnetic force, electricity and heat within which they act. Besides, it alone explains Kant's comparison of gunpowder to a spring and the connection of the action of a spark that sets off a shot to the release of "powerful forces of attraction" (NG, AA 02, p. 199; Kant, 1992c, p. 237).

Kant would continue a special study of the ether matter in light of the achievements of critical idealism many years later in the *Metaphysical Foundations of Natural Science* published in 1786. In the second part of that treatise Kant introduces a distinction between mechanical and dynamic philosophy of nature. The former "has as materials for its derivation *atoms and the void*" (MAN, AA 04, p. 532; Kant, 2004, p. 241), the latter explains "specific variety of matters [...] from the moving forces of attraction and repulsion originally inherent in them" (*ibid.*). In Kant's view, the "dynamical mode of explanation [...] is much more appropriate and conducive to experimental philosophy" (MAN, AA 04, p. 533; Kant, 2004, p. 242). Kant denies the existence of empty space (it is merely a possible idea of reason) and adheres to an alternative *hypothesis* of "matter (as one imagines the aether, for example) that completely filled its space without any emptiness, and yet with an incomparably smaller quantity of matter, at the same volume, than any bodies we can subject to our experiments" (MAN, AA 04, p. 534; Kant, 2004, p. 243). According to Kant, without recognising ether "no law of either attractive or repulsive force may be risked on *a priori* conjectures" (MAN, AA 04, p. 534; Kant, 2004, p. 243). The supposed physical and chemical properties of ether are the same as those in his Master's dissertation *On Fire*,

вторая объясняет «специфические различия материй... из изначально присущих им движущих сил притяжения и отталкивания» (Там же).

С точки зрения Канта, «динамический способ объяснения — гораздо более подходящий и полезный для экспериментальной философии» (AA 04, S. 533; Кант, 1994е, с. 332). Кант отрицает действительное существование пустого пространства (оно лишь возможная идея разума) и придерживается альтернативной гипотезы о материи, «которая заполняет свое пространство без всяких пустот и тем не менее с несравненно меньшим количеством материи при одном и том же объеме, чем все тела, доступные нашим наблюдениям (примерно такой материей представляют себе эфир)» (AA 04, S. 534; Кант, 1994е, с. 334). По Канту, «не признавая эфира, нельзя даже пытаться на основе догадок установить а priori какой-либо закон силы притяжения или отталкивания» (Там же). Предполагаемые физические и химические свойства эфира те же, что описаны в магистерской диссертации «Об огне»: свойственная ему сила отталкивания гораздо больше силы притяжения, он образует упругую (то есть эластичную) среду, благодаря которой проявляется действие кислот. Замечая, что «упругость материи теплоты, быть может, изначально» (AA 04, S. 530; Кант, 1994е, с. 328), Кант по-прежнему отождествляет ее с эфиром. Наконец, он воспроизводит свое давнее мнение, что притяжение материи можно объяснять «результатом одного только сжатия посредством внешней, повсюду распространенной в мировом пространстве материи (эфира)» (AA 04, S. 563–564; Кант, 1994е, с. 370). В конце «Метафизических начал естествознания» он подчеркивает гипотетический статус эфира, констатируя, что «отрицать пустое пространство приходится исходя из гипотез; ведь не лучше обстоит дело и с отставанием его» (AA 04, S. 564; Кант, 1994е, с. 371), и пишет, что признание, равно как и отрицание эфира, — проявление догматизма, опирающегося на метафизические предпосылки, а с точки зрения критической философии «задача вовсе не может быть решена» (Там же). Ту же мысль можно найти в «Логике», которую на основе рукописных лекций Канта издал Г. Б. Йеше в 1800 г.: «...эфир новых физиков есть предмет простого мнения. Ибо относительно этого, как и относительно всякого мнения вообще, какое только возможно, я понимаю, что ведь можно было бы доказать и противоположное» (AA 09, S. 68; Кант, 1994д, с. 324).

its inherent force of repulsion is far greater than that of attraction and it forms an elastic environment thanks to which the effect of acids manifests itself. Noting that “elasticity [of matter of heat — S.L.] is perhaps original” (MAN, AA 04, p. 530; Kant, 2004, p. 239), Kant still identifies it with ether. Finally, he reiterates his long-held opinion that the attraction of matter can be explained by “the effect, say, of a compression by external matter (the aether) distributed everywhere in the universe” (MAN, AA 04, pp. 563–564; Kant, 2004, p. 269). At the end of the *Metaphysical Foundations of Natural Science* he stresses the hypothetical status of ether and writes that “this refutation of empty space proceeds entirely hypothetically, for the assertion of empty space fares no better” (MAN, AA 04, p. 564; Kant, 2004, p. 269), and that recognising as well as denying ether is dogmatism based on metaphysical premises, while from the viewpoint of critical philosophy “it was necessary at least to show that these can do nothing at all to resolve the problem” (MAN, AA 04, p. 564; Kant, 2004, p. 269). The same idea is expressed in *Logic* published by G.-B. Jäsche in 1800 on the basis of manuscripts of Kant’s lectures: “[...] the ether of modern physicists is a mere matter of opinion. For with this as with every opinion in general, whatever it may be, I see that the opposite could perhaps yet be proved” (Log, AA 09, p. 68; Kant, 1992g, p. 572).

However, Kant’s position probably made a U-turn in the process of writing the *Opus Postumum*. In any case the second convolute contains this fragment:

[there] exists a matter, distributed in the whole universe as a continuum, uniformly penetrating all bodies, and filling [all spaces] (thus not subject to displacement). Be it called ether, or caloric, or whatever, it is no hypothetical material (for the purpose of explaining certain phenomena, and more or less obviously conjuring up causes for given effects); rather, it can be recognised, and postulated a priori, as an element [Stück] necessarily belonging to the transition from the metaphysical foundations of natural science to physics (OP, AA 21, p. 218; Kant, 1993, p. 69).

I will not recap Kant’s a priori proof of the existence of ether, especially considering the specificity of the text of the *Opus Postumum* so that any attempts to ensure its consistent interpretation are only probabilistic. I would merely note that ether

Однако в процессе создания «Opus postumum» позиция Канта, возможно, изменилась на диаметрально противоположную. Во всяком случае, во втором конволюте содержится такой фрагмент:

Существует материя, распределенная во всей вселенной в виде континуума, равномерно пронизывающая все тела и заполняющая [все пространство] (соответственно, не подверженная смещению). Названная эфиром, или теплородом, или чем-то другим, она не есть гипотетический материал (для объяснения определенных явлений и для более или менее очевидного выявления причин данных в опыте действий); скорее, ее можно признать и постулировать *a priori* как элемент [Stück], обязательно принадлежащий переходу от метафизических начал естествознания к физике (AA 21, S. 218).

Я не буду приводить кантовское априорное доказательство существования эфира, тем более что специфика текста «Opus postumum» такова, что любые попытки его непротиворечивого толкования имеют лишь вероятностный характер. Отмечу лишь, что теплород (то есть эфир) не только служит там «принципом возможности единства всего возможного опыта» (AA 21, S. 225), но и точно так же, как в магистерской диссертации «Об огне», является реальной, вездесущей, протяженной, заполняющей все пространство, совершающей волнообразные движения эластичной материей огня, света и тепла. Поэтому очевидно, что кантовские взгляды на эфир в поздний период творчества находятся в преемственности с идеями из его первой диссертации, и их необходимо трактовать с ее учетом. В исследованиях Б. Тушлинга (Tuschling, 1973), Э. Фёрстера (Förster, 1987; 1989; 2000), М. Фридмана (Friedman, 1992), С. М. Чернова (Чернов, 1985; 2000) и А. М. Карпенко (Карпенко, 2001) естественнонаучные взгляды Канта из последнего неоконченного трактата сравниваются прежде всего с мыслями из «Метафизических начал естествознания», что само по себе интересно и значимо, но обращение к магистерской диссертации «Об огне» позволяет интерпретировать их более полно.

Заключение

Трактат «Об огне» — важное свидетельство становления Канта как натурфилософа, имеющее большое значение для понимания его естественнонаучных идей. Поэтому я могу лишь частично согласиться с утверждением Н. В. Мотрошиловой, что «эта работа не оставила большого следа в истории

does not only constitute a “principle for the possibility of experience of an absolute whole” (OP, AA 21, p. 225; Kant, 1993, p. 73), but, exactly as in the Master’s dissertation *On Fire*, is real, ubiquitous, extended, filling all space, performing undulating movements of elastic matter of fire, light and heat. Obviously, then, Kant’s views on ether in the later period hark back to the ideas of his first dissertation and must be interpreted in its light. B. Tuschling (1973), E. Förster (1987; 1989; 2000), M. Friedman (1992), S. M. Chernov (1985; 2000) and A. M. Karpenko (2001) compare Kant’s natural science ideas from his last unfinished treatise primarily with his thoughts from the *Metaphysical Foundations of Natural Science*, which is interesting and relevant, but still they can be interpreted more fully by turning to his Master’s dissertation *On Fire*.

Conclusion

The treatise *On Fire* is an important testimony of Kant’s formation as a natural philosopher, essential for understanding natural science ideas. I cannot therefore go all the way with N. V. Motroshilova who claims that “this work has not made a big mark in the history of philosophy and indeed in the life of Kant himself” (Motroshilova, 1996, p. 345). It is true that historical-philosophical studies devoted to *On Fire* are few and far between. However, it played a very important role in Kant’s life as it was inseparable from his return to academia. Besides, it was while writing the Master’s dissertation that Kant started developing the dynamical theory of matter, positing the existence of ether as the medium transmitting the forces of attraction and repulsion. For the young Kant, the fine elastic ether matter fills all space and manifests itself above all in the phenomena of heat, burning and light. Some properties of solid and liquid bodies as well as air point to its existence. In his mature years Kant considered the ubiquitous ether to be a valid hypothesis, maintaining that its alternative — empty space — is not confirmed by experience, although its existence cannot be denied. Finally, in his last unfinished work *Opus Postumum*, at least in some parts of it, Kant reverted to positing the real existence of ether, in many ways harking back to his ideas enunciated in 1755.

Thus, Kant’s ideas of ether matter changed in the course of his work. Judging from Kant’s print-

философии, да и в жизни самого Канта» (Мотрошилова, 1996, с. 345). Действительно, историко-философских исследований, посвященных сочинению «Об огне», немного. Но в жизни Канта оно сыграло особую роль, так как неотделимо от его возвращения в академическую сферу. Кроме того, именно при написании магистерской диссертации Кант приступил к разработке динамической теории материи, постулировав существование эфира как среды для передачи сил притяжения и отталкивания. С точки зрения молодого Канта, тончайшая эластичная эфирная материя заполняет все пространство и проявляется прежде всего в феноменах тепла, горения и света. Также на ее существование указывают некоторые свойства твердых и жидких тел, равно как и воздуха. В зрелые годы Кант рассматривал всепроникающий эфир как достаточно убедительную гипотезу, утверждая, что его альтернатива — пустое пространство — не обнаруживается в опыте, хотя эту возможность и нельзя отрицать. Наконец, в своем последнем неоконченном сочинении «Opus postumum», во всяком случае в некоторых его фрагментах, Кант стал отстаивать реальное существование эфира, во многом вернувшись к своим идеям, высказанным в 1755 г.

Таким образом, представления Канта об эфирной материи менялись на протяжении его жизни. Если судить по кантовским печатным работам, то он заинтересовался эфирной проблематикой еще в годы работы домашним учителем. Большую роль в этом сыграли «Оптика» Ньютона и «Статика растений» Хейлса. Затем Кант становится сторонником теории атомизма и абсолютного пространства, не отрицая, впрочем, возможности существования тонкого эфира, который никак не препятствует движению состоящих из атомов тел. При написании диссертации «Об огне» Кант начинает переходить от атомизма к динамизму, а завершается этот переход в третьей диссертации, так называемой «Физической монадологии». Эфир теперь не наполняет промежутки между элементами тел, а является своего рода полем⁴ действия сил притяжения и отталкивания. Эта концепция в «Метафизических началах естествознания», созданных много лет спустя, будет названа Кантом «динамической

⁴ Кант не использует физический термин «поле», но, как указывает Ю.Н. Солонин, имеется значительное сходство между кантовским эластичным эфиром, носителем явления света, тепла, огня, электричества и магнетизма, и идеями Фарадея о поле сил, которые «придавали научный смысл метафизическим догадкам Канта» (Солонин, 1983, с. 77).

ed works, he developed an interest in the problem of ether while still working as a tutor. Newton's *Opticks* and Hales' *Vegetable Statics* played a major role in this. Then Kant embraced the idea of atomism and absolute space without, however, denying the possibility of the existence of fine ether which does not impede the movement of the bodies consisting of atoms. When writing his dissertation *On Fire* Kant starts moving from atomism to dynamism, with the period being crowned with a third dissertation, the so-called *Physical Monadology*. Now ether does not fill the interstices between elements of bodies, but is a kind of field⁷ of action of the forces of attraction and repulsion. In the *Metaphysical Foundations of Natural Science* written many years later Kant would refer to this concept as "dynamical natural philosophy," considering it to be more fruitful in the study of nature than atomism, which he came to identify with "mechanical natural philosophy." However, because neither the finest ether nor empty space can be objects of perceptions Kant during the Critical period, while giving preference to the former, stresses the hypothetical status of both concepts of natural philosophy. Kant's latest theory of ether in the *Opus Postumum* has yet to be clarified, although some research into it has been done. Even so, some fragments from Kant's last work suggest that, in the light of the philosophical discoveries of the Critical period, in many ways he reverted to his early views concerning ether. Apparently, Kant again decided that it really exists and fills all the empty space in the Universe: "It [i.e. ether – S.L.] has reality, however, and its existence can be postulated, because, without the assumption of such a world-material and its moving forces, space would be no sense-object, and experience of it — whether affirmative or negative — would not take place" (*OP*, AA 21, p. 219; Kant, 1993, p. 69). Thus it can be said with a fair degree of certainty that the ideas of the young Kant expressed in his Master's dissertation *On Fire* can shed light on some obscure and confusing provisions in the *Opus Postumum*. Verifying this hypothesis may require a whole series of historical-philosophical studies.

⁷ Kant does not use the physical term "field" but, as Yuriy N. Solonin points out, there is a significant similarity between Kant's elastic ether which carries the phenomena of light, heat and fire, electricity and magnetism and the ideas of Faraday on the field of forces, which "lent a scientific meaning to Kant's metaphysical hunches" (Solonin, 1983, p. 77).

натурфилософией», и он сочтет ее более плодотворной при исследовании природы, чем атомизм, который он теперь отождествит с «механической натурфилософией». Впрочем, поскольку ни тончайший эфир, ни пустое пространство не могут быть объектами чувственных восприятий, в «критический» период Кант, хотя и отдает предпочтение первому, все же подчеркивает гипотетический статус обоих натурфилософских понятий. Поздняя кантовская теория эфира из «Opus postumum», несмотря на имеющиеся исследования, все еще не прояснена. Тем не менее некоторые фрагменты последней работы Канта позволяют предположить, что он, учтя философские открытия «критического периода», во многом вернулся к своему раннему взгляду на эфир. По-видимому, теперь для Канта он снова существует реально и заполняет собой все пустое пространство во Вселенной: «Однако он (эфир. — С.Л.) обладает реальностью, и его существование можно постулировать, поскольку без предположения о такой мировой материи и ее движущих силах пространство не будет объектом чувств, и его опыт — позитивный или негативный — не будет иметь места» (AA 21, S. 219). Следовательно, можно с большой уверенностью заключить, что идеи молодого Канта, высказанные в магистерской диссертации «Об огне», способны пролить свет на некоторые темные и запутанные положения из «Opus postumum». Проверка этой гипотезы может потребовать целой серии историко-философских исследований.

Список литературы

- Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М. : Наука, 1973.
- Булатов М. А. Немецкая классическая философия. Ч. 1 : Кант. Фихте. Шеллинг. Киев : Стилюс, 2003.
- Васильев В. В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М. : Наследие, 1998.
- Васильев В. В. Философская психология в эпоху Просвещения. М. : Канон+, 2010.
- Вернадский В. И. Кант и естествознание // Вернадский В. И. Избр. труды по истории науки. М. : Наука, 1981. С. 190—214.
- Гулыга А. В. Кант. М. : Молодая гвардия, 1977.
- Декарт Р. Первоначала философии // Собр. соч. : в 2 т. / под ред. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 297—422.
- Жучков В. А. Из истории немецкой философии XVIII в. Предклассический период. М. : Изд-во ИФ РАН, 1996.

References

- Adickes, E., 1924-1925. *Kant als Naturforscher*. In 2 Bd. Berlin: De Gruyter & Co.
- Amontons, G., 1703. Le thermomètre réduit à une mesure fixe et certaine, et le moyen d'y rapporter les observations faites avec les anciens thermomètres In: *Mémoires de l'Académie Royale des Sciences 1703*, pp. 50-56.
- Asmus, V.F., 1973. *Immanuel Kant*, Moscow: Nauka. (In Rus.)
- Beck, L. W., 1986. Introduction [to "Kant's Succinct Exposition of Some Meditations on Fire"]. In: L. W. Beck, ed. 1986. *Kant's Latin Writings: Translations, Commentaries, and Notes*. Translated and edited by L. W. Beck in collaboration with M. J. Gregor, R. Meerbote, J. A. Reuscher. New York: Peter Lang, pp. 9-21.
- Borowski, L. E. von, 1804. *Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant's*. Königsberg: Nicolovius.
- Bulatov, M. A., 2003. *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya [German Classical Philosophy]*. P. 1: Kant. Fichte. Schelling], Kiev: Stilos. (In Rus.)
- Chernov, S. A., 2000. Poslednii trud Kanta [The Last Work of Kant]. In: I. Kant, 2000. *Iz rukopisnogo naslediya (materialy k «Kritike chistogo razuma», Opus postumum) [From the Manuscript Heritage (Materials for "Critique of Pure Reason", Opus Postumum)]*. Edited by V. A. Zhuchkov. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 686-716. (In Rus.)
- Chernov, S. A., 1985. Teoriya fiziki v "Opus postumum" Kanta [Theory of Physics in Kant's "Opus Postumum"]. *Kantian Journal*, 1(10), pp. 20-29. (In Rus.)
- Descartes, R., 1982. *Principles of Philosophy*. Translated, with explanatory notes, by V. R. Miller and R. P. Miller. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Engels, F., 1987. *Dialectics of Nature*. In: K. Marx, F. Engels. *Collected Works, Volume 25*. Moscow: Progress; London: Lawrence and Wishart, New York: International Publishers, pp. 313-588.
- Euler, L., 1962. Nova theoria lucis et colorum. In: L. Euler, 1962. *Opera omnia. Ser. 3: Opera physica; Miscellanea; Epistolae, vol. 5: Commentationes opticae*. Ed.: D. Speiser. Basileae: Birkhäuser, pp. 1-45.
- Filippov, M. M., 1893. *Em. Kant. Ego zhizn' i filosofskaya deyatel'nost' [Immanuel Kant. His Life and Philosophical Activity]*. St. Petersburg: Tipografiya P. P. Soikina. (In Rus.)
- Förster, E., 1987. Is There 'a Gap' in Kant's Critical System? *Journal for the History of Philosophy*, 25, pp. 533-555.
- Förster, E., 1989. Kants Selbstsetzungslehre. In: E. Förster, 1989. *Kant's Transcendental Deductions*. Stanford: Stanford University Press, pp. 217-238.
- Förster, E., 2000. *Kant's Final Synthesis. An Essay on the Opus Postumum*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Friedman, M., 1992. *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.
- Gulyga, A. V., 1977. *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Rus.)
- Hales, S., 1727. *Vegetable Staticks, or, An Account of some Statical Experiments on the SAP in Vegetables: Being an Essay towards a Natural History of Vegetation*. London: W. & J. Innys.

Кант И. Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. Т. 1. М. : Чоро, 1994а. Т. 1. С. 91–112.

Кант И. Всеобщая естественная история и теории неба // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 1. С. 113–260.

Кант И. Единственное возможное основание для доказательства бытия Бога // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 1. С. 383–498.

Кант И. Исследование вопроса, претерпела ли Земля в своем вращении вокруг оси, благодаря которому происходит смена дня и ночи, некоторые изменения со времени своего возникновения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994 г. Т. 1. С. 83–90.

Кант И. Логика // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 8. С. 266–398.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994е. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994ж. Т. 1. С. 51–82.

Кант И. Новое освещение первых принципов метафизического познания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994з. Т. 1. С. 261–312.

Кант И. Новые замечания для пояснения теории ветров // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994и. Т. 1. С. 343–358.

Кант И. О первом основании различения сторон в пространстве // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994к. Т. 2. С. 267–276.

Кант И. О причинах землетрясений // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994л. Т. 1. С. 333–342.

Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994м. Т. 2. С. 277–320.

Кант И. Опыт введения в философию отрицательных величин // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994н. Т. 2. С. 41–84.

Кант И. Физическая монадология // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994о. Т. 1. С. 313–332.

Карпенко А. М. «Opus Postumum» и «Метафизические начала естествознания» — проблемы теоретических основ экспериментальной физики // Кантовский сборник. 2001. № 1 (22). С. 109–126.

Круглов А. Н. Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М. : Феноменология — Герменевтика, 2008.

Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века : учеб. пособие для ун-тов. М. : Высшая школа, 1989.

Мотрошилова Н. В. Иммануил Кант // История философии: Запад — Россия — Восток : учебник для студентов высших учебных заведений. Кн. 2 : Философия XV–XIX вв. М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1996. С. 343–389.

Нарский И. С. Кант. М. : Мысль, 1976.

Солонин Ю. Н. Натурфилософия И. Канта и естествознание XIX века // Кантовский сборник. 1983. № 1 (8). С. 72–78.

Филиппов М. М. Эм. Кант. Его жизнь и философская деятельность. СПб. : Типография П. П. Сойкина, 1893.

Kant, I., 1838. Meditationum quarundam de igne succincta delineatio... In: G. Hartenstein, Hg. 1838. *Immanuel Kant's Werke: sorgfältig revidirte Gesamtausgabe in 10 Bd. Band 8: Schriften zur Naturwissenschaft*. Leipzig: Modes und Baumann, pp. 383-404.

Kant, I., 1839. Meditationum quarundam de igne succincta delineatio... In: K. Rosenkranz, F.W. Schubert, Hg. 1839. *Immanuel Kant's sämtliche Werke. 5. Theil: Schriften zur Philosophie der Natur*. Leipzig: L. Voss, pp. 233-254.

Kant, I., 1867. Meditationum quarundam de igne succincta delineatio... In: G. Hartenstein, Hg. 1867. *Immanuel Kant's sämtliche Werke: in chronologischer Reihenfolge. Band 1*. Leipzig: Voss, pp. 347-363.

Kant, I., 1873. Einige kurzgefasste Betrachtungen über das Feuer. In: J.H. Kirchmann, Hg. 1873. *Immanuel Kant's kleinere Schriften zur Naturphilosophie*. Berlin: L. Heimann, pp. 267-294.

Kant, I., 1912. Meditationum quarundam de igne succincta delineatio... In: E. Cassirer, Hg., 1912. *Immanuel Kants Werke. Band 1: Vorkritische Schriften von Immanuel Kant*. In Gemeinschaft mit Hermann Cohen [et al.]. Berlin: B. Cassirer, pp. 371-388.

Kant, I., 1986. Succinct Exposition of Some Meditations on Fire. Translated and edited by L. W. Beck. In: L. W. Beck, ed. 1986. *Kant's Latin Writings: Translations, Commentaries, and Notes*. In collaboration with M. J. Gregor, R. Meerbote, J. A. Reuscher. New York: Peter Lang, P. 24-46.

Kant, I., 1987. *La dissertazione del 1755 di Kant: il "De igne"*, trad. P. Grillenzoni. Milano: EDUCatt.

Kant, I., 1991. De igne. Breve esbozo de algunas meditaciones acerca del fuego; introducción, traducción y notas de C. Canterla. *En Cuadernos de Ilustración y Romanticismo*, 1, pp. 199-224.

Kant, I., 1992a. *A New Elucidation of the First Principles of Metaphysical Cognition*. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-46.

Kant, I., 1992b. *The Employment in Natural Philosophy of Metaphysics Combined with Geometry, of Which Sample I Contains the Physical Monadology*. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 47-66.

Kant, I., 1992c. The Only Possible Argument in Support of a Demonstration of the Existence of God. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-202.

Kant, I., 1992d. Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy. In: Kant I. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 203-242.

Kant, I., 1992e. Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 361-372.

Чернов С. А. Последний труд Канта // Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) / под ред. В. А. Жучкова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 686–716.

Чернов С. А. Теория физики в «*Opus postumum*» Канта // Кантовский сборник. 1985. № 1 (10). С. 20–29.

Шохин В. К. Философия религии и ее исторические формы (античность – конец XVIII в.). М. : Альфа-М, 2010.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собр. соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 339–626.

Adickes E. Kant als Naturforscher : in 2 Bdn. Berlin : De Gruyter & Co, 1924–1925.

Amontons G. Le thermomètre réduit à une mesure fixe et certaine, et le moyen d'y rapporter les observations faites avec les anciens thermomètres // Mémoires de l'Académie Royale des Sciences 1703. Paris, 1703. P. 50–56.

Beck L. W. Introduction [to “Kant’s Succinct Exposition of Some Meditations on Fire”] // Kant’s Latin Writings: Translations, Commentaries, and Notes / in collaboration with M. J. Gregor, R. Meerbote, J. A. Reuscher. N. Y. : Peter Lang, 1986. P. 9–21.

Borowski L. E. von. Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant’s. Königsberg : Nicolovius, 1804.

Euler L. Nova theoria lucis et colorum // Opera omnia. Ser. 3 : Opera physica; Miscellanea; Epistolae. Vol. 5 : Commentationes opticae / ed. : D. Speiser. Basileae : Birkhäuser, 1962. P. 1–45.

Förster E. Is There ‘a Gap’ in Kant’s Critical System? // Journal for the History of Philosophy. 1987. Vol. 25, № 4. P. 533–555.

Förster E. Kants Selbstsetzungslehre // Kant’s Transcendental Deductions / ed. by E. Förster. Stanford : Stanford University Press, 1989. P. 217–238.

Förster E. Kant’s Final Synthesis. An Essay on the *Opus Postumum*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2000.

Friedman M. Kant and the Exact Sciences. Cambridge, Mass. ; L. : Harvard University Press, 1992.

Hales S. Vegetable Staticks, or, An Account of some Statical Experiments on the SAP in Vegetables: Being an Essay towards a Natural History of Vegetation. L. : W.&J. Innys, 1727.

Kant I. Meditationum quarundam de igne succincta delineatio... // Immanuel Kant’s Werke: sorgfältig revidierte Gesamtausgabe in 10 Bdn / hrsg. von G. Hartenstein. Leipzig : Modes und Baumann, 1838. Bd. 8 : Schriften zur Naturwissenschaft. S. 383–404.

Kant I. Meditationum quarundam de igne succincta delineatio... // Immanuel Kant’s sämtliche Werke / hrsg. von K. Rosenkranz, F. W. Schubert. 5. Th. : Schriften zur Philosophie der Natur. Leipzig : L. Voss, 1839. S. 233–254.

Kant I. Meditationum quarundam de igne succincta delineatio... // Immanuel Kant’s sämtliche Werke: in chronologischer Reihenfolge / hrsg. von G. Hartenstein. Leipzig : L. Voss, 1867. Bd. 1. S. 347–363.

Kant I. Einige kurzgefasste Betrachtungen über das Feuer // Immanuel Kant’s kleinere Schriften zur Naturphilosophie / hrsg. von J. H. Kirchmann. Berlin : L. Heimann, 1873. S. 267–294.

Kant, I., 1992f. On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 372-416.

Kant, I., 1992g. The Jäsche Logic. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 519-674.

Kant, I., 1992h. Breve bosquejo de unas meditaciones sobre el fuego. In: I. Kant, 1992. *Opúsculos de filosofía natural*; introducción, traducción y notas de A. Domínguez. Madrid: Alianza, 1992, pp. 51-72.

Kant, I., 1993. *Opus postumum*, edited by E. Förster. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. Metaphysical Foundations of Natural Science. In: I. Kant, 2004. *Theoretical Philosophy after 1781*, edited by H. Allison & P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 171-270.

Kant, I., 2010. Krótkie przedstawienie rozważań o ogniu, przeł. A. Pacholik-Żuromska. In: I. Kant, 2010. *Dziela zebrane*. T. 1. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, pp. 326-344.

Kant, I., 2012a. Thoughts on the True Estimation of Living Forces and Assessment of the Demonstrations that Leibniz and Other Scholars of Mechanics Have Made Use of in this Controversial Subject, Together with Some Prefatory Considerations Pertaining to the Force of Bodies in General. In: I. Kant. *Natural Science*, edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-155.

Kant, I., 2012b. Examination of the Question whether the Rotation of the Earth on its Axis by which it Brings about the Alternation of Day and Night has Undergone any Change since its Origin and How One Can Be Certain of this, which [Question] Was Set by the Royal Academy of Sciences in Berlin as the Prize Question for the Current Year. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*, edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 156-164.

Kant, I., 2012c. The Question, whether the Earth is Ageing, Considered from a Physical Point of View. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*, edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 165-181.

Kant, I., 2012d. Universal Natural History and Theory of the Heavens or Essay on the Constitution and the Mechanical Origin of the Whole Universe According to Newtonian Principles. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*, edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 182-308.

Kant, I., 2012e. Succinct Exposition of Some Meditations on Fire. In: I. Kant. *Natural Science*, edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 309-326.

Kant, I., 2012f. On the Causes of Earthquakes on the Occasion of the Calamity that Befell the Western Countries of Europe Towards the End of Last Year. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*, edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 327-336.

Kant, I., 2012g. New Notes to Explain the Theory of the Winds, in Which, at the Same Time, He Invites Attendance at his Lectures. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*, edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 374-385.

Kant I. Meditationum quarundam de igne succincta delineation... // Immanuel Kants Werke: In Gemeinschaft mit Hermann Cohen [et al.] / hrsg. von E. Cassirer. Berlin : Verlegt bei Bruno Cassirer, 1912. Bd. 1: Vorkritische Schriften von Immanuel Kant / hrsg. von Dr. A. Buchenau. S. 371–388.

Kant I. Succinct Exposition of Some Meditations on Fire / transl. and ed. by L. W. Beck // Kant's Latin Writings: Translations, Commentaries, and Notes. In collaboration with M. J. Gregor, R. Meerbote, J. A. Reuscher. N. Y. : Peter Lang, 1986. P. 24–46.

Kant I. La dissertazione del 1755 di Kant: il "De igne" / tr. P. Grillenzoni. Milano : EDUCatt, 1987.

Kant I. De igne. Breve esbozo de algunas meditaciones acerca del fuego / introducción, traducción y notas de C. Canterla // En Cuadernos de Ilustración y Romanticismo. 1991. № 1. P. 199–224.

Kant I. Breve bosquejo de unas meditaciones sobre el fuego // Kant I. Opúsculos de filosofía natural / introducción, traducción y notas de A. Domínguez. Madrid : Alianza, 1992. P. 51–72.

Kant I. Krótkie przedstawienie rozważań o ogniu, przeł. A. Pacholik-Żuromska // Kant I. Dzieła zebrane. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. T. 1. S. 326–344.

Kant I. Sul fuoco // Kant I. Dissertazioni latine: Testo latino a fronte / A cura di I. Agostini ; introduzione, traduzione e testo latino di I. Agostini ; note introduttive ai testi e annotazione critica di I. Agostini e G. Lorini. Milano : Bompiani, 2014. P. 3–51.

Krause A. Das nachgelassene Werk Immanuel Kant's: Vom Uebergange von den metaphysischen Anfangsgründen der Naturwissenschaft zur Physik mit Belegen populär-wissenschaftlich dargestellt. Frankfurt a/M ; Lehr : M. Schauenburg, 1888.

Kuehn M. Kant. A Biography. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

Laywine A. Kant's early metaphysics and the origins of the critical philosophy. Atascadero : Ridgeview Publishing Company, 1993.

Lehmann G. Kants Tugenden. Neue Beiträge zur Geschichte und Interpretation der Philosophie Kants. Berlin : De Gruyter, 1980.

Massimi M. Kant's Dynamic Theory of Matter in 1755, and its Debt to Speculative Newtonian Experimentalism // Studies in History and Philosophy of Science. 2011. Part A, vol. 42, № 4. P. 525–543.

Newton I. Optice: sive de Reflexionibus, Refractionibus, Inflexionibus & Coloribus Lucis. Latine reddidit S. Clarke. Londini : S. Smith & B. Walford, 1706.

Newton I. Philosophiae naturalis principia mathematica. Londini : Jussu Societatis Regiae ac typis Josephi Streater, 1687.

Pacholik-Żuromska A. Wprowadzenie [do «Krótkie przedstawienie rozważań o ogniu», przeł. A. Pacholik-Żuromska] // Kant I. Dzieła zebrane. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. T. 1. S. 921–923.

Kant, I., 2014. Sul fuoco. In: I. Kant. Dissertazioni latine: Testo latino a fronte. A cura di I. Agostini. Introduzione, traduzione e testo latino di I. Agostini. Note introduttive ai testi e annotazione critica di I. Agostini e G. Lorini. Milano: Bompiani, pp. 3-51.

*Karpenko, A. M., 2001. «Opus Postumum» i «Metafizicheskie nachala estestvoznaniya» – problemy teoreticheskikh osnov eksperimental'noi fiziki ["Opus Postumum" and "Metaphysical Foundations of Natural Science" – Problems of the Theoretical Foundations of Experimental Physics]. *Kantian Journal*, 1(22), pp. 109-126. (In Rus.)*

Krause, A., 1888. Das nachgelassene Werk Immanuel Kant's: Vom Uebergange von den metaphysischen Anfangsgründen der Naturwissenschaft zur Physik mit Belegen populär-wissenschaftlich dargestellt. Frankfurt a. M., Lehr: M. Schauenburg.

Kruglov, A. N., 2008. Tetens, Kant i diskussiya o metafizike v Germanii vtoroi poloviny XVIII veka [Tetens, Kant and the Discussion of Metaphysics in Germany in the Second Half of the 18th Century]. Moscow: Fenomenologiya – Germenevtika. (In Rus.)

Kuehn, M., 2001. Kant. A Biography. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuznetsov, V. N., 1989. Nemetskaya klassicheskaya filosofiya vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX veka [German Classical Philosophy of the Second Half of the 18th and the early 19th Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Rus.)

Laywine, A., 1993. Kant's early metaphysics and the origins of the critical philosophy. Atascadero: Ridgeview Publishing Company.

Lehmann, G., 1980. Kants Tugenden. Neue Beiträge zur Geschichte und Interpretation der Philosophie Kants. Berlin: De Gruyter.

*Massimi, M., 2011. Kant's Dynamic Theory of Matter in 1755, and its Debt to Speculative Newtonian Experimentalism. *Studies in History and Philosophy of Science*, part A, 42(4), pp. 525-543.*

Motroshilova, N. V., 1996. Immanuel Kant. In: N. V. Motroshilova, ed. 1996. Istoriya filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok. Uchebnyk dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. Kniga 2: Filosofiya XV-XIX vv. [History of Philosophy: West – Russia – East. Textbook for Students of Higher Educational Institutions. Book 2: Philosophy of the 15th – 19th Centuries]. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. Shichalina, pp. 343-389. (In Rus.)

Narsky, I. S., 1976. Kant. Moscow: Mysl'. (In Rus.)

Newton, I., 1687. Philosophiae naturalis principia mathematica. Londini: Jussu Societatis Regiae ac typis Josephi Streater.

Newton, I., 1706. Optice: sive de Reflexionibus, Refractionibus, Inflexionibus & Coloribus Lucis. Latine reddidit S. Clarke. Londini: S. Smith & B. Walford.

Pacholik-Żuromska, A., 2010. Wprowadzenie [do «Krótkie przedstawienie rozważań o ogniu», przeł. A. Pacholik-Żuromska]. In: I. Kant. Dzieła zebrane. T. 1. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, pp. 921-923.

*Reicke, J., 1881. Kant's Rede "De Medicina corporis quae Philosophorum est". *Altpreussische Monatsschrift, neue Folge. Der Neuen Preussischen Provinzial-Blätter, vierte Folge.* (Edited by R. Reicke, E. Wichert. Königsberg in Pr.: F. Beyer), 18, pp. 293-309.*

Reicke J. Kant's Rede «De Medicina corporis quae Philosophorum est» // *Altpreuussische Monatsschrift*, neue Folge. Der Neuen Preussischen Provinzial-Blätter, vierte Folge / hrsg. von R. Reicke, E. Wichert. Königsberg in Pr. : F. Beyer, 1881. Bd. 18. S. 293–309.

Schönfeld M. *The Philosophy of the Young Kant*. N.Y. : Oxford University Press, 2000.

Tuschling B. Kants 'Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft' und das Opus Postumum // *Kant: Zur Deutung seiner Theorie von Erkennen und Handeln* / hrsg. von G. Prauss. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1973. S. 175–191.

Vorländer K. *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk*. Leipzig : F. Meiner, 1924.

Waschkies H.-J. *Physik und Physikotheologie des jungen Kant. Die Vorgeschichte seiner Allgemeinen Naturgeschichte und Theorie des Himmels*. Amsterdam : B. R. Grüner, 1987.

Watkins E. *Kant and the Metaphysics of Causality*. Oxford : Oxford University Press, 2005.

Об авторе

Сергей Валентинович Луговой, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

Для цитирования:

Луговой С. В. Магистерская диссертация И. Канта «Об огне» и трансформации его представлений об эфирной материи // *Кантовский сборник*. 2019. Т. 38, № 2. С. 7–30. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-1

Schönfeld, M., 2000. *The Philosophy of the Young Kant*. New York: Oxford University Press.

Shokhin, V.K., 2010. *Filosofiya religii i ee istoricheskie formy (antichnost' – konets XVIII v.)* [*Philosophy of Religion and its Historical Forms (Antiquity – the End of the 18th Century)*]. Moscow: Alfa-M. (In Rus.)

Solonin, Yu.N., 1983. *Naturfilosofiya I. Kanta i estestvoznaniye XIX veka* [Kant's Natural Philosophy and Natural Science of the 19th Century]. *Kantian Journal*, 1(8), pp. 72-78. (In Rus.)

Tuschling, B., 1973. Kants 'Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft' und das Opus Postumum. In: G. Prauss, Hg. 1973. *Kant: Zur Deutung seiner Theorie von Erkennen und Handeln*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, pp. 175-191.

Vasilyev, V.V., 1998. *Podvaly kantovskoi metafiziki (deduktivnaya kategorii)* [*Basements of Kant's Metaphysics (Deduction of Categories)*]. Moscow: Nasledie. (In Rus.)

Vasilyev, V.V., 2010. *Filosofskaya psikhologiya v epokhu Prosveshcheniya* [*Philosophical Psychology in the Age of Enlightenment*]. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Vernadsky, V.I., 1981. Kant and Natural Sciences. In: V.I. Vernadskii, 1981. *Izbrannyye trudy po istorii nauki* [Selected Works on the History of Science]. Moscow: Nauka, pp. 190-214. (In Rus.)

Vorländer, K., 1924. *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk*. Leipzig: F. Meiner.

Waschkies, H.-J., 1987. *Physik und Physikotheologie des jungen Kant. Die Vorgeschichte seiner Allgemeinen Naturgeschichte und Theorie des Himmels*. Amsterdam: B. R. Grüner.

Watkins, E., 2005. *Kant and the Metaphysics of Causality*. Oxford: Oxford University Press.

Zhuchkov, V.A., 1996. *Iz istorii nemezkoj filosofii XVIII veka (predklassicheskiy period)* [*From the History of German Philosophy of the 18th Century (Pre-classical Period)*]. Moscow: IF RAN. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Sergey V. Lugovoy, Associate Professor, Senior Research Fellow, Academia Kantiana, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

To cite this article:

Lugovoy, S.V., 2019. Kant's Dissertation for the Master's Degree *On Fire* and the Transformations of his Ideas of Ethereal Matter. *Kantian Journal*, 38(2), pp. 7-30. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-1>

**БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН
ИЛИ КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ:
О КРУЗИАНСКИХ ИСТОКАХ
КАНТОВСКОЙ МОРАЛИ**

*Л. Э. Крыштон*¹

Этика Канта и этика Крузия поражают своим видимым сходством. Это проявляется в целом ряде положений и понятий. В моральном учении Крузия мы находим упоминания о моральном законе, который должен повелевать с абсолютной необходимостью, чем он и отличается от других видов предписаний, имеющих лишь относительную степень долженствования. Это очень близко по смыслу кантовскому разделению на гипотетический и категорический императивы. Другой важной особенностью морального учения Крузия оказывается подчеркнутое внимание к сфере внутренних мотивов. Именно внутренний мотив, а не внешняя форма поступка, определяет моральность действия. Эти и ряд других особенностей этики Крузия наводят на мысль о возможном влиянии Крузия на Канта. Возможность такого влияния неоднократно становилась предметом пристального внимания исследователей. Первые работы, посвященные этой проблематике, опубликованы на рубеже XIX–XX вв. За возможность такого влияния говорят смысловые и структурные сходства этических систем двух мыслителей. Кроме того, бесспорным является факт, что Канту были достаточно хорошо известны основные положения философии Крузия. Ряд исследователей пытается найти решение этой проблемы на уровне кантофилологии. Некоторые термины, употребляемые Кантом прежде всего в ранних работах, легшие затем в основу его этического учения уже критического периода, могут быть возведены к терминам философии Крузия. В то же время существует и другая точка зрения, в соответствии с которой на Канта оказывала влияние преимущественно вольфианская философия (в лице Баумгартена), тогда как прямое влияние Крузия считается неподтвержденным. Я рассматриваю аргументы в пользу обеих точек зрения и предлагаю свое решение этой проблемы.

Ключевые слова: Кант, Крузий, этика, моральное учение, добродетель, счастье, необходимость, моральный закон, Бог.

¹ Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Поступила в редакцию: 14.02.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-2

© Крыштон Л. Э., 2019.

**GOD'S LAW
OR CATEGORICAL IMPERATIVE:
ON CRUSIAN ISSUES
OF KANTIAN MORALITY**

*L. E. Kryshpton*¹

The ethics of Kant and the ethics of Crusius are strikingly similar. This is manifested in a whole range of principles and concepts. Crusius' moral teaching hinges on the rigorous moral law which has to be obeyed absolutely, and which makes it different from other prescriptions that are binding only to a relative degree. This is very close to the Kantian distinction between hypothetical and categorical imperatives. Another salient feature of Crusius' moral teaching is the stress laid on the sphere of internal motives. It is the inner motive that determines the morality of an act, rather than the external form of the act. These and some other features of Crusius' ethics suggest a possible influence of Crusius on Kant. The possibility of such influence has repeatedly come under close scrutiny. The first works devoted to this problem date to the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Pointers to the possibility of such influence are semantic and structural similarities of the two thinkers' systems. Besides, it is an unchallengeable fact that Kant was fairly familiar with the main theses of Crusian philosophy. Some scholars proceed from the study of Kantian vocabulary. Some of the terms Kant uses, especially in his early works which later formed the basis of his ethical teaching in the critical period, can be traced to the terms of Crusian philosophy. However, an alternative view is that Kant was primarily influenced by Wolffian philosophy (mainly through Baumgarten), while the direct influence of Crusius remains unproven. I examine both points of view and propose my own solution to the problem.

Keywords: Kant, Crusius, ethics, moral teaching, virtue, happiness, necessity, the moral law, God.

Kantian ethics is one of the best known ethical systems in the history of philosophy. Although professional scholars of Kant's philosophy have still

¹RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198.

Received 14.02.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-2

© Kryshpton L. E., 2019.

Этика Канта является одной из наиболее известных этических систем в истории философии. Несмотря на то что в среде исследователей, профессионально занимающихся изучением философии Канта, в отношении многих положений его практической философии и сегодня не удается прийти к согласию, общие контуры этической мысли Канта, пожалуй, известны каждому философски образованному человеку. Опорными понятиями при этом оказываются долг, категорический императив, моральный закон, автономия воли, свобода. А одними из наиболее часто встречающихся характеристик, которыми награждают кантовскую этику, являются ригоризм² и формализм³, иногда даже, как в случае русского философа Н. А. Бердяева, законничество, ставящее кантовское моральное учение вровень с иудаизмом (Бердяев, 1931, с. 56, 63, 102, 104). И хотя характеристики эти чаще всего имеют явно негативную окраску и нацелены на низведение этики Канта с ее пьедестала, полностью сделать это не удается и по сей день. И творение Канта по-прежнему предстает в своем блеске «чистоты» автономного определения воли, сопровождающегося безусловной необходимостью подчинения повелевающему моральному закону.

В связи с этим, однако, вполне правомерно задать следующие вопросы: насколько оправданным является определение Канта как первопроходца в этом и ряде других положений, базовых для его этической системы? Не приписываем ли мы и здесь, как и во многих других случаях, философскому гению Канта то, что на самом деле этим гением было по большей части заимствовано из предшествующей философской традиции и лишь подвергнуто определенным «кантовским» изменениям? И насколько принципиальными можно считать эти внесенные изменения? Для ответа на эти

² Одним из ярких представителей такого взгляда на этику Канта является Шиллер: «В нравственной философии Канта идея долга выражена с жестокостью, отпугивающей всех граций и способной легко соблазнить слабый ум к поискам морального совершенства на путях мрачного и монашеского аскетизма» (Шиллер, 1957, с. 146).

³ Эта точка зрения отчетливо формулируется Ж.-П. Сартром в его программной работе «Экзистенциализм — это гуманизм» (Сартр, 1989). Подобного рода оценки были свойственны также и для многих отечественных мыслителей и деятелей культуры. Так, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. П. Рождественский характеризовал кантовскую этику как «сухой морализм» (Рождественский, 1884, с. 94). «Неживой» характер творения кёнигсбергского философа подчеркивал и профессор Киевского университета С. С. Гогоцкий (Гогоцкий, 1847, с. 67), тогда как П. А. Флоренский и вовсе говорил о холодной речи Канта, которая «замораживает все живое», и о его костлявой руке, которая «ворует сердца, чтобы убить их» (Флоренский, 2007, с. 36). Подробнее о рецепции кантовской философии в России см.: (Круглов, 2009).

not reached a consensus on many provisions of his practical philosophy, anyone at all versed in philosophy is familiar with the outlines of Kant's thought. The pivotal notions are those of duty, the categorical imperative, the moral law, autonomy of will and freedom. The most frequent characteristics applied to Kantian ethics are rigorism² and formalism.³ Sometimes, as in the case of Russian philosopher Nikolai A. Berdyaev, the word "legalism" was used to put Kant's moral teaching on a par with Judaism (Berdyaev, 1960, p. 50, 81, 92, 94). Although these descriptions more often than not have a negative tinge and are aimed at taking Kantian ethics down from the pedestal, no one has yet quite succeeded in doing so. Kant's work stands as a shining instance of "pure" autonomous definition of the will which demands unconditional conformity with the unsailable moral law.

This, however, suggests the following legitimate questions: How justified is the description of Kant as the trail-blazer in this and other theses that are basic to his ethical system? Are we not here, as in many other cases, attributing to Kant's philosophical genius what this genius has largely borrowed from the previous philosophical tradition, with some "Kantian" tweaking? And how fundamental are the changes he introduced? To answer these questions it would not be irrelevant to turn to the work of one of Kant's immediate forerunners, Christian Crusius. Comparison of his moral teaching with the main provisions of Kantian ethics may enable us to trace the pathways whereby that philosopher's views influenced Kant.

² One of the most prominent exponents of this view on Kant's ethics is Schiller: "In Kantian moral philosophy, the idea of duty is presented with a severity which frightens all the Graces away, and a weak reason might easily attempt to seek moral perfection on the path of a gloomy and monkish asceticism" (Schiller, 1988, p. 365).

³ This view is clearly formulated by Jean-Paul Sartre in his programmatic work *Existentialism Is a Humanism* (Sartre, 2007). Similar assessments were made by many Russian thinkers and cultural personalities. Thus, Professor Nikolai P. Rozhdestvensky of St. Petersburg Ecclesiastical Academy described Kantian ethics as "dry moralism" (Rozhdestvensky, 1884, p. 94). The "lifeless" character of Kant's works was stressed by Professor Sergey S. Gogotsky of Kiev University (Gogotsky, 1847, p. 67). And Pavel A. Florensky referred to Kant's cold speech which "freezes up everything living" and to his bony hand which "steals hearts in order to kill them" (Florensky, 2007, p. 36). For more on the reception of Kantian philosophy in Russia see (Kruglov, 2009).

вопросы не лишено смысла обращение к творчеству одного из непосредственных предшественников Канта — Х.А. Крузия. Сравнение его морального учения с основными положениями кантовской этики позволит нам проследить возможные линии влияния взглядов этого философа на Канта. Это, в свою очередь, даст возможность лучше понять этическую систему самого Канта и выделить те ее аспекты, которые действительно можно считать оригинальным кантовским творением.

Этика долга Канта

Для начала рассмотрим подробнее основные понятия и положения кантовской этической системы. Основным ее принципом оказывается предписание следовать моральному закону, выражающемуся в форме категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства» (AA 05, S. 30; Кант, 1997а, с. 349). Только эта формулировка расценивается Кантом как единственно возможное законодательство свободной воли. А этическое законодательство безусловно должно проистекать из свободной воли, так как если нет свободы, то не может быть и ответственности за совершаемые человеком поступки.

Равно значимыми при этом оказываются как императивность этого предписания, так и его категоричность. Императивом моральный закон является для нас в силу наличия у человека помимо мотивов, определяемых чистым практическим разумом, также и иных мотивов, проистекающих из его эмпирической природы. Эти мотивы и лежат в основе расхождения действительных желаний и устремлений человека с предписаниями разума. Другими словами, именно они и приводят к нарушению полной автономии в определении воли. Именно по этой причине разум вынужден принуждать человека поступать так, как требует моральный закон. Не будь этого расхождения интеллигибельной и сенсигельной природ человека, и принуждения бы не было, так как человек всегда желал бы поступать так, как требует от него моральный закон. Моральный закон же не был бы в таком случае императивом (AA 05, S. 20; Кант, 1997а, с. 323). Категорический характер данного предписания проистекает из безусловного характера повеления, с которым мы здесь сталкиваемся. Если гипотетические императивы имеют, по Канту, значимость только в том случае, когда для нас значима цель, для достижения которой они предназначены, то категорический им-

That in turn may give us a deeper insight into Kant's own ethical system and identify the aspects that can definitely be attributed to Kant himself.

Kant's Ethics of Duty

To begin with, let us take a closer look at the main concepts and provisions of Kant's ethical system. Its main principle is the prescription to follow the moral law expressed in the form of a categorical imperative: "So act that the maxim of your will could always hold at the same time as a principle of a universal legislation" (*KpV*, AA 05, p. 30; Kant, 2002, p. 45). This formula alone is seen by Kant as the solely possible legislation of free will. Ethical legislation must unquestionably proceed from free will since, if there is no freedom, there can be no responsibility for human acts.

Both the imperative nature of this prescription and the categorical statement of it are equally important. The moral law is imperative for us because, in addition to the motives stemming from pure practical reason, man has other motives consistent with empirical human nature. These motives account for the divergence of the actual desires and aspirations of man from the prescriptions of reason. In other words, they intrude upon complete autonomy in determining will. That is why intelligence must force a person to act as the moral law demands. Without the divergence between man's intelligible and sensible natures there would have been no coercion since a person would always want to act as the moral law requires him to act. In that case the moral law would not have been an imperative (*KpV*, AA 05, p. 20; Kant, 2002, pp. 30-31). The categorical character of this prescription stems from the unconditional character of the command we are confronted with. While hypothetical imperatives, according to Kant, are only significant when the goal for which they are intended is significant for us, the categorical imperative is a practical prescription that is not conditional on anything and does not depend on the consequences that may ensue when it is conformed with: "Here, however, the rule says: one ought absolutely to proceed in a certain way. The practical rule is therefore unconditional, and hence is conceived *a priori* as a categorical practical proposition by which the will is objectively determined absolutely and directly" (*KpV*, AA 05, p. 31; Kant, 2002, p. 45).

ператив представляет собой такое практическое предписание, которое ничем не обусловлено и не зависит от последствий, которые могут наступить при его соблюдении: «Но здесь правило гласит: непременно следует поступать определенным образом. Практическое правило, следовательно, безусловно, стало быть, представлено a priori как категорически практическое положение, которым воля безоговорочно и непосредственно... определяется объективно» (AA 05, S. 31; Кант, 1997а, с. 349–351).

В связи с рассмотрением безусловной обязательной силы морального закона перед нами отчетливо предстает следующее важное для кантовской этической системы понятие — долг, а вместе с ним и терминологическая пара «сообразное долгу» (*pflichtmäßig*) и «по долгу» (*aus Pflicht*), впервые встречающаяся у Канта в работе «Основоположение к метафизике нравов» (1785) и сохраняющаяся им на протяжении всего критического периода (AA 04, S. 397–398; Кант, 1997б, с. 69–75). Чуть позже, в «Критике практического разума» (1788), у Канта появится и другая терминологическая пара — «легальность» (*Legalität*) и «моральность» (*Moralität*), во многом синонимичная предыдущей (AA 05, S. 81, 118, 152; Кант, 1997а, с. 493, 605–607, 699). Понятия «по долгу» и «моральность» подчеркивают, что поступок совершается исключительно из стремления соблюдения морального закона. Собственно только такие поступки и могут, по Канту, считаться подлинно добродетельными. Тогда как понятия «сообразность долгу» и «легальность», напротив, подчеркивают, что поступок внешне соответствует предписанию морального закона, однако подлинным мотивом здесь оказывается не само по себе стремление соблюдения морального закона, а некие иные мотивы.

Но и различия в этих терминологических парах также имеются. Так, можно отметить, что, проводя различие между поступками по критерию «сообразность долгу» / «по долгу», Кант подчеркивает, что поступки «по долгу» являются результатом автономного определения воли, тогда как поступки «сообразные долгу» — результатом воздействия на волю чувственных склонностей (AA 04, S. 397; Кант, 1997б, с. 71). При использовании терминов «легальность» и «моральность» Кант отвлекается от оценки поступков по степени влияния на определение воли чувственной природы человека, а фиксирует лишь то, насколько мы обращаем внимание на сферу внутренних мотивов человека. Если мы на нее внимание обращаем и оказывается, что решение совершить тот или иной поступок продиктовано единственно лишь стремлением соответствовать

In connection with the unconditional, binding nature of the moral law we are confronted with the concept, essential for the Kantian ethical system, the concept of duty along with the terminological pair “in conformity with duty” (*pflichtmäßig*) and “from the motive of duty” (*aus Pflicht*), which first occurs in Kant’s *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (1785) and which he retains throughout the critical period (GMS, AA 04, pp. 397-398; Kant, 2011a, pp. 22-25). A little later, in *The Critique of Practical Reason* (1788), Kant introduces another terminological pair: “legality” (*Legalität*) and “morality” (*Moralität*), which is in many ways synonymous with the preceding one (GMS, AA 04, p. 81, 118, 152; Kant, 2002, p. 105, 150, 190). The concepts “from the motive of duty” and “morality” stress that an act is performed exclusively in order to comply with the moral law. Indeed, only such acts, according to Kant, can be deemed to be truly virtuous. Meanwhile the concepts “in conformity with duty” and “legality,” on the contrary, stress that the act complies with the prescription of the moral law on the surface, but the real motive is other than the wish to observe the moral law.

However, there are also differences between these terminological pairs. Thus, in making a distinction between acts “in conformity with duty” / “from the motive of duty”, Kant stresses that acts “from the motive of duty” are the results of autonomous determination of will, whereas those performed “in conformity with duty” are the results of the impact on the will of sensible inclinations (GMS, AA 04, p. 397; Kant, 2011a, p. 23). The use of the terms “legality” and “morality” sets aside the assessment of acts in terms of the degree to which man’s sensible nature influences them, concentrating only on the degree to which we pay attention to man’s inner incentives. If we do pay attention to them, and if it turns out that the decision to perform this or that act is prompted only by the desire to follow the bidding of the moral law, then the act is moral. If we distance ourselves from the sphere of inner motives or, looking into it, find that the act has been prompted by something other than respect for the bidding of the moral law, while it appears to comply with the moral law, then we can only speak about the legality of such behaviour.⁴ Whether the

⁴ “The mere conformity or nonconformity of an action with law, irrespective of the incentive to it, is called its *legality* (lawfulness); but that conformity in which the Idea of duty arising from the law is also the incentive to the action is called its *morality*” (MS RL, AA 06, p. 219; Kant, 1991, p. 46).

повелению морального закона, тогда этот поступок может быть моральным. Если же мы от этой сферы внутренних мотивов отвлекаемся или же, всматриваясь в нее, находим, что к поступку человека определило что-то иное, нежели уважение к повелениям морального закона, но при этом поступок внешне соответствует требованиям морального закона, тогда мы можем говорить лишь о легальности такого поведения⁴. Чувственные потребности оказывали влияние на волю человека при ее определении к поступку или же что-то иное, это в данном случае остается за кадром. Если в акте определения воли имелся какой-либо иной мотив, кроме одного лишь уважения перед моральным законом, это действие уже не может быть моральным, как бы возвышенны устремления человека при этом ни были. При этом все моральные поступки будут легальными, но лишь некоторая часть легальных может быть в то же время и моральными. Морален же поступок или только легален, определяется исходя из его внутренней, интенциональной наполненности. По этой причине два совершенно идентичных по своему фактическому (материальному) содержанию поступка могут оказаться при оценке их моральности различны. Один из них может быть моральным (если единственный мотив его совершения — соблюдение морального закона), другой же — лишь легальным (если к решению совершить его примешивались и иные мотивы).

В то же время следует отметить, что при попытке сопоставить легальные поступки с категорическим императивом мы не могли бы говорить о том, что они ему соответствуют. Внутренний мотив совершения поступков в данном случае оказывается тем, что неизбежно оказывает влияние на обязательную силу того предписания (максимы), в соответствии с которой человек и выстраивает свои действия. Лишь объективная максима — максима, обладающая всеобщей безусловной обязательной силой, — оказывается для нас категорическим императивом. Но такой максимой может быть только сам категорический императив. Все же остальные намерения являются лишь субъективными максимами. Они не обладают безусловной обязательной силой и являются лишь предписаниями благоразумия или личного счастья. При устранении субъективно определяемых целей, для достижения ко-

⁴ «Одно лишь соответствие или несоответствие поступка закону безотносительно к его мотиву называют легальностью (законосообразностью); то соответствие, в котором идея долга, основанная на законе, есть в то же время мотив поступка, называется моральностью (нравственностью) поступка» (AA 06, S. 219; Кант, 1994б, с. 240).

decision to act was influenced by sensible needs or something else is here beside the point. If the determination of the will had some other motive than mere respect of the moral law, such an act can no longer be considered to be moral, however lofty the actor's aspirations may have been. All moral acts would be legal, but only part of the legal acts can be moral at the same time. Whether an act is moral or merely legal is determined by its inner, intentional content. Therefore two acts totally identical in actual (material) content may differ in terms of assessing their morality. One may turn out to be moral (if the only motive for it is to comply with the moral law) and the other merely legal (if other motives have also been involved).

At the same time it has to be noted that in attempting to compare legal acts against the categorical imperative we would not be able to claim that they correspond to it. The inner motive for performing acts in this case is that which inevitably influences the binding force of the prescription (maxim) in accordance with which one structures one's acts. Only an objective maxim — a maxim that has unconditional obligatory force — turns out to be a categorical imperative for us. But such a maxim can only be the categorical imperative itself. All the other intents are merely subjective maxims. They do not have unconditional force and are merely prompted by common sense or the pursuit of personal happiness. If the subjectively determined goals pursued through performed acts are eliminated, the prescriptions themselves cease to be obligatory. Hence they cannot be categorical imperatives, but are merely hypothetical imperatives. Having looked at the main principles of Kantian ethics we can now start casting about for the sources that might have exerted sometimes very considerable influence on their author. To this end we should first of all take a closer look above all at the work of Christian Crusius, a German thinker of the Age of Enlightenment who was famous in his time, but is only occasionally mentioned in the history of philosophical doctrines today. In particular, we should focus on his moral teaching.⁵

⁵ Nevertheless, it is obvious that the obscurity into which the German philosopher's teaching sank, was undeserved. Initially building his system on the critique of Leibniz and Wolff (most notably his critique of the law of sufficient ground) Crusius ended up by offering a very interesting rehash of preceding philosophical tradition. Some researchers believe that his philosophical system is one of the most original eighteenth-century systems (cf. Schneewind, 1998, pp. 445-446).

торых и оказываются необходимыми совершаемые поступки, сами предписания также теряют свою обязательную силу. Следовательно, они не могут быть категорическим императивом, но являются лишь императивами гипотетическими.

Рассмотрев в общих чертах основные положения этики Канта, мы можем теперь обратиться к поиску источников, которые могли оказать на ее создателя определенное и весьма значительное влияние. С этой целью нам следует пристальнее присмотреться прежде всего к творчеству в свое время известного, ныне же не так часто вспоминаемого в истории философских учений немецкого мыслителя эпохи Просвещения Х. А. Крузия, в особенности к его моральному учению⁵.

Моральное учение Христиана Августа Крузия

Христиан Август Крузий, философ и теолог эпохи зрелого Просвещения, вошел в историю философии прежде всего как непримиримый противник вольфианской философии. Родившись в городе Лойна в Саксонии в 1715 г., Крузий получил философское и теологическое образование в университете Лейпцига. Основные свои философские работы Крузий пишет в период с 1744 по 1749 г. В 1750 г. он получает должность ординарного профессора теологии в университете Лейпцига, после чего концентрируется на рассмотрении преимущественно теологических вопросов. В 1773 г. становится ректором Лейпцигского университета. Параллельно с академической деятельностью Крузий активно занимается пасторской работой. Умирает философ все в том же Лейпциге в 1775 г. (см.: Richter, 1876; Saring, 1957).

При обращении к моральному учению Крузия мы находим целый ряд поразительных сходств с этической концепцией Канта. И прежде всего это касается взгляда обоих мыслителей на сущность моральных предписаний. Так, у Крузия обнаруживается разделение всех практических основоположений на законы добродетели и правила благоразумия. Причем отличаются они друг от друга, по Крузию, характером преследуемых целей и производной от этого обязательной силой. В случае пра-

⁵ Тем не менее можно констатировать, что безвестность, в которую погрузилось учение этого немецкого философа, не была заслуженна. Выстраивая свою систему поначалу во многом на критике лейбнизианско-вольфианских положений (наиболее известна его критика закона достаточного основания), Крузий в итоге предложил весьма интересную переработку предшествующей ему философской традиции. В исследовательской литературе можно встретить мнение, что его философская система является одной из наиболее оригинальных систем XVIII в. (Schneewind, 1998, S. 445–446).

The Moral Teaching of Christian August Crusius

Christian August Crusius, a philosopher and theologian at the height of the Age of Enlightenment, went down in the history of philosophy above all as a fierce opponent of Wolffian philosophy. Born at Leuna in Saxony in 1715, Crusius studied philosophy and theology at Leipzig University. He wrote his main philosophical works in the period between 1744 and 1749. In 1750 he became a professor of theology at Leipzig University whereupon he concentrated mainly on theological issues. In 1773 he became the rector of Leipzig University. Along with his academic work Crusius was engaged in active pastoral work. He died in Leipzig in 1775 (cf. Richter, 1876; Saring, 1957).

When looking at the moral teaching of Crusius we discover some striking similarities with Kant's ethical system. Above all, I am referring to the view of both thinkers concerning the essence of moral prescriptions. Thus, Crusius divided all practical principles into the laws of virtue and the rules of common sense. They differ, according to Crusius, in the character of the aims pursued and the corresponding obligatory force. In the case of the rules of common sense, we deal with goals arbitrarily determined by the subject and therefore random. Accordingly, these principles do not carry unconditional force. These prescriptions are only necessary inasmuch as they are a means of achieving the chosen goals. If we do not chose these goals, the need for the means to achieving them also falls away. By contrast, the principles of virtue pursue the goal that has absolute force. Such a goal, according to Crusius, is the achievement of Good seen as a combination of virtue and happiness in which, however, happiness cannot be an end in itself but merely a consequence of the virtue achieved. Crusius himself was well aware of the inherent paradox: man can attain happiness only by dint of his virtue, but in order to be virtuous he should not seek happiness. In other words, to have more chance of being happy a person must wish it less. Crusius defines virtue as the compliance of human acts with the moral law, with the concept of virtue being a derivative of the moral law. Examining the nature of moral law in Crusius' philosophy, we see that this law is established directly by the will of the supreme being,

вил благоразумия мы имеем дело с целями, произвольно определяемыми самим субъектом и в силу этого случайными. Соответственно, и безусловно необходимой обязательной силы эти основоположения в себе не несут. Этого типа предписания необходимы лишь условно, как средства к достижению выбираемых целей. Если эти цели нами не выбираются, то и необходимость в средствах к их достижению также отпадает. В противоположность этому, основоположения добродетели преследуют цель, абсолютно необходимую для всех людей. По этой причине они обладают безусловной обязательной силой. Этой целью, по Крузию, является достижение блага, представляемого в соединении добродетели и счастья, однако таким образом, что счастье не может быть самоцелью, а может быть лишь следствием достигнутой добродетели. Причем сам Крузий прекрасно осознавал заложенную в этом положении парадоксальность: счастье человек может получить как следствие своей добродетельности, но чтобы быть добродетельным, он должен не стремиться к счастью. Другими словами, человек тем больше может надеяться на счастье, чем меньше он его желает. Добродетель же Крузий определяет как соответствие поступков человека моральному закону. При этом понятие добродетели оказывается производным от морального закона.

Рассматривая природу морального закона в философии Крузия, мы видим, что этот закон устанавливается непосредственно волей высшего существа, то есть Бога. Бог при сотворении мира вложил в сущность своих творений стремление к совершенству. Поэтому конечной целью творения является совершенство. При этом Крузий подразделяет совершенство на два вида: сущностное и случайное. Сущностное совершенство — это «совершенство вещи своего рода, которое есть не что иное, как такое отношение состояния вещи к сумме того, что посредством нее возможно или действительно, благодаря чему в ней встречается всякая реальность, которая ожидаема благодаря уже предположенному понятию о ее сущности» (Crusius, 1766, S. 302). Случайное совершенство — это «некоторые свойства [вещи]... которые хотя и не принадлежат сущности, посредством чего она мыслима, но и не нарушают совершенство вещи и, следовательно, помогают увеличить сумму реальности вещи» (Crusius, 1766, S. 302–303). В случае человека сущностным совершенством является именно добродетель. Все остальное, в частности ученость, красота, благоразумие, относится лишь к случайным совершенствам, а соответственно, их отсутствие не делает человека несовершенным, равно как и их присутствие само по себе ничего к совершенству человека не прибавляет.

i.e. God. In creating the world God imparted to his creatures the desire to achieve perfection. Therefore perfection is the ultimate goal of Creation. Crusius distinguishes two types of perfection: essential and accidental. Essential perfection is “perfection of its kind of object which is none other than the proportion of the state of the thing to the sum of what it makes possible or real which is expected thanks to the supposed concept of its essence”⁶ (Crusius, 1766, p. 302). Accidental perfection is “certain properties [of a thing] [...] which, though not pertaining to the essence, whereby it is thinkable, does not impair the perfection of the thing and, consequently, adds to the overall reality of the thing”⁷ (Crusius, 1766, pp. 302-303). In the case of man, essential perfection is virtue. All the rest, including learning, beauty and common sense, are merely accidental perfections and, accordingly, their absence does not render a person imperfect any more than their presence in itself adds anything to the person’s perfection.

Everything in the world must agree with the essential perfection of things, i.e. with the ultimate aim of their existence. Therefore the moral law may be formulated in the following way: “[...] Do what corresponds to the perfection of God and your attitude to Him as well as the essential perfection of human nature, and eschew the opposite”⁸ (Crusius, 1767, p. 191, 249). This principle is the main moral principle of Crusian philosophy. But Crusius sees this provision as a material principle and demands that it should be supported by a formal one. According to Crusius, the formal principle of morality is inner intent, which ought to be the basis of determining the will to act. The only possible formal principle that can be deemed to be truly moral, according to Crusius, is absolute obedience to God, arising from total and absolute dependence of the creature on its Creator. The marriage of the material and formal principles yields the final formula

⁶ “[...] Vollkommenheit eines Dinges in seiner Art, welche nichts anders ist, als dasjenige Verhältniß des Zustandes eines Dinges gegen die Summe dessen, was dadurch möglich oder wirklich ist, vermöge welches alle diejenige Realität an ihm angetroffen wird, welche man vermöge eines schon vorausgesetzten Begriffs von seinem Wesen an ihm verlanget”.

⁷ “[...] gewisse Eigenschaften [...], welche zwar zu dem Wesen, wodurch es gedacht wird, nicht gehören, jedoch auch der Vollkommenheit des Wesens keinen Abbruch thun, und also die Summe der Realität des Dinges vermehren helfen.”

⁸ “[...] thue, was Vollkomheit Gottes und deinem Verhältnisse gegen ihn, und ferner was der wesentlichen Vollkommenheit der menschlichen Natur gemäß ist, und unterlasse das Gegentheil.”

Все в мире с необходимостью должно согласовываться с сущностными совершенствами вещей, то есть с конечной целью их существования. Поэтому моральный закон может быть сформулирован следующим образом: «Совершай то, что соответствует совершенству Бога и твоему отношению к Нему, а также сущностному совершенству человеческой природы, и избегай противоположного» (Crusius, 1767, S. 191, 249). Это положение и является основным моральным принципом крузианской философии. Но оно воспринимается Крузием как материальный принцип и требует дополнения принципом формальным. Формальным же принципом морали у Крузия оказывается внутреннее намерение, которое должно лежать в основе определения воли к поступку. Единственный возможный формальный принцип, который можно считать подлинно моральным, по Крузию, — это абсолютное послушание Богу, проистекающее из полной и абсолютной зависимости творения от своего Творца. При соединении материального и формального принципа мы и получаем окончательную формулировку морального закона: «Делай из покорности перед повелением твоего Творца как твоего естественного и необходимо господина все то, что соответствует совершенству Бога, а также сущностному совершенству твоей собственной природы и [природы] всех остальных творений и что в конечном счете соответствует созданным им [Богом] отношениям вещей между собой, и избегай противоположного» (Crusius, 1767, S. 249).

Из этого морального закона проистекает у Крузия и определение природы добродетели как исполнения материального принципа, но исполнения его с должным внутренним намерением, то есть как готовности выполнять то, что соответствует совершенству Бога, себя самого и других людей, единственно из послушания Богу (Crusius, 1767, S. 250)⁶. Важной здесь оказывается именно готовность исполнять требование морального закона ради того, что в нем явлена воля Бога относительно своих творений. Только это и делает поведение человека подлинно добродетельным. Увеличение же совершенства в мире без этого основополагающего намерения дает лишь видимость добродетели.

Божественный закон или категорический императив

После анализа основных положений морального учения Канта и Крузия может показаться, что мо-

⁶ В этом обращении Крузия к анализу сферы внутренних мотивов и придании первостепенной важности именно этим мотивам при оценке добродетельности поступков усматривают продолжение pietisticкой традиции, в которой подчеркивалась значимость внутреннего благочестия в противоположность внешним культовым действиям и внешне сообразным добродетели поступкам (Schneewind, 1998, p. 444).

of the moral law: “Do out of obedience to the will of your Creator as your natural and necessary Lord everything that corresponds to the perfection of God and to the essential perfection of one’s own nature and [the nature] of all the other creatures, which ultimately corresponds to the relations of things created by Him [God] among themselves, and eschew the opposite”⁹ (Crusius, 1767, p. 249).

From this moral law Crusius derives the definition of the nature of virtue as fulfilment of the material principle, fulfilment, however, with due inner intent, i.e. readiness to fulfil what corresponds to the perfection of God, of oneself and other people solely in obedience to God (Crusius, 1767, p. 250).¹⁰ What is important is precisely a readiness to comply with the moral law because it reveals God’s will regarding His creations. This alone makes human behaviour genuinely virtuous. By contrast, an increase of perfection in the world without the fundamental intent creates only an appearance of virtue.

God’s Law or Categorical Imperative

An analysis of the main principles of the moral teachings of both thinkers — Kant and Crusius — may suggest that Crusius’ moral philosophy is practically identical to that of Kant. But a closer inspection reveals substantial divergences. The first divergence is arguably over the views on the nature of the moral law. In Crusian philosophy the moral law is derived from God’s will. This lends Crusius’ moral teaching a manifest theonomic character. With Kant, this law is perceived as the law determined by practical reason.

The second essential difference is the views on the nature of the purity of motives, an issue raised both in the philosophy of Crusius and the philosophy of Kant. Both thinkers stress that virtue, understood as conformity to the moral law, ought to be the only goal. Both thinkers stress that to assess

⁹ “*Thue aus Gehorsam gegen den Befehl deines Schöpfers, als deines natürlichen und nothwendigen Oberherrn, alles dasjenige, was der Vollkommenheit Gottes, und ferner was der wesentlichen Vollkommenheit deiner eigenen Natur und aller andern Geschöpfe, endlich auch was den Verhältnissen der Dinge gegen einander, welche er gemacht hat, gemäß ist, und unterlasse das Gegentheil.*”

¹⁰ The fact that Crusius turns to the sphere of internal motives and attaches prime importance to these motives in evaluating the virtuousness of acts is seen as a continuation of the pietistic tradition which stressed the importance of inner piety as opposed to external worship practices and acts that appear to be virtuous (cf. Schneewind, 1998, p. 444).

ральная философия второго представляется практически идентичной этике первого. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что имеются и достаточно существенные расхождения. Первым таким расхождением можно считать взгляды на природу морального закона. Моральный закон в философии Крузия оказывается произведен от воли Бога. Моральное учение Крузия, таким образом, приобретает ярко выраженный теонормный характер. У Канта же этот закон воспринимается как определяемый самим практическим разумом.

Вторым существенным отличием можно считать взгляды на природу чистоты мотивов, обсуждаемую в философии как Крузия, так и Канта. Оба мыслителя подчеркивают, что целью должна быть лишь сама добродетель, понимаемая как соответствие моральному закону. И оба мыслителя подчеркивают, что для оценки добродетельности недостаточно посмотреть лишь на сферу внешнего проявления поступка, но нужно учитывать также внутреннюю сферу намерений человека. И эта внутренняя сфера должна иметь своим мотивом лишь формальный принцип. Для Канта таким единственно возможным мотивом оказывалось уважение перед моральным законом, для Крузия — послушание воле Бога, выражающейся в моральном законе. И снова здесь мы видим теонормичность Крузия в противоположность отсутствию таковой у Канта.

Однако даже это различие между мыслителями бросается нам в глаза только до тех пор, пока мы рассматриваем этику Канта в отрыве от его учения о высшем благе и постулатах практического разума. Введение же постулатов, и особенно постулата бытия Бога, сразу же начинает разрушать столь стройную картину, особенно учитывая пояснения Канта, что переход от морали к религии является естественным и неизбежным: «Так моральный закон через понятие высшего блага как объекта и конечной цели чистого практического разума ведет к *религии*, то есть к познанию всех обязанностей как божественных заповедей, а не как санкций, то есть произвольных, самих по себе случайных распоряжений чуждой воли,— а как неотъемлемых законов каждой свободной воли самой по себе...» (AA 05, S. 129; Кант, 1997а, с. 639). Таким образом, если мы рассматриваем этическую систему Канта в ее полноте, с включением в сферу рассмотрения также и постулатов практического разума, то содержательное сходство этических систем обоих мыслителей становится еще более очевидным. В связи с этим нельзя не затронуть вопрос о возможном влиянии Крузия на формирование основ этической системы Канта.

virtuousness it is not enough to look only at the external manifestation of an act; it is necessary to take into account the inner sphere of man's intentions. The motive of the inner sphere must be solely the formal principle. For Kant the solely possible motive is respect for the moral law. For Crusius it is obedience to God's will expressed in the moral law. Again we see Crusius' theonomism and the lack of the same in Kant.

Yet even this difference between Kant and Crusius catches the eye only as long as we look at Kant's ethics separately from his teaching of the highest good and the postulates of practical reason. The introduction of postulates, especially the postulate of the existence of God, immediately begins to destroy this logical picture, especially in the light of Kant's explanation that transition from morality to religion is natural and inevitable: "In this way the moral law, through the concept of the highest good as the object and the final purpose of pure practical reason, leads to *religion, i.e., to the cognition of all duties as divine commands, not as sanctions – i.e., chosen and by themselves contingent ordinances of another's will – but as essential laws of every free will by itself*" (KpV, AA 05, p. 129; Kant, 2002, pp. 163-164). Thus if we consider Kant's ethical system in its entirety, including within our purview also the postulates of practical reason, the essential similarity of the ethical systems of both thinkers becomes even more evident. This dictates the need to examine the issue of possible influence of Crusius on the formative foundations of Kant's ethical system.

Was There an Influence?

In spite of a number of essential similarities in the views of both thinkers, these similarities, as well as the question of whether Crusius might indeed have influenced Kant, came in for specialist scrutiny fairly late. The first serious work devoted to this topic appeared in the late nineteenth century (Marquard, 1885). Several decades later in a long article Heimsoeth discusses in detail the similarity of Kant's philosophy to the main provisions of Crusius' philosophy. That article marked the start of gradual increase of scholarly interest in the problem.

In the context of the possible influence of Crusius on Kant, credit is undoubtedly due to Heimsoeth for the fact that although he himself stresses the importance of studying Kant's early

Так было ли влияние?

Несмотря на наличие целого ряда существенных сходств во взглядах обоих мыслителей, эти сходства, а также вопрос возможности действительного исторического влияния Крузия на Канта достаточно поздно становятся темой специальных исследований. Первая серьезная работа, посвященная этой теме, появилась в конце XIX в. (Marquard, 1885). Несколько десятилетиями позднее выходит развернутая статья Хаймзёта, подробно освещающая сходство философии Канта с основными положениями философии Крузия. С нее мы и можем начинать отсчет постепенного возрастания исследовательского интереса к рассматриваемой проблематике.

Несомненным достоинством этой работы можно считать тот факт, что Хаймзёт, несмотря на им же самим подчеркиваемую значимость изучения в контексте рассмотрения возможного влияния Крузия на Канта именно ранних работ последнего, которые и могли бы служить в данном случае своего рода связующим звеном между крузианской и критической философией (Heimsoeth, 1926, S. 1), тем не менее проводит параллели не только и не столько с ранним Кантом, сколько с Кантом критического периода. Однако остается лишь сожалеть о том, что основное внимание Хаймзёта направлено на рассмотрение проблем теоретической философии, а не философии практической. Тем не менее мы можем найти у Хаймзёта и ряд ценных замечаний относительно смыслового сходства идей Канта и Крузия в вопросе обоснования возможности существования свободной причинности, что непосредственно выводит нас на моральное учение обоих мыслителей (Heimsoeth, 1926, S. 36–37). Другой важной чертой данной работы можно считать принципиальную установку Хаймзёта на рассмотрение лишь «сути дела» (*Sachverhalt*), то есть систематического сходства философских идей обоих мыслителей, а не заинтересованность в установлении возможности действительного исторического влияния взглядов Крузия на Канта (Heimsoeth, 1926, S. 2–3). Вынесение решения относительно последнего Хаймзёт оставлял за кантофилологией — специальным разделом кантоведения, занимающимся исследованием терминологического аппарата Канта. Сам же Хаймзёт оставался в плоскости рассмотрения лишь преимущества философских проблем, не задаваясь вопросом о том, было ли непосредственное влияние Крузия на Канта причиной этой преимущества или же оба мыслителя пришли к постановке сходных проблем и сходным их решениям независимо друг от друга.

works which might have provided a link between Crusian and critical philosophies (Heimsoeth, 1926, p. 1), he nevertheless draws parallels not only or largely with early Kant but with Kant of the critical period. It is a pity, though, that Heimsoeth concentrates on the problems of theoretical philosophy and not practical philosophy. Even so, we can find in Heimsoeth some valuable remarks about the semantic similarity of the ideas of Kant and Crusius on the possibility of free causality, which brings us to the moral teachings of the two thinkers (Heimsoeth, 1926, pp. 36-37). Another important feature of the article is Heimsoeth's commitment to considering only "the bones of the matter" (*Sachverhalt*), i.e. systematic similarity of the two thinkers' philosophical ideas and not dwelling on the possibility of historical influence of Crusius on Kant (Heimsoeth, 1926, pp. 2-3). Heimsoeth leaves it to Kant philology — a department of Kant scholarship dealing with Kant's terminological apparatus — to deliver the verdict on that issue. Heimsoeth himself considers only the continuity of philosophical problems without delving into the details of whether the continuity is the result of direct influence of Crusius on Kant or whether the two thinkers had raised similar problems and arrived at similar solutions independently from each other.

One can mention several other works published in the 1920s and 30s which touched upon the issue of a possible influence of Crusius' ideas on the formation of the foundations of Kant's moral philosophy. One such author is Bohatec, who believed Kant was under a strong influence of Crusius in laying the foundations of his moral philosophy (Bohatec, 1938, p. 154; cf. Voca, 1937, pp. 26-27, 75-76, 129-130). However, a truly revolutionary study of this matter is arguably Schmucker's work, published in the early 1960s (Schmucker, 1961, pp. 85-87).¹¹ It triggered a groundswell of research interest in the problem of the apparent similarity of the two philosophers' ideas which eventually made the influence of Crusius on Kant into an oft-repeated hypothesis

¹¹ Schmucker concludes that Crusius had a direct influence on Kant from the fact that in his early work "Inquiry Concerning the Distinctness of the Principles of Natural Theology and Morality" (1764) Kant uses the word combination *necessitas legalis*, interpreted as the necessity of objects whose meaning, he believes, remains obscure unless one turns to the context of Crusian practical philosophy. Schmucker repeats this thesis in another work (cf. Schmucker, 1976, p. 94).

Можно отметить и несколько других публикаций, вышедших в 1920–1930-х гг. и затрагивавших вопрос возможного влияния идей Крузия на формирование основ моральной философии Канта. В частности, Й. Бохатек полагал, что Кант при формировании основ своей моральной философии находился под сильным влиянием Крузия (Bohates, 1938, S. 154; см. также: Воса, 1937, р. 26–27, 75–76, 129–130). Однако по-настоящему революционным исследованием в данной связи следует, по всей видимости, считать вышедшую в начале 1960-х гг. работу Й. Шмукера (Schmucker, 1961, S. 85–87)⁷, так как именно она послужила своеобразным толчком к росту исследовательского интереса к проблеме видимого сходства идей двух философов, что в конечном счете привело к тому, что в настоящий момент влияние Крузия на Канта является часто повторяемой исследовательской гипотезой (Henrich, 1963, S. 415; Sala, 1990, S. 75; Ciafardone, 1990, S. 26; Schönfeld, 2000, S. 141, 147–148; Allison, 2012, p. 144–145).

В то же время следует все же согласиться с высказанным еще в 1920-е гг. утверждением Хаймзёта относительно того, что установление наличия или отсутствия исторического влияния Крузия на Канта является проблемой не столько общих размышлений о «сути дела», то есть содержательном сходстве идей мыслителей, сколько задачей непосредственно кантофилологии. Если же мы обратимся к этому разделу кантоведения, то следует признать, что влияние Крузия на Канта в вопросе разведения разных типов обязательной силы у разных типов практических основоположений сложно подтвердить. И даже напротив, следует согласиться скорее с тем, что Кант все же двигался здесь в русле вольфианской традиции, нежели заимствовал идеи непосредственно у Крузия. Это вполне объясняет тот факт, что труды именно вольфианца Баумгартена, а не кого-нибудь из крузианцев Кант неизменно использовал в качестве компендиумов на своих лекциях по моральной философии и теологии (Stark, 2004, S. 386–391; Beyer, 1937, S. 231–236; Esposito, 1988, p. 43–51; Крыштоп, 2016, с. 299–309). Сторонником такой точки зрения является немецкий исследователь К. Швайгер, подчеркивающий, что возведение встречающейся в конкурном сочинении 1764 г. терминологической пары

⁷ Шмукер делает свой вывод о наличии непосредственного влияния на Канта со стороны Крузия на основании встречающегося в ранней работе Канта «Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали» (1764) словосочетания *necessitas legalis*, интерпретируемого как необходимость целей, смысл которого он полагает непонятным без отсылки к контексту практической философии Крузия. Ту же позицию Шмукер высказывает и в другой работе (Schmucker, 1976, S. 94).

(Henrich, 1963, p. 415; Sala, 1990, p. 75; Ciafardone, 1990, p. 26; Schönfeld, 2000, pp. 141, 147–148; Allison, 2012, pp. 144–145).

At the same time one has to concur with Heimsoeth's observation made in the 1920s that establishing whether or not there was historically an influence of Crusius on Kant is a problem that has to do not so much with general reflections "on the heart of the matter," i.e. the similarity of the substance of the thinkers' ideas as with Kant philology. If we look at that area of Kant scholarship we have to admit that it is hard to prove that Kant was influenced by Crusius on the distinction of different types of obligatory force of different types of practical principles. On the contrary, one would rather tend to agree that Kant was working within the mainstream of the Wolffian tradition rather than poaching ideas directly from Crusius. This amply explains the fact that Kant invariably used the works of none other than Baumgarten, a Wolffian, and not of any Crusians, as compendiums in his lectures on moral philosophy and theology (cf. Stark, 2004, pp. 386–391; Beyer, 1937, pp. 231–236; Esposito, 1988, pp. 43–51; Крыштоп, 2016, pp. 299–309). This view is shared by the German scholar Schweiger who stressed that tracing the terminological pair *necessitas problematica* (necessity of means) / *necessitas legalis* (necessity of objects) that occurs in a 1764 competition essay (*UD*, AA 02, p. 298; Kant, 2011b, p. 245) to the influence of Crusius may explain only one part of the pair (*necessitas legalis*). *Necessitas problematica* remains unexplained, which prompts a search for other sources of influence on Kant. Besides, the fact that Kant uses Latin forms of the above concepts rather suggests that his source was also written in Latin. Schweiger concludes that the source referred to may have been Baumgarten's compendiums on ethics *Initia* (1740) and *Ethica* (1760) which Kant used extensively in his academic activities (cf. Schwaiger, 1999, pp. 54–55).

Conclusion

An analysis of the main provisions of the moral philosophy of Crusius and Kant leads to the conclusion that these two teachings are close on a number of counts. Both thinkers stress the unconditional obligatory force of the moral law (the law of virtue). Both stress the fundamental difference between the

necessitas problematica (необходимость средств) / *necessitas legalis* (необходимость целей) (AA 02, S. 298; Кант, 1994а, с. 187) к влиянию Крузия позволяет объяснить лишь один член этой пары, а именно *necessitas legalis*. *Necessitas problematica* при этом остается непроясненным, что заставляет нас искать иные источники влияния на Канта. Кроме того, и употребление здесь Кантом латинских форм данных понятий указывает скорее на то, что источник этот должен быть на латинском языке. В конечном счете Швайгер склоняется к мысли о том, что этим источником могут быть компендиумы Баумгартена по этике *Initia* (Baumgarten, 1740) и *Ethica* (Baumgarten, 1760), активно использовавшиеся Кантом в его академической деятельности (Schwaiger, 1999, S. 54–55).

Заключение

Рассмотрение основных положений моральной философии Крузия и Канта приводит нас к выводу, что эти учения близки друг другу по целому ряду моментов. Оба мыслителя говорят о безусловной обязательной силе морального закона (закона добродетели). Оба подчеркивают принципиальное различие между основоположениями добродетели и благоразумия. У обоих мыслителей мы находим однозначное определение именно добродетели — основополагающего элемента высшего блага — в отличие от счастья, которое и Кантом, и Крузием рассматривается как только лишь производное от добродетели, но никак не самоцель. В то же время наличие этих весьма существенных сходств во взглядах обоих философов само по себе еще не свидетельствует о том, что взгляды Канта формировались под непосредственным влиянием философии Крузия. Приходится констатировать, что на современном уровне развития кантоведения вопрос о непосредственном влиянии на Канта работ Крузия не представляется возможным решить однозначно. В то же время, даже если принять во внимание аргументы кантофилологии, оспаривающие возможность такого влияния, совершенно исключать из поля рассмотрения сходство идей обоих мыслителей вряд ли можно считать корректным. Однако при проведении подобного рода сравнений не стоит забывать и о существенных различиях, причем не в конкретных решениях в целом аналогичных проблем, а в фундаментальном обосновании постановки самих этих проблем. Если для Крузия таким обоснованием являлось желание отстоять «истинное» представление о сущности Бога как всесовершенного существа, то задача Канта уже не может быть сведена к попытке решения подоб-

tenets of virtue and common sense. Both thinkers unequivocally define virtue — the pivotal element of the highest good — as distinct from happiness which both Kant and Crusius see as merely a derivative of virtue, but not an end in itself. However, the presence of very substantial similarities in the views of both philosophers is not reason enough for claiming that Kant's views were formed under the direct influence of Crusius' philosophy. One has to admit that at the present level of the development of Kant scholarship the question of direct influence of Crusius' works on Kant does not lend itself to an unequivocal answer. At the same time, even if one accepts the argument of Kant philology, which denies the possibility of such influence, it would not be correct to ignore the similarity of the two thinkers' ideas. However, in making such comparisons one should not forget the essential differences, not only in concrete solutions of largely analogous problems, but also in the fundamental justification and formulation of the very problems. While for Crusius the justification was his wish to uphold the "true" idea of the essence of God as an all-perfect entity, Kant's task cannot be reduced to an attempt to solve such theological questions, although theological aspects of Kant's thought cannot be excluded in studying his moral philosophy (cf. Allison, 2012, p. 144; Esposito, 2004, pp. 265-291).

This research was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project "I. Kant and Philosophy of Religion in Germany", no. 18-011-00080 A.

References

- Allison, H. E., 2012. *Essay on Kant*. Oxford: Oxford University Press.
- Baumgarten, A. G., 1740. *Ethica philosophica*. Halle: Hemmerde.
- Baumgarten, A. G., 1760. *Initia philosophiae practicae prima*. Halle: Hemmerde.
- Berdyayev, N., 1960. *The Destiny of Man*. New York: Harper & Brothers.
- Beyer, K., 1937. *Zeitliche Einordnung der Vorlesung*. In: K. Beyer, ed. 1937. *Kants Vorlesungen über die philosophische Religionslehre*. Halle: Akademischer Verlag, pp. 231-236.
- Boca, S., 1937. *Kant e moralisti tedeschi*. Wolff, Baumgarten, Crusius. Napoli: Luigi Loffredo.
- Bohatec, J., 1938. *Die Religionsphilosophie Kants in der „Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft. Mit besonderer Berücksichtigung ihrer theologisch-dogmatischen Quellen*. Hamburg: Hoffmann & Campe.

ного рода богословских вопросов, хотя полностью исключать теологические аспекты моральной философии Канта также не представляется возможным (см.: Allison, 2012, p. 144; Esposito, 2004).

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «И. Кант и философия религии в Германии», № 18-011-00080.

Список литературы

Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж : Изд-во «Современные записки», 1931.

Гогоцкий С. С. Критический взгляд на философию Канта. Киев : Тип. И. Вальнера, 1847.

Кант И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 2. С. 159–190.

Кант И. Метафизика нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 1997а. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 1997б. Т. 3. С. 39–276.

Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М. : Канон+, 2009.

КрышTOP Л. Э. Лекции Канта по теологии // Кант И. Лекции о философском учении о религии. М. : Канон +, 2016. С. 299–309.

Рождественский Н. П. Христианская апологетика. СПб. : Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1884. Т. 1.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.

Флоренский П. А. Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. 2007. № 1. С. 20–44.

Шиллер Ф. О грации и достоинстве // Собр. соч. : в 7 т. / под общ. ред. Н. Н. Вильмонта, Р. М. Самарина. М. : Художественная литература, 1957. Т. 6. С. 115–170.

Allison H. E. Essay on Kant. Oxford : Oxford University Press, 2012.

Baumgarten A. G. Ethica philosophica. Halle : Hemmerde, 1740.

Baumgarten A. G. Initia philosophiae practicae primae. Halle : Hemmerde, 1760.

Beyer K. Zeitliche Einordnung der Vorlesung // Kants Vorlesungen über die philosophische Religionslehre / hrsg. von K. Beyer. Halle : Akademischer Verlag, 1937. S. 231–236.

Boca S. Kant e moralisti tedeschi. Wolff, Baumgarten, Crusius. Napoli : Luigi Loffredo, 1937.

Bohatec J. Die Religionsphilosophie Kants in der „Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft“. Mit besonderer Berücksichtigung ihrer theologisch-dogmatischen Quellen. Hamburg : Hoffmann und Campe, 1938.

Ciafardone R. Einleitung // Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung / hrsg. von R. Ciafardone. Stuttgart : Philipp Reclam jun., 1990. S. 11–38.

Crusius Ch. A. Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzt werden. Leipzig : Gleditsch, 1766.

Crusius Ch. A. Anweisung vernünftig zu leben. Leipzig : Gleditsch, 1767.

Ciafardone, R., 1990. Einleitung. In: R. Ciafardone, ed. 1990. *Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., pp. 11-38.

Crusius, Ch. A., 1766. *Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzt werden*. Leipzig: Gleditsch.

Crusius, Ch. A., 1767. *Anweisung vernünftig zu leben*. Leipzig: Gleditsch.

Esposito, C., 1988. Introduzione. In: I. Kant, 1988. *Lezioni di filosofia della religione*. Napoli: Bibliopolis, pp. 11-91.

Esposito, C., 2004. Kant: von der Ethik zur Religion (und zurück). In: N. Fischer, ed. 2004. *Kants Metaphysik und Religionsphilosophie*. Hamburg: Meiner, pp. 265-291.

Florensky, P. A., 2007. Iz lekcij po istorii filosofii Novogo vremena. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1, pp. 20-44. (In Rus.)

Gogocky, S. S., 1847. *Kriticheskij vzglyad na filosofiju Kanta [Critical View on Kant's Philosophy]*. Kiev: Tipografija I. Valnera. (In Rus.)

Heimsoeth, H., 1926. *Metaphysik und Kritik bei Chr. A. Crusius*. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.

Henrich, D., 1963. Über Kants früheste Ethik. Versuch einer Rekonstruktion. *Kant-Studien*, 54(4), pp. 404-431.

Kant, I., 1991. *Metaphysics of Morals*. Translated by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Critique of Practical Reason*. Translated by W. S. Pluhar. Indianapolis & Cambridge: Hackett.

Kant, I., 2011a. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Translated by M. J. Gregor and J. Timmermann. New York: Cambridge University Press.

Kant, I., 2011b. Inquiry Concerning the Distinctness of the Principles of Natural Theology and Morals. In: I. Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. New York: Cambridge University Press, pp. 221-248.

Krouglov, A. N., 2009. *Filosofija Kanta v Rossii v konce XVIII – pervoi polovine XIX vekov [Kant's Philosophy in Russia at the End of the 18th and in the First Half of the 19th Centuries]*. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

KryshTOP, L. E., 2016. Kant's Lectures on Theology. In: I. Kant, 2016. *Lekcii o filosofskom uchenii o religii [Lectures on the Philosophical Doctrine of Religion]*. Moscow, Kanon+, pp. 299-309. (In Rus.)

Marquard, A., 1885. *Kant und Crusius: Ein Beitrag zum richtigen Verständnis der Crusianischen Philosophie*. Kiel: Lipsius & Tischer.

Richter, A., 1876. Crusius, Christian August. In: *Allgemeine Deutsche Biographie, Volume 4*. Leipzig: Duncker und Humblot, pp. 630-631, [online]. Available at: <<https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html>> [Accessed 5 February 2019].

Rozhdestvensky, N. P., 1884. *Christianskaja apologetika [Christian Apologetics], Volume 1*. St. Petersburg: Tip. Doma Prizrebija Maloletnikh Bednykh. (In Rus.)

Sala, G., 1990. Das Gesetz oder das Gute? Zum Ursprung und Sinn des Formalismus in der Ethik Kants. *Gregorianum*, 71(1), pp. 67-95.

Esposito C. Introduzione // Kant I. Lezioni di filosofia della religione / a cura di C. Esposito. Napoli : Bibliopolis, 1988. P. 11–91.

Esposito C. Kant: von der Ethik zur Religion (und zurück) // Kants Metaphysik und Religionsphilosophie / hrsg. von N. Fischer. Hamburg : Meiner, 2004. S. 265–291.

Heimsoeth H. Metaphysik und Kritik bei Chr. A. Crusius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1926.

Henrich D. Über Kants früheste Ethik. Versuch einer Rekonstruktion // Kant-Studien. 1963. Bd. 54, № 4. S. 404–431.

Marquard A. Kant und Crusius: Ein Beitrag zum richtigen Verständnis der Crusianischen Philosophie. Kiel : Lipsius & Tischer, 1885.

Richter A. Crusius, Christian August // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig : Duncker und Humblot, 1876. Bd. 4. S. 630–631. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html#adbcontent> (дата обращения: 05.02.2019).

Sala G. Das Gesetz oder das Gute? Zum Ursprung und Sinn des Formalismus in der Ethik Kants // Gregorianum. 1990. Vol. 71, № 1. S. 67–95.

Saring H. Crusius, Christian August // Neue Deutsche Biographie. Berlin : Duncker und Humblot, 1957. Bd. 3. S. 432–433. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html#ndbcontent> (дата обращения: 04.02.2019).

Schmucker J. Die Ursprünge der Ethik Kants in seinen vor-kritischen Schriften und Reflexionen. Meisenheim am Glan : Anton Heim, 1961.

Schmucker J. Zur Datierung der Reflexion 3716. Das Versagen der Wortstatistik in der Frage der Datierung der frühen kantischen Reflexionen zur Metaphysik, aufgewiesen an einem exemplarischen Fall // Kant-Studien. 1976. Bd. 67. S. 74–101.

Schneewind J.B. The Invention of Autonomy. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant. The Pre-critical Project. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Schwaiger C. Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 1999.

Stark W. Nachwort // Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie / hrsg. von W. Stark. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2004. S. 386–391.

Об авторе

Людмила Эдуардовна Крыштон, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

E-mail: ricpatric@gmail.com

Для цитирования:

Крыштон Л. Э. Божественный закон или категорический императив: о крузианских истоках кантовской морали // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 2. С. 31–44. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-2.

Saring, H., 1957. Crusius, Christian August. In: *Neue Deutsche Biographie, Volume 3*. Berlin: Duncker und Humblot, pp. 432-433, [online]. Available at: <<https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html>> [Accessed 4 February 2019].

Sartre, J.-P., 2007. *Existentialism Is a Humanism*; including, A commentary on *The Stranger*. Translated by C. Macomber; introduction by A. Cohen-Solal; notes and preface by A. Elkaïm-Sartre, edited by J. Kulka. New Haven: Yale University Press.

Schiller, F., 1988. On Grace and Dignity. In: F. Schiller, 1988. *Poet of Freedom*. Washington DC: Schiller Institute, pp. 337-395.

Schmucker, J., 1961. *Die Ursprünge der Ethik Kants in seinen vorkritischen Schriften und Reflexionen*. Meisenheim am Glan: Anton Heim.

Schmucker, J., 1976. Zur Datierung der Reflexion 3716. Das Versagen der Wortstatistik in der Frage der Datierung der frühen kantischen Reflexionen zur Metaphysik, aufgewiesen an einem exemplarischen Fall. *Kant-Studien*, 67, pp. 74-101.

Schneewind, J. B., 1998. *The Invention of Autonomy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schönfeld, M., 2000. *The Philosophy of the Young Kant. The Pre-critical Project*. Oxford: Oxford University Press.

Schwaiger, C., 1999. *Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.

Stark, W., 2004. Nachwort. In: I. Kant, ed. 2004. *Vorlesung zur Moralphilosophie*. Berlin and New York: De Gruyter, pp. 386-391.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Ludmila E. Kryshthon, Associate Professor, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

E-mail: ricpatric@gmail.com

To cite this article:

Kryshthon, L. E., 2019. God's Law or Categorical Imperative: on Crusian Issues of Kantian Morality. *Kantian Journal*, 38(2), pp. 31-44. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-2>

**ПЕРЕСМОТР ДИНАМИКИ
МАКСИМ И ЗАКОНОВ
В СВЕТЕ КАНТОВСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ**

В. К. Радхакришнан¹

В основе моральной теории Канта лежит устойчивая классификация практических основоположений на взаимоисключающие типы. Однако, помимо нескольких намеков на различие между максимами и законами, в своих работах он не занимается подробным обсуждением классификации и типов практических основоположений, что сподвигло Онору О'Нил и Льюиса Бека заново интерпретировать кантовскую классификацию практических основоположений таким образом, чтобы сделать концептуальную связь законов и максим более ясной. В этой статье я утверждаю, что интерпретации О'Нил и Бека проистекают из ошибочного прочтения фундаментального основания классификации практических основоположений. Чтобы это обосновать, я, во-первых, показываю, что Кант проводит различие между законами и максимами на основании значимости и реальности. Во-вторых, я утверждаю, что, хотя значимость и является необходимым признаком практических основоположений, их реальности как мотиватора к совершению действий на самом деле будет достаточно для превращения основоположения в практическое основоположение. Поскольку это так, я доказываю, что классификация практических основоположений должна основываться на степени их эффективности в отношении людей (то есть их реальности). Такая классификация дает нам три исчерпывающих и взаимоисключающих типа: «максимы, которые не являются потенциальными законами», «максимы, которые являются потенциальными законами» и «законы, которые не являются максимами».

Ключевые слова: Кант, практические основоположения, максима, закон, поступок, классификация, *fundamentum divisionis*, человеческая деятельность.

1. Введение

Любой человек, читающий Канта, вряд ли способен не заметить четкое различие максим и законов как двух типов практических основоположений в первом разделе «Критики практического разума»

¹ Манипалский центр гуманитарных наук, Манипалская академия высшего образования, 576104, Индия, Карнатака, Манипал, Комплекс планетария им. д-ра ТМА Пай, Алевор роуд.

Поступила в редакцию: 05.03.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-3

© Радхакришнан В. К., 2019.

**REVISITING THE MAXIM-LAW DYNAMIC
IN THE LIGHT OF KANT'S THEORY
OF ACTION**

V. K. Radhakrishnan¹

A stable classification of practical principles into mutually exclusive types is foundational to Kant's moral theory. Yet, other than a few brief hints on the distinction between maxims and laws, he does not provide any elaborate discussion on the classification and the types of practical principles in his works. This has led Onora O'Neill and Lewis Beck to reinterpret Kant's classification of practical principles in a way that would clarify the conceptual connection between maxims and laws. In this paper I argue that the revised interpretations of O'Neill and Beck stem from a mistaken reading of the fundamental basis of the classification of practical principles. To show this, I first argue that Kant distinguishes between maxims and laws on the bases of validity and reality. I then argue that although a practical principle necessarily has the feature of validity, its reality in actually moving the agents to action sufficiently makes a principle a practical principle. If this is so, I argue that the classification of practical principles must be based on the extent to which they are effective in human agents (i.e. their reality). Such a classification yields us three exhaustive and mutually exclusive types namely, "maxims that are not potential laws", "maxims that are potential laws" and "laws that are not maxims".

Keywords: Kant, practical principles, maxim, law, action, classification, *fundamentum divisionis*, human agency.

1. Introduction

Any reader of Kant can hardly look past the clear-cut distinction between maxims and laws as two types of practical principles in the first section of his *Critique of Practical Reason* (KpV, AA 05, p. 19;

¹ Manipal Centre for Humanities, Manipal Academy of Higher Education (MAHE), Dr. TMA Pai Planetarium Complex, Alevor Road, Manipal, Karnataka, India, 576104.

Received: 05.03.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-3

© Radhakrishnan V. K. 2019.

(AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321–323). Ранее, в «Основоположениях метафизики нравов», Кант дважды в сносках вводит различие максим и законов, причем в разных контекстах (AA 04, S. 401 Anm., 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 81–83 сн., 143 сн.). Это различие является основополагающим для его моральной теории. Поскольку практические основоположения лежат в основании совершения действий, хорошо обоснованная классификация этих основоположений объясняет возможность совершения людьми действий различных типов. Несмотря на ее значение, лишь несколько комментаторов критически отнеслись к классификации практических основоположений как таковой¹. Льюис Бек (Beck, 1960, p. 80–81), будучи одним из них, называет кантовскую классификацию, разделяющую практические основоположения на субъективные максимы и объективные законы, «странной» и «логически ошибочной». Вдобавок Генри Аллисон (Allison, 1990, p. 87–88) и Эндрю Рит (Reath, 2006, p. 89, сн. 24) наблюдают «неоднозначность» и «терминологическую неопределенность» в использовании Кантом «максим» и «законов» как типов практических основоположений в контексте их классификации. Путаница возникает в основном тогда, когда деление на максимы и законы понимается как полная классификация практических основоположений, поскольку такое понимание не в состоянии объяснить тот тип практических основоположений, на который опираются совершаемые людьми моральные действия. Кантовская идея морального действия предполагает, что законы являются значимыми для людей и потому могут служить им в качестве эффективных максим. По этой причине Кант объявляет законы «субъективно служащими» как максимы, когда вводит в «Основоположениях» (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81–83 сн.) два типа практических основоположений. Таким образом, четкое разделение между законом и максимой начинает

¹ Несомненно, существует обширная литература о кантовском понятии максимы. Среди наиболее влиятельных работ стоит отметить «On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of Will» Яна Моррисона (Morrison, 2005), «Ends and Principles in Kant's Moral Thought» Джона Атвелла (Atwell, 1986, p. 33–55), «Kant's Puzzling Ethics of Maxims» Йенса Тиммермана (Timmermann, 2000), «Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics» Михаэля Альбрехта (Albrecht, 2009), «Doing Things for Reasons» Рюдигера Битнера (Bittner, 2001, p. 43–64), «Another Look at Maxims» Рюдигера Бубнера (Bubner, 2000) и «Maxims and Virtues» Талбота Брюэра (Brewer, 2002). Большинство этих работ рассматривает прежде всего природу максим и их связь с действиями. Исследования, рассматривающие исключительно максимы и законы как типы практических основоположений и отношения этих типов в свете теории действия Канта, довольно редки.

Kant, 1996a, p. 153). Previously, in his *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, Kant introduces the distinction between maxims and laws as footnotes at two places in different contexts (GMS, AA 04, p. 401n, 421n; Kant, 1996b, p. 56n, 73n). The division of practical principles into maxims and laws is foundational to Kant's moral theory. Since practical principles underlie the performance of actions, a classification of practical principles on a sound basis explains the different types of actions possible for human agents to perform. Despite this significance, only a few commentators have given critical responses to the classification of practical principles into maxims and laws *per se*.¹ Lewis Beck (1960, pp. 80-81), who is one of them, calls Kant's classification of practical principles into subjective maxims and objective laws "peculiar" and "logically faulty". Additionally, Henry Allison (1990, pp. 87-88) and Andrews Reath (2006, p. 89n24) observe that there is "ambiguity" and "terminological looseness" in Kant's usage of "maxims" and "laws" as types of practical principles in the context of their classification. Confusions mostly arise when maxims and laws are read as *exhaustive* types of practical principles. This is because such a reading fails to explain the type of practical principles underlying moral actions performed by human agents. Kant's idea of moral action presupposes that laws include human agents under the scope of their relevance and, so, they can be effective as maxims in them. It is for this reason Kant declares that laws "serve subjectively" as maxims when introducing the two types of practical principles in his *Groundwork* (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996, p. 56n). Thus, the rigid conceptual separation between maxims and laws begins to blur when the two concepts unite to explain the

¹ Undoubtedly, there is a vast amount of secondary literature on Kant's notion of maxim. Some of the influential works include Ian Morrison's "On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of Will" (2005), John Atwell's *Ends and Principles in Kant's Moral Thought* (1986, p. 33-55), Jens Timmermann's "Kant's Puzzling Ethics of Maxims" (Timmermann, 2000), Michael Albrecht's "Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics" (2009), Rüdiger Bittner's *Doing Things for Reasons* (2001, p. 43-64), Rüdiger Bubner's "Another Look at Maxims" (2000) and Talbot Brewer's "Maxims and Virtues" (2002). The concerns that most of these accounts address centre on the nature of maxims and how maxims connect to actions. Rarely do we find studies exclusively meant to study maxims and laws as types of practical principles and which explore the relationship between the two in the light of Kant's theory of action.

размываться, когда оба понятия объединяются для объяснения практических основоположений, лежащих в основе совершения людьми морально значимых действий. Чтобы решить эту проблему, Бек (Beck, 1960, p. 82) добавляет к «только лишь максиме» и «закону» еще один тип практических основоположений — «закон, также являющийся максимой», тем самым превращая кантовскую классификацию в трихотомию. Аллисон (Allison, 1990, p. 88) критикует трихотомию Бека, поскольку та «скрывает действительное отношение между максимами и объективными практическими основоположениями, действующее в кантовской мысли». Онора О'Нил также отвергает трихотомию Бека, предлагая собственное четырехчастное деление практических основоположений на «возможные только лишь максимы», «только лишь максимы», «законы, могущие быть максимами» и «законы, никогда не могущие быть максимами» (O'Neill, 1975, p. 34, n. 7). Таким образом, мы видим, что и «закон, также являющийся максимой» в классификации Бека, и «законы, могущие быть максимами» в классификации О'Нил объясняют значение законов для человеческих действий и защищают кантовскую теорию морального действия.

Я считаю, что рассмотренные интерпретации кантовской классификации практических основоположений, предложенные Беком и О'Нил, проистекают из ошибочного понимания того основания, на котором строит свою классификацию сам Кант. Я утверждаю, что любая попытка пересмотра этой классификации требует понимания того, что практические основоположения не только значимы для действующих лиц, но также определяют их волю к действию. С одной стороны, интерпретация О'Нил ошибочно принимает степень обоснованности и степень эффективности практических основоположений за основание их классификации. С другой стороны, Бек не обращает внимания на область их действительного приложения и ошибочно принимает степень их приложимости к действующим субъектам за отличительный признак, на котором Кант строит свою классификацию. При корректном же прочтении признается, что хотя практические основоположения с необходимостью обладают определенной значимостью для действующих лиц, Кант все же считал реальность в определении воли действующих лиц необходимым и достаточным признаком практических основоположений. Если это так, то новая классификация практических основоположений должна основываться на их реальности как того, что действительно подвигает человека к поступку, а не только на их обоснованности

type of practical principles that underlie the performance of morally worthy actions by human agents. In order to resolve this issue, Beck (1960, p. 82) adds “law which is also a maxim” to “mere maxim” and “law” as another type of practical principles, thus making Kant’s classification a trichotomy. Allison (1990, p. 88) criticises Beck’s trichotomy on the grounds that it “tends to obscure the actual relationship between maxims and objective practical principles that is operative in Kant’s thought.” Onora O’Neill also rejects Beck’s trichotomy and proposes her own four-fold division of practical principles, namely, “possible mere maxims”, “mere maxims”, “laws that may be maxims” and “laws that may never be maxims” (O’Neill, 1975, p. 34n7). Thus we see that, in their classification of practical principles, Beck’s “law which is also a maxim” and O’Neill’s “laws that may be maxims” explain the relevance of laws to human agents and defend Kant’s account of moral action.

I believe that the revised interpretations of Kant’s classification of practical principles provided by Beck and O’Neill spring from a mistaken reading of what serves as the fundamental basis of Kant’s classification of practical principles. I argue that any attempt to revisit this classification requires an understanding that practical principles not only hold valid for the agents, but also determine their will to actions. On the one hand, O’Neill’s reinterpretation fallaciously presumes both the extent of their validity and the extent of their effectiveness as the fundamental bases of the classification of practical principles. On the other hand, Beck leaves out the extent of their actual application and mistakes the extent of their applicability to agents as the distinguishing feature on which Kant’s classification of practical principles occurs. Instead, a correct reading acknowledges that although practical principles necessarily have a scope of relevance to agents, Kant thought of their reality in determining the will of the agents as both a necessary and a sufficient feature of practical principles. If this is so, a reclassification of practical principles must be based on their *reality* in actually moving the agents to action and not merely on their *validity* to agents. In what follows, I show that such a revised classification results in three collectively exhaustive and mutually exclusive types of practical principles namely, “maxims that are not potential laws”, “maxims that are potential laws”

для действующих субъектов. Ниже я покажу, что такая пересмотренная классификация состоит из трех в совокупности исчерпывающих и взаимоисключающих типов практических основоположений: «максим, не являющихся потенциальными законами», «максим, являющихся потенциальными законами» и «законов, не являющихся максимами».

Последующее рассуждение состоит из пяти разделов. Следующий раздел начинается с пересмотра кантовского различения закона и максимы с целью определить их *обоснованность* (как *возможных* основоположений поступка) и их *реальность* (как *действительных* основоположений поступка) — два признака, отличающие законы от максим. При этом я покажу, что большинство исследователей не признают обоснованность и реальность в качестве двух отдельных критериев, на основании которых Кант различает законы и максимы. Принимая во внимание эти два признака практических основоположений, я начинаю третий раздел с исследования того, какой именно из этих признаков служит фундаментальным основанием классификации практических основоположений. Я покажу, что Онора О'Нил ошибочно предполагает, что классификация основана одновременно на двух этих критериях. Подобным образом Льюис Бек неверно принимает критерий обоснованности за основу классификации практических основоположений. Далее, в четвертом разделе я докажу, что данное Кантом определение практических основоположений можно понимать только таким образом, что их реальность есть одновременно необходимый и достаточный признак практического основоположения. Учитывая это, в последнем разделе я привожу пересмотренную классификацию практических основоположений, построенную на основании степени их эффективности в определении воли к совершению поступков.

2. Пересмотр различения максим и законов

К сожалению, Кант втиснул свои рассуждения о законах и максимах лишь в несколько коротких замечаний в работах по моральной философии (AA 04, S. 401 Anm., 420–421 Anm.; Кант, 1997б, с. 81–83 сн., 143 сн.; AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321–323; AA 29, S. 602–603). Рассмотрим одно из таких замечаний в сноске из «Основоположения метафизики нравов», в которой Кант определяет законы и максимы следующим образом:

Максима есть субъективный принцип действия, и ее должно отличать от *объективного принципа*, а именно, от практического закона. Мак-

and “laws that are not maxims”.

The discussion that ensues has five sections. I begin the second section by revisiting Kant's maxim-law distinction in order to identify their *validity* (as *possible* principles of action) and their *reality* (as *actual* principles of action) as two features on which maxims and laws differ as practical principles. In doing this, I show that most scholars do not recognise validity and reality as two separate criteria on which Kant distinguishes between maxims and laws. With the delineation of these two features of practical principles in mind, I begin the third section by examining which of the two serves as the correct fundamental basis of the classification of practical principles. I show that Onora O'Neill fallaciously assumes this classification as taking place on the bases of both validity and reality of practical principles. Similarly, Lewis Beck misreads the basis of the classification of practical principles as the feature of validity. Following this, in the fourth section, I argue that one can only take Kant's definition of practical principles to mean that their reality is both a necessary and a sufficient feature of practical principles. Taking this into account, in the final section, I provide a revised classification of practical principles on the basis of the extent of their effectiveness in determining the will of the agents to perform actions.

2. Revisiting the Maxim-Law Distinction

Kant infamously crammed his discussion on maxims and laws as brief notes in his works on moral philosophy (GMS, AA 04, p. 401n, p. 420–421n; Kant, 1996b, p. 56n, p. 73n; *KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153; *V-Mo/Mron II*, AA 29, pp. 602–603; Kant, 1997, p. 227). Let us consider one such footnote from his *Groundwork of the Metaphysics of Morals* wherein Kant introduces maxims and laws as follows:

A *maxim* is the subjective principle of acting, and must be distinguished from the *objective* principle, namely the practical law. The former contains the practical rule determined by reason conformably with the conditions of the subject (often his ignorance or also his inclinations), and is therefore the principle in accordance with which the subject *acts*;

сима содержит практическое правило, которое разум устанавливает согласно с условиями субъекта (чаще всего с его неведением или же его склонностями), и, следовательно, является основоположением, согласно которому субъект *действует*; закон же есть объективный принцип, имеющий значение для каждого разумного существа, и является основоположением, по которому такое существо *должно действовать*, то есть императивом (AA 04, S. 420–421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.).

На первый взгляд четкое различие максим и законов в этом фрагменте очевидно. С одной стороны, максимы есть *субъективные* практические принципы, на основании которых люди *действуют*, а с другой — законы есть *объективно значимые* практические принципы, на основании которых человек *должен действовать*. В то время как максимы подвигают отдельных людей к действиям, законы *необходимо* значимы для *всех* разумных существ. Многие комментаторы считают это различие прямолинейным и ясным (Allison, 1990, p. 87; Reath, 2006, p. 89; McCarty, 2009, p. 4; Timmermann, 2007, p. 40; Paton, 1947, p. 60)². Однако внимательное исследование дает основания полагать, что эти комментаторы ошибаются насчет отличительного признака, используемого Кантом. В своих интерпретациях они, как правило, применяют два разных критерия для обоснования различия максим и законов. Я утверждаю, что для Канта значимость и реальность — два разных свойства максим и законов, объясняющие их субъективные и объективные природы соответственно. Они также служат критериями для различия субъективных максим и объективных законов, то есть значимость и реальность — две точки расхождений между максимами и законами. Для того чтобы понять, каким образом эти критерии оказались смешаны, нам предстоит рассмотреть, как именно они различают два типа практических принципов

2.1. Обоснованность как основание для различения максим и законов

Значимость максим и законов относится к сфере их актуальности в качестве практических принципов, то есть к степени их приложимости как принципов поступка к действующим субъектам. В зависимости от значимости максимы и законы разделяются следующим образом:

² Хотя Аллисон и Рит и указывают на неоднозначность терминов «максимы» и «законы», как их использует Кант, они все же не задаются вопросом об основании этого различия, как мы уже отмечали ранее.

but the law is the objective principle valid for every rational being, and the principle in accordance with which he *ought to act*, i.e., an imperative (GMS, AA 04, p. 420-421n; Kant, 1996b, p. 73n).

What is obvious here at first glance is Kant's clear-cut distinction between maxims and laws. On the one hand, maxims are *subjective* practical principles on which an agent *acts*, and on the other, laws are *objectively valid* practical principles on which agents *ought to act*. That is, while maxims *move* individual human agents to perform actions, laws are *necessarily* valid for *all* rational agents. Many commentators of Kant take this point of difference between maxims and laws to be straightforward and clear (Allison, 1990, p. 87; Reath, 2006, p. 89; McCarty, 2009, p. 4; Timmermann, 2007, p. 40; Paton, 1947, p. 60).² However, a careful examination suggests that these commentators have mistaken the basis of Kant's maxim-law distinction. In providing their interpretation, they tend to take two different criteria to found the distinction between maxims and laws. I argue that, for Kant, validity and reality are two different features of maxims and laws that explain their subjective and objective natures respectively. These two features also serve as criteria for distinguishing between subjective maxims and objective laws. That is, validity and reality are two points of differences between maxims and laws. Before understanding how these two criteria have mostly been jumbled up, let us examine how they distinguish the two types of practical principles.

2.1. Validity as the Basis of Maxim-Law Distinction

Validity of maxims and laws refers to the scope of their relevance as practical principles. That is, it refers to the extent of their applicability to agents as principles of action. On the basis of validity, maxims and laws are distinguished as follows:

i. Subjective validity of maxims: Maxims are subjectively valid in the sense that they are applicable to individual human agents. About this, Kant

² Although Allison and Reath point out the ambiguity in the usage of the terms "maxims" and "laws", as mentioned earlier they have not questioned the basis of distinction between maxims and laws.

i. Субъективная значимость максим: максимы субъективно валидны в том смысле, что они применимы к отдельным действующим лицам. Кант пишет, что максима согласуется «с условиями субъекта (чаще всего с его неведением или же его склонностями)» (AA 04, S. 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.). Это значит, что условие максимы, требующее совершения действий для достижения определенных условных целей, значимо только для людей³.

ii. Объективная значимость законов: Кант приписывает законам объективную значимость. Он пишет, что закон «есть объективный принцип, имеющий значение для каждого разумного существа, и является основоположением, по которому такое существо *должно действовать*» (Там же). То есть законы универсально и необходимо применимы к разумным существам. Это значит, что условие закона, требующее исполнения долга, значимо для *всех* без исключения рациональных существ с необходимостью. Поскольку люди представляют собой подмножество разумных существ, объективная значимость законов означает их применимость ко *всем* людям. Интересно, что они значимы для нас как безусловные императивы должного, поскольку в дополнение к разуму люди обладают чувственной природой, требующей удовлетворения ее потребностей⁴. Теперь, так как люди *сущностно* обладают инстинктами, порывами и наклонностями как чувственными потребностями, требующими удовлетворения, законы для нас всегда будут основоположениями, в соответствии с которыми *должно* действовать. Другими словами, с точки зрения од-

³ Кант использует термин «условие» (*Bedingung*) один раз в «Основоположениях» и вновь в «Критике практического разума», когда он рассуждает о максимах и законах как основоположениях действия (AA 04, S. 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.; AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321–323). «Условие» практических основоположений относится к требованиям или ограничениям, задействованным в мотивации воли к действию (Beck, 1960, p. 81). Эти условия, оговоренные в максимах и законах, требуют исполнения посредством совершения действий. Например, требование не садиться за руль в состоянии опьянения есть условие, заключенное в максиме, запрещающей пьяное вождение. Это условие будет удовлетворено, только когда эта максима действительно ведет к тому, что действующее лицо воздерживается от вождения в нетрезвом состоянии.

⁴ Есть разница между тем, как законы необходимо значимы для людей и для чисто разумных существ. Для чисто разумных существ, обладающих только разумом, законы понимаются как внутренняя необходимость, которой всегда будет соответствовать их божественная воля. Поскольку люди обладают чувственной природой, потребности которой делают их субъективными и случайными, законы понимаются и представляются в качестве команд для их несовершенной воли, согласно которым можно действовать. Вот почему Кант пишет, что законы — это то, согласно чему должны действовать люди (AA 04, S. 414; Кант, 1997б, с. 121–125; AA 06, S. 222, 379; Кант, 2014, с. 65–69; Кант, 2018, с. 23).

writes that a maxim conforms “with the conditions of the subject (often his ignorance or also his inclinations)” (*GMS*, AA 04, p. 421n; Kant, 1996b, p. 73n). This means that the condition of a maxim which requires the performance of actions for attaining certain conditional ends are relevant to human agents alone.³

ii. Objective validity of laws: Kant ascribes objective validity to laws. He writes that a law “is the objective principle valid for every rational being, and the principle in accordance with which he *ought to act*” (*GMS*, AA 04, p. 421n; Kant, 1996b, p. 73n). That is, laws are universally and necessarily applicable to rational beings. That means that the condition of a law which requires the performance of a duty is relevant for *all* rational agents *necessarily* without exception. Since human agents are a subset of rational agents, objective validity of laws includes their applicability to *all* human agents. Peculiarly, they are valid for us as unconditional imperatives with an “ought” because, in addition to reason, human agents possess a sensible nature whose needs require satisfaction.⁴ Now, since human agents *essentially* have instincts, impulses and inclinations as sensible needs that require satisfaction, we would *always* have laws only as principles that we *ought* to act on. In other words, from the point of view of validity alone, laws are *always* applicable only with

³ Kant uses the term “condition” (*Bedingung*) once in the *Groundwork* and again in the *Critique of Practical Reason* when he discusses maxims and laws as principles of action (*GMS*, AA 04, p. 421, footnote; Kant, 1996b, p. 73, footnote; *KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). “Condition” of the practical principles refers to the demand or constraint involved in moving the will of the agents to action (Beck, 1960, p. 81). These conditions specified in maxims and laws call for satisfaction via performance of actions. For instance, the demand that one should not drive after drinking alcohol is the condition involved in a maxim that condemns drunk driving. This condition will be satisfied only when this maxim actually leads an agent to abstain from drinking and driving.

⁴ There is a difference in the way the laws are *necessarily* valid for human agents in comparison with purely rational agents. For purely rational agents, who possess only reason, laws are conceived with an inner necessity to which their divine will always conform. Since human agents possess a sensible nature whose needs make them subjective and contingent, laws are conceived and represented as commands for their imperfect will to possibly act on. This is the reason why Kant writes that laws are what human agents *ought to act* on (*GMS*, AA 04, p. 414; Kant, 1996b, p. 67; *MS*, AA 06, p. 222, 379; Kant, 1996c, p. 377).

ной лишь значимости законов они *всегда* применимы только как «должные» для контингентных и субъективных людей⁵. Это значит, что законы никогда не обладают субъективной значимостью, а значит, не обладают ею для отдельных людей. Утверждение о том, что законы релевантны для отдельных людей, отвергает либо объективность законов, либо субъективность людей, но и то, и другое — категорические ошибки⁶.

Следовательно, критерием для четкого разграничения субъективных максим и объективных законов является их значимость, то есть максимы отличаются от законов тем, что первые значимы субъективно, а вторые — объективно. С точки зрения значимости субъективность максим относится к их применимости к отдельным людям, а объективность законов относится к их применимости ко всем разумным существам. В то время как максимы — это практические принципы, на основании которых мы можем действовать, законы — это практические принципы, которые важны для нас только как долженствование. Из-за нашей случайности и субъективности законы *всегда строго* значимы для людей как обязательные, а потому никогда не применимы к отдельным людям. Это делает максимы и законы взаимноисключающими с точки зрения их значимости.

2.2. Реальность как основание для различения максим и законов

Реальность максим и законов как практических основоположений заключается в их эффективно-

⁵ Люди обладают случайностью и субъективностью благодаря своей чувственной природе. Во-первых, поскольку потребности их чувственной природы всегда стремятся к удовольствию, их несовершенная воля не соответствует с *необходимостью* абсолютному благу, к которому стремится разум в практической сфере (AA 04, S. 413; Кант, 1997б, с. 119–121). Во-вторых, хотя все люди в совокупности обладают чувственной природой, *индивидуально* они отличаются в своем патологическом и психологическом строении (AA 04, S. 451; Кант, 1997б, с. 235–237).

⁶ Идея о том, что законы никогда не являются субъективно значимыми, кажется, нарушает хорошо известный принцип Канта «должен, значит можешь». Тем не менее этот принцип не означает, что если человек должен действовать согласно законам, то он, *возможно, способен* сделать это. Скорее, он означает, что если человек должен действовать согласно законам, то он *действительно может* это сделать (A 807 / B 835; Кант, 2006, с. 1013–1015; AA 06, S. 47; Кант, 1994, с. 49–50; AA 06, S. 380; Кант, 2018, с. 23). То есть «можешь» из «должен, значит можешь» означает не действие, которое просто возможно, но действие, которое действительно возможно. Как я покажу ниже, «должен, значит можешь» Канта действует не в рамках «законов», а в рамках «максим, которые являются потенциальными законами», в которых субъективная реальность и объективная значимость объединяются.

an “ought” for the contingent and subjective human agents.⁵ This means that, laws are never subjectively valid and so are never relevant for individual human agents. The claim that laws are relevant for individual human agents discards either objectivity of laws or subjectivity of human agents, both of which are categorical errors.⁶

Therefore, validity is a criterion to sharply distinguish between subjective maxims and objective laws. That is, maxims are different from laws because the former are subjectively valid and the latter are objectively valid. From the viewpoint of validity, subjectivity of maxims refers to their applicability to individual human agents and objectivity of laws refers to their applicability to all rational agents. While maxims are practical principles on which we can possibly act, laws are practical principles that are relevant for us only with an “ought”. Due to our contingency and subjectivity, laws are *always strictly* valid for human agents with an “ought” and so are never applicable for individual human agents. This makes maxims and laws mutually exclusive from the point of view of their validity.

2.2. Reality as the Basis of Maxim-Law Distinction

Reality of maxims and laws refers to their ef-

⁵ Human agents acquire contingency and subjectivity due to their sensible nature. Firstly, since the needs of their sensible nature always seek satisfaction, their imperfect will is not *necessarily* in conformity with the absolute good that reason in the practical realm aims for (GMS, AA 04, p. 413; Kant, 1996b, p. 66). Secondly, although all human agents collectively have a sensible nature, they *individually* differ in the way they are pathologically and psychologically constituted (GMS, AA 04, p. 451; Kant, 1996b, p. 98).

⁶ The idea that laws are never subjectively valid seems to violate Kant’s well-known “ought implies can” principle. However, the principle of “ought implies can” does not mean that if a human agent ought to act on laws, then she *can possibly* do it. Rather, it means that if a human agent ought to act on laws, then she *can actually* do it (KrV, A 807 / B 835; Kant, 1998, p. 678; RGV, AA 06, p. 47; Kant, 1996d, p. 92; MS, AA 06, p. 380; Kant, 1996c, p. 513). That is, the “can” of “ought implies can” refers not to an action that is merely *possible*, but to an action that is possibly *real*. As I will show below, Kant’s “ought implies can” is at work not in “laws”, but in “maxims that are potential laws” wherein subjective reality and objective validity come together.

сти, то есть в степени их действительного применения к действующим лицам как принципов поступка⁷. На основании реальности максимы и законы делятся следующим образом:

1. Субъективная реальность максим: максимы не только субъективно значимы, но и субъективно реальны. Кант пишет, что максима «является принципом, по которому субъект *действует*» (AA 04, S. 421 Anm.; Кант, 1997б, с. 143 сн.). Это означает, что максимы — это основоположения, на основании которых *действительно* действуют отдельные люди, то есть условие максимы *действительно* сподвигает несовершенную волю отдельных людей к совершению действий.

2. Объективная реальность законов: выше мы видели, что, хотя объективная действительность законов включает в себя их значимость для *всех* людей в силу их разума, они всегда значимы для нас как должностное из-за нашей чувственной природы. Объективная реальность законов полностью исключена для людей из-за нашей случайной и субъективной чувственной природы. То есть из-за нашей субъективности и случайности законы никогда не могут *действительно* подвинуть нашу несовершенную волю совершать поступки. Иначе говоря, отдельные люди никогда не могут действовать согласно законам.

Для кого же тогда законы реальны? В дополнение к людям законы также объективно действительны для существ, обладающих лишь разумной природой⁸. Законы понимаются как *необходимо*

⁷ Свойство реальности, которую я приписываю практическим основоположениям Канта (максимам и законам) в этой статье, должна быть истолкована осторожно и с ограничениями. Определяя реальность основоположения как его эффективность в побуждении к действию, я имею в виду лишь ее позитивную роль в совершении действий. То есть, по определению, практические принципы обладают условием, которое определяет волю к действию (см. раздел 4.1). Вопрос о том, *мотивируют* ли сами максимы и законы к действиям, является предметом другого расширенного обсуждения.

⁸ Кант использует термин «чисто разумные существа» только один раз в «Критике практического разума» (AA 05, p. 44; Кант, 1997а, с. 381–383). Поскольку и люди, и чисто разумные существа обладают общей разумной природой, Кант иногда объединяет их в множество «разумные существа» (AA 04, S. 408, 415, 425, 433, 447, 452, 462; Кант, 1997б, с. 103–107, 125–127, 155–159, 181–183, 223–225, 237–241, 269–271; AA 05, S. 43, 67, 82; Кант, 1997а, с. 377–381, 451–453, 495–499; AA 06, S. 453; Кант, 2018, с. 181–183), но иногда и разделяет их (AA 04, S. 389, 428, 442; Кант, 1997б, с. 45–49, 165–167, 209–211; AA 05, S. 12, 21, 32, 130; Кант, 1997а, с. 303–307, 325–327, 353–355, 639–643; AA 06, S. 379; Кант, 2018, с. 23). В этой статье я использую термин «чисто разумные существа» для обозначения существ, обладающих только разумной природой. Используя этот термин, я собираюсь провести различие между действующими разумными существами с чувственной природой (например, людьми) и теми действующими разумными существами, которые ею не обладают (например, чисто разумными существами).

effectiveness as practical principles. That is, it refers to the extent of their actual application to agents as principles of action.⁷ On the basis of reality, maxims and laws are distinguished as follows:

i. Subjective reality of maxims: Maxims are not just subjectively valid, but are also subjectively real. Kant writes that a maxim is a “principle in accordance with which the subject *acts*” (GMS, AA 04, p. 421n; Kant, 1996b, p. 73n). This means that maxims are principles on which individual human agents *actually* act. That is, the condition of a maxim *actually* moves the imperfect will of individual human agents to perform actions.

ii. Objective reality of laws: We saw above that, although objective validity of laws includes their relevance to *all* human agents by virtue of our reason, they are always relevant for us with an “ought” due to our essential sensible nature. Now, objective reality of laws fully excludes human agents due to our contingent and subjective sensible nature. That is, owing to our subjectivity and contingency, laws can never *actually* move our imperfect will to perform actions. In short, individual human agents can never act on laws.

Who, then, are laws real for? In addition to human agents, laws are also objectively valid for purely rational agents.⁸ That is, laws are conceived of as *necessarily* relevant practical principles by *all* purely rational agents who possess only an intelligible na-

⁷ The feature of reality that I have attributed to Kant’s practical principles (maxims and laws) throughout this paper must be construed carefully with limitations. By defining a principle’s feature of reality as its effectiveness in moving agents to action, I am merely referring to its positive role in the performance of actions. That is, by definition, practical principles have a condition which determines an agent’s will to action (see section 4.1). The question whether maxims and laws *motivate* agents to action *by themselves* is a subject matter of another extended discussion altogether.

⁸ Kant uses the term “pure rational beings” only once in his *Critique of Practical Reason* (KpV, AA 05, p. 44; Kant, 1996a, p. 175). Since human agents and purely rational agents share an intelligible nature, Kant sometimes clubs both the species under “rational beings” (GMS, AA 04, p. 408, 415, 425, 433, 447, 452, 462; Kant, 1996b, p. 62, 68, 76, 83, 95, 99, 108; KpV, AA 05, p. 43, 67, 82; Kant, 1996a, pp. 174–175, 194, 206; MS, AA 06, p. 453; Kant, 1996c, p. 572) and sometimes separates the two (GMS, AA 04, p. 389, 428, 442; Kant, 1996b, pp. 44–45, 79, 90; KpV, AA 05, p. 12, 21, 32, 130; Kant, 1996a, p. 146, 155, 165–166, 245; MS, AA 06, p. 379; Kant, 1996c, p. 512). I use this term “pure rational agents” throughout this paper to refer to beings that possess only an intelligible nature. By using this term, I intend to draw a distinction between rational agents who possess a sensible nature (i.e. human agents) and rational agents who lack a sensible nature (i.e. purely rational agents).

значимые практические основоположения *всех* существами, обладающими лишь разумной природой. Из-за отсутствия чувственной природы законы воспринимаются ими с внутренней необходимостью, которая заставляет их божественную или совершенную волю всегда подвигаться этими законами. Об этом Кант пишет, что божественное «воление [чисто разумных существ] уже само по себе необходимо согласуется с законом». Иными словами, божественная воля *всех* чисто разумных существ обязательно соответствует законам (AA 04, S. 414; Кант, 1997б, с. 121–123). Таким образом, они «охотно дела[ют] всё сообразно с законом» (AA 06, S. 405; Кант, 2018, с. 79). Условие закона *действительно* подвигает совершенную волю всех чисто разумных существ к совершению действий.

Следовательно, реальность — еще один критерий, позволяющий четко различать субъективные максимы и объективные законы. Это значит, что максимы отличаются от законов тем, что первые субъективно реальны, а вторые объективно реальны. С точки зрения реальности субъективность максим означает их действительную приложимость только к отдельным людям, а объективность законов предполагает их действительную приложимость ко всем разумным существам. Это также означает, что чисто разумные существа никогда не действуют согласно максимам, а люди никогда не действуют согласно законам. Таким образом, с точки зрения их реальности максимы и законы остаются взаимоисключающими типами практических основоположений.

Это различие между максимам и законами, основанное на значимости и реальности, не является очевидным в первых строках основного текста «Критики практического разума». Хотя Кант и обсуждает максимы и законы, его основная цель в этом отрывке состоит в том, чтобы *классифицировать* практические основоположения на максимы и законы, а не просто *различать* эти два типа. Тем не менее при внимательном взгляде на этот отрывок мы можем заметить встроенное различие между максимам и законами на основании их значимости и реальности. Во-первых, очевидно различие между максимам и законами на основании значимости: Кант противопоставляет максимы, чье «условие рассматривается субъектом как *значимое* только для его воли» (курсив мой. — *V. P.*) (субъективная значимость), законам, в которых условия «признаются объективными, то есть *значимыми* для воли каждого разумного существа» (курсив мой. — *V. P.*) (объективная значимость) (AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321). Во-вторых, различие максим и законов на основании их реальности можно увидеть толь-

ture with reason. Due to the lack of a sensible nature, laws are conceived by them with an inner necessity which makes their divine or perfect will to always be moved by these laws. About this Kant writes that the divine “volition [of purely rational agents] is of itself necessarily in accord with the law.” That is, the divine will of *all* the purely rational agents is *necessarily* in conformity with the laws (GMS, AA 04, p. 414; Kant, 1996b, p. 67). Thus, they would “gladly do everything in conformity with the law” (MS, AA 06, p. 405; Kant, 1996c, p. 533). The condition of a law *actually* moves the perfect will of all the purely rational agents to perform actions.

Therefore, reality is another criterion to sharply distinguish between subjective maxims and objective laws. That is, maxims are different from laws because the former are subjectively real and the latter are objectively real. From the viewpoint of reality, subjectivity of maxims refers to their actual application only to individual human agents and objectivity of laws refers to their actual application to all purely rational agents. This also means, purely rational agents never act on maxims and human agents never act on laws. Thus, from the point of view of their reality, too, the mutual exclusivity of the maxim-law distinction is retained.

This distinction between maxims and laws on the bases of validity and reality is not straightforwardly evident in Kant’s opening lines in the main body of his *Critique of Practical Reason*. Although he discusses maxims and laws, his primary purpose in that passage is to *classify* the practical principles into maxims and laws and not merely to *distinguish* between the two types. Yet, a careful look at the passage could help us notice the tightly embedded maxim-law distinction on the bases of validity and reality. Firstly, what is clearly apparent is the maxim-law distinction on the basis of validity: he contrasts maxims whose “condition is regarded by the subject as *holding* only for his will [my *italics* — V. R.]” (subjective validity) with laws whose “condition is cognized as objective, that is, as *holding* for the will of every rational being [my *italics* — V. R.]” (objective validity) (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). Secondly, the maxim-law distinction on the basis of reality can only be seen in the light of the definition of practical principles that Kant presents above the two lines on maxims and laws. He writes that practical principles essentially “con-

ко в свете определения практических основоположений, которое Кант дает выше тех двух строк, где он говорит о максимах и законах. Он пишет, что практические основоположения суть «содержащие в себе определение воли, которому подчинено много практических правил» (Там же). Фраза «определение воли» относится к мотивации воли к совершению действий. То есть существенной особенностью практических основоположений является их способность обеспечивать совершение добровольных действий⁹. Поскольку максимы и законы являются двумя типами практических основоположений, эта реальность в определении воли к поступку становится существенным свойством для обоих. Учитывая, что максимы — субъективные практические основоположения, а законы — объективные практические основоположения, первые субъективно реальны, а вторые объективно реальны.

Следовательно, значимость и реальность служат критериями для различения основоположений и законов.

Онора О'Нил — единственный исследователь, близко подошедший к такому прочтению различия между максимами и законами Канта. В работе «Действуя согласно основоположениям» (1975) она проводит различие между максимами и законами на основании их значимости и реальности, не говоря об этом прямо. Она понимает максиму вообще как «принцип конкретного рационального агента в определенное время» и идентифицирует «возможные только лишь максимы» (из-за их субъективной значимости) и «только лишь максимы» (из-за их субъективной реальности) как два различных типа практических основоположений. Что еще более важно, она считает законы отличными от максим не только потому, что они «значимы для всех рациональных агентов во все времена» (объективная значимость), но и потому, что они «всегда будут приниматься не любыми, а чисто разумными существами, о которых Кант говорит, что они обладают святой волей» (объективная реальность) (O'Neill, 1975, p. 34, n. 7).

Хотя Роберт Джонсон (Johnson, 1998, p. 357) также приближается к пониманию кантовского различия законов и максим, которое я разработал выше, он дает только неполное его описание. Он признает значимость и реальность как два свойства, определяющие субъективность максим, не называя их таковыми. Он пишет, что максимы «(а) представляют наши мотивы... действительных действий» (курсив мой. — В. Р.) (субъективная реальность) и «(б) представляют

tain a general determination of the will, having under it several practical rules" (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153). The phrase "determination of the will" refers to moving an agent's will towards the performance of actions. That is, the essential feature of practical principles is their capacity to enable the performance of voluntary actions.⁹ Since maxims and laws are the types of practical principles, this feature of reality in determining the agent's will to action is an essential feature common to both of them. Given that maxims are subjective practical principles and laws are objective practical principles, the former are subjectively real and the latter are objectively real.

Therefore, validity and reality serve as criteria for distinguishing between maxims and laws.

Onora O'Neill is the only writer who comes very near to this line of thought concerning Kant's maxim-law distinction. In her *Acting on Principles* (1975), she distinguishes between maxims and laws on the basis of validity and reality without articulating it as such. She understands maxims generally as "the principle of a particular rational agent at a particular time" and identifies "possible mere maxims" (due to their subjective validity) and "mere maxims" (due to their subjective reality) as two different types of practical principles. More importantly, she considers laws as different from maxims not only because they are "valid for all rational agents at all times" (objective validity), but also because they "will not always be adopted by any but wholly rational agents — beings who have what Kant calls a holy will" (objective reality) (O'Neill, 1975, p. 34n7).

Although Robert Johnson (1998, p. 357) also comes close to the understanding of Kant's maxim-law distinction that I have developed above, he presents an incomplete account of it. He recognises validity and reality as two features that define the subjectivity of maxims without naming them as such. He writes that maxims "(a) represent our motivations [...] of *actual* actions [*my italics* — V.R.]" (subjective reality) and "(b) represent our valuations, on which we may fail to act" (subjective validity). Yet, he contrasts these two features of maxims with the objective validity of laws alone, leaving their feature of reality behind. Similarly, Rüdiger Bittner (2001, p. 44) and Talcot Brewer (2002, p. 541)

⁹Для уточнения этой позиции см. раздел 4.1.

⁹See section 4.1. below for the elucidation of this point.

наши оценки, на основании которых мы можем оказаться не способными действовать...» (субъективная значимость). Тем не менее он противопоставляет эти два свойства максим только объективной значимости законов, оставляя их реальность без внимания. Точно так же Рюдигер Биттнер (Bittner, 2001, p. 44) и Талбот Брюэр (Brewer, 2002, p. 541) признают значимость и реальность как два разных свойства максим (не называя их таковыми), но не противопоставляют максимы и законы, используя эти критерии.

Большинство других кантоведов использовали для различения только субъективную реальность максим и объективную значимость законов. Эндрюс Рит (Reath, 2006, p. 89) утверждает, что максимы и законы различны, поскольку максимы «действительно приняты действующим лицом» (субъективная реальность), а законы «значимы для любого разумного существа» (объективная значимость). Точно так же Герберт Патон (Paton, 1947, p. 60) отмечает, что максимы — это основоположения, которые действующее лицо «выбирает, чтобы действовать на их основе» (субъективная реальность), а законы — «основоположения, на основании которых будет действовать любое разумное существо» (объективная значимость). Кроме того, Генри Аллисон (Allison, 1990, p. 87), Ян Моррисон (Morrison, 2005, p. 76), Йенс Тиммерман (Timmermann, 2007, p. 40) и Ричард Маккарти (McCarty, 2009, p. 4) прочитывают эти два отрывка из «Основоположений» так, будто они предполагают, что максимы отличаются от законов тем, что первые — основоположения, на основании которых действуют (субъективная реальность), а вторые — основоположения, на основании которых должно действовать (объективная действительность). Без сомнения, все эти комментаторы правы, когда говорят, что максимы субъективно реальны, а законы объективно значимы. Однако их ошибка заключается в использовании неверного критерия для различения максим и законов¹⁰.

Исключениями из этой тенденции являются Аллен Вуд (Wood, 1999, p. 108) и Нельсон Поттер (Potter, 1994, p. 61–62), которые переворачивают комбинацию критериев для различения максим и законов, используя значимость максим и реальность законов. Согласно Вуду, Кант различает максимы и законы, поскольку первые «обладают только субъективной значимостью», а вторые «универсально обязательны для всех разумных воле» (объективная реальность). Точно так же Поттер пишет, что «максима относит-

acknowledge the validity and reality as two different features of maxims (without naming them as such), and yet do not appropriately contrast maxims with laws using these criteria.

Most of the other scholars of Kant have taken only the subjective reality of maxims and the objective validity of laws to distinguish between the two. Andrews Reath (2006, p. 89) claims that maxims and laws are different because maxims are “actually adopted by an agent” (subjective reality) and laws are “valid for any rational being” (objective validity). Similarly, Herbert Paton (1947, p. 60) notes that maxims are principles that an agent “chooses to act on” (subjective reality) and laws are “principles on which any rational agent would act” (objective validity). In addition, Henry Allison (1990, p. 87), Ian Morrison (2005, p. 76), Jens Timmermann (2007, p. 40) and Richard McCarty (2009, p. 4) read the two passages in Kant’s *Groundwork* as suggesting that maxims are different from laws because the former are principles on which an agent acts (subjective reality) and the latter are principles on which an agent ought to act (objective validity). Without a doubt, all these commentators are correct in saying that maxims are subjectively real and laws are objectively valid. However, their mistake lies in wrongly using this as a base for the maxim-law distinction.¹⁰

Exceptions to this trend are Allen Wood (1999, p. 108) and Nelson Potter (1994, pp. 61–62) who reverse this criteria mix-up by differentiating maxims and laws using validity of maxims and reality of laws. For Wood, Kant distinguishes between maxims and laws because the former “have only subjective validity”, while the latter “are universally binding on all rational wills” (objective reality). Similarly, Potter writes that “maxim holds or is ‘valid’ only for the agent” and contrasts it with laws “which are regarded as binding on all agents” (objective reality). Once again, both Wood and Potter are right in viewing maxims as subjectively valid and laws as objectively real. However, their mistake lies in reading Kant’s maxim-law distinction as founded on these criteria.

In interpreting Kant’s passages, most of these

¹⁰ Роберт Джонсон (Johnson, 1998, p. 354) также признает наличие этого тренда и называет такой подход к разграничению максим и законов «ушербным».

¹⁰ Robert Johnson (1998, p. 354), too, acknowledges this trend and calls this way of distinguishing maxims and laws “flawed”.

ся к или “значима” только для агента», и противопоставляет ее законам, «которые считаются обязательными для всех действующих лиц» (объективная реальность). Еще раз: и Вуд, и Поттер правы, считая максимы субъективно действительными, а законы объективно реальными. Тем не менее их ошибка заключается в использовании неверного критерия для кантовского различения максим и законов.

При интерпретации Канта большинство этих комментаторов используют одно свойство максим и другое свойство законов в качестве критерия для различения между максимами и законами. Такое толкование не только логически ошибочно, но и может даже заставить нас задуматься, не совершил ли Кант ошибку, предложив только кажущееся различие. Причина недоразумения — отсутствие четкого разграничения между значимостью и реальностью практических основоположений, которое может привести к ошибочному мнению, будто объективная значимость законов автоматически подразумевает, в свою очередь, значимость для отдельных людей (то есть субъективную значимость). Это может означать, что некоторые максимы также являются и законами, что размывает границы этих двух понятий. Идентификация значимости и реальности как двух различных свойств максим и законов и использование их в качестве двух различных критериев для различения практических основоположений — единственный способ сохранить проведенное Кантом различие между максимами и законами.

3. Обоснование классификации практических основоположений: две неверные интерпретации

В предыдущем разделе мы увидели, как некоторые исследователи принимают проведенное Кантом различие между основоположениями и законами, не ставя под сомнение его основание. В то же время другие, похоже, воспринимают фрагменты Канта, в которых идет речь о максимах и законах, как указание на исчерпывающую классификацию практических основоположений. Иными словами, некоторые комментаторы утверждают, что Кант не только различает максимы и законы как два разных типа практических основоположений, но также, кажется, принимает максимы и законы как единственные типы практических основоположений (Beck, 1960, p. 80; Silber, 1960, p. 86; Timmermann, 2010, p. 75, n. 3). Если максимы и законы являются единственными типами практических основоположений, то все практические основоположения могут быть исчерпывающе перечислены как попадающие в категорию либо

commentators use one feature of maxims and another feature of laws as a criterion to distinguish between maxims and laws. Such a mistaken reading of Kant’s maxim-law distinction is not only logically faulty, but can even make us wonder if Kant committed the fallacy of distinction without a difference. This is because lack of a careful delineation between validity and reality of practical principles can lead to a mistaken understanding that objective validity of laws automatically implies their relevance to individual human agents (i.e. subjective validity) as well. This could mean that some maxims are also laws, thus blurring the mutual exclusivity of the two concepts. Identification of validity and reality as two different features of maxims and laws and using them as two different criteria to distinguish between them is the only way to keep Kant’s maxim-law distinction intact.

3. Grounding the Classification of Practical Principles: Two Misinterpretations

In the section above we saw how certain scholars assume Kant’s distinction between maxims and laws without casting any doubt on its basis. Now, there are others who seem to take Kant’s passages on maxims and laws as also indicating an exhaustive classification of practical principles. In other words, some commentators claim that Kant not only distinguishes between maxims and laws as two distinct types of practical principles, but also seem to take maxims and laws as the only types of practical principles (Beck, 1960, p. 80; Silber, 1960, p. 86; Timmermann, 2010, p. 75n3). To say that maxims and laws are the only types of practical principles means that all the practical principles can exhaustively be listed as falling either under maxims or under laws. Our new understanding that maxims and laws are two different types of practical principles having the features of validity and reality does not necessarily mean that practical principles are exhaustively divided into maxims and laws. In simple words, mutual exclusivity of maxims and laws does not ensure that they are col-

максим, либо законов. Наше новое понимание того, что максимы и законы — это два различных типа практических основоположений, имеющие свойства значимости и реальности, не требует обязательной полноты деления «максима — закон». Проще говоря, взаимная исключительность максим и законов не гарантирует, что вместе они представляют собой исчерпывающую типологию практических основоположений. И все же повторное рассмотрение кантовского различия максим и законов в предыдущем разделе явно показало, что практические основоположения вообще обладают значимостью и реальностью. В контексте обсуждения их классификации возникает вопрос, какое из двух свойств служит основанием для разделения практических основоположений. Иначе говоря, если практические основоположения вообще обладают значимостью и реальностью, какое из этих двух свойств служит основанием для их классификации?

3.1. Ошибочная классификация О'Нил по двум основаниям

В предыдущем разделе мы увидели, что Онора О'Нил использует значимость и реальность как два критерия для проведения различия между максимами и законами, не идентифицируя их как таковые. Аналогично кантовская классификация практических основоположений формируется для нее на основании одновременно и значимости, и реальности, без явного указания на них (O'Neill, 1975, p. 34, n. 7). Однако такое прочтение может быть проблематичным, поскольку для построения устойчивой классификации практических основоположений должно существовать только одно основание для деления (*fundamentum divisionis*). Если практические основоположения разделяются на основании их значимости и реальности одновременно, то элементы такого деления не будут взаимоисключающими. Это значит, что в некоторых случаях практические принципы одного вида будут пересекаться с принципами другого. Проанализируем эту проблему в случае О'Нил. Как уже упоминалось во введении, О'Нил представляет четырехчленную классификацию практических основоположений, основанных как на их значимости, так и на их реальности. Вот ее виды практических основоположений:

1. «Возможные только лишь максимы»: эти практические основоположения обладают субъективной значимостью, то есть имеют значение для отдельных людей как то, что может быть принято ими.

lectively exhaustive types of practical principles. Yet, revisiting Kant's maxim-law distinction in the previous section has given us a clear hint that practical principles generally have the features of validity and reality. In the context of discussing their classification, it makes us wonder which of the two features serves as a basis for a division of practical principles. In other words, if practical principles generally have validity and reality as two features, which one of the two serves as a foundation of their classification?

3.1. O'Neill's Faulty Classification on Two Bases

In the previous section, we saw Onora O'Neill using validity and reality as two criteria of maxim-law distinction without identifying them as such. Similarly, she sees Kant's classification of practical principles as emerging on the bases of both validity and reality without explicitly stating them as such (O'Neill, 1975, p. 34n7). However, such a reading can be problematic because for a stable classification of practical principles there can be only one basis of division (*fundamentum divisionis*). If practical principles are divided on the basis of both their validity and reality, it leads to a lack of mutual exclusivity among its divisions. This would mean that some cases of one type of practical principles overlaps with another type. Let us analyse this problem in O'Neill's case. As mentioned in the introduction of this paper, O'Neill introduces a four-fold classification of practical principles on the bases of both validity and reality. Her types of practical principles are:

i. "Possible mere maxims": These practical principles have subjective validity. That is, they are relevant for individual human agents as that which can possibly be adopted.

ii. "Mere maxims": These practical principles have subjective reality. That is, they are actually adopted by individual human agents for performing actions.

iii. "Laws that may be maxims": These practical principles have objective validity. That is, they are applicable for all rational agents and *may be* adopted

2. «Только лишь максимы»: эти практические основоположения имеют субъективную реальность, то есть фактически принимаются отдельными людьми для совершения действий.

3. «Законы, которые могут быть максимами»: эти практические основоположения имеют объективную силу, то есть применимы ко всем разумным существам и *могут быть* усвоены отдельными людьми для совершения действий.

4. «Законы, которые никогда не могут быть максимами»: эти практические основоположения обладают объективной реальностью, то есть с необходимостью подвигают всех исключительно разумных существ совершать действия и никогда не могут быть усвоены отдельными людьми.

В этой классификации «возможные только лишь максимы» и «законы, которые могут быть максимами» обладают значимостью, в то время как «только лишь максимы» и «законы, которые никогда не могут быть максимами» обладают реальностью. Другими словами, О'Нил, с одной стороны, использует значимость «возможных только лишь максим» и «законов, которые могут быть максимами», а с другой — использует реальность «только лишь максим» и «законов, которые никогда не могут быть максимами» как основания для их классификации как практических основоположений. Проблема этой классификации заключается в отсутствии взаимоисключительности между всеми типами, поскольку некоторые практические основоположения могут падать под два или более из них. Например, если человек принимает принцип, позволяющий выкуривать сигареты одну за другой, то его можно отнести и к категории «возможной только лишь максимы», и к категории «только лишь максимы». Это связано с тем, что, с одной стороны, этот принцип значим для всех отдельных людей, чья идея хорошей жизни допускает немедленное удовлетворение потребности, а с другой — побуждает отдельного человека курить сигареты одну за другой¹¹. Точно так же, если отдельный человек принимает принцип, который требует, чтобы он не нарушал обещания, его можно отнести и к категории «закон, могущий быть максимами», и к категории «только лишь максима», поскольку, с одной стороны, этот принцип обязательно применим ко всем людям, а с другой — он заставляет отдельного человека выполнять данные им обещания. Следовательно, классифика-

¹¹ Джонсон (Johnson, 1998, p. 356) отмечает отсутствие взаимного исключения между «возможными только лишь максимами» и «только лишь максимами» в классификации О'Нил, указывая на основоположения, которые действующее лицо распознает как применимые, но тем не менее не действует исходя из них.

by individual human agents to perform actions.

iv. “Laws that may never be maxims”: These practical principles have objective reality. That is, they necessarily move all the purely rational agents to perform actions and may never be adopted by individual human agents.

In this classification, “possible mere maxims” and “laws that may be maxims” have validity, while “mere maxims” and “laws that may never be maxims” have reality. In other words, O’Neill, on the one hand, uses validity of “possible mere maxims” and “laws that may be maxims” and, on the other hand, uses reality of “mere maxims” and “laws that may never be maxims” as bases for classifying them as practical principles. The problem with this classification is the lack of mutual exclusivity among the divisions as certain practical principles can fall under two or more of them. For instance, if a human agent adopts a principle that allows the act of smoking cigarettes one after the other, then it can be categorised as both a “possible mere maxim” and a “mere maxim”. This is because, on the one hand, this principle is relevant for all the individual human agents whose idea of a good life allows for immediate pleasure gratification and, on the other, it also moves an individual agent to smoke cigarettes one after the other.¹¹ Similarly, if an individual human agent adopts a principle that requires her not to break promises, then it can be categorised as both a “law that may be a maxim” and a “mere maxim”. This is because, on the one hand, this principle is necessarily relevant for all the human agents and, on the other hand, it moves an individual agent to keep the promises she makes. Hence, a classification of practical principles on both validity and reality is a faulty one. This means, only one of the two features, namely validity or reality can be a distinctive feature on the basis of which a stable

¹¹ Johnson (1998, p. 356) notes this lack of mutual exclusivity between O’Neill’s “possible mere maxims” and “mere maxims” by pointing to principles that an agent recognises as applicable and yet fails to act on.

ция практических основоположений на основании одновременно и значимости, и реальности ошибочна. Это означает, что только одно из этих двух свойств, а именно — значимость или реальность, может быть отличительной чертой, на основании которой должна строиться стабильная классификация практических основоположений.

3.2. Основанная на значимости классификация Бека

В отличие от О'Нил, Льюис Бек считает, что классификация практических основоположений Канта основывается только на значимости. Бек начинает с признания разделения Кантом практических основоположений на максимы и законы на основании их значимости. Он пишет, что все практические основоположения являются либо максимами, либо законами, зависящими от «того, является ли условие значимым только для индивидуума или для каждого разумного существа». Но по мере рассуждения он добавляет «законы, которые также являются максимами», в качестве другого типа практических основоположений классификации и делает ее трихотомией (Beck, 1960, p. 80–82). Его трехчастное разделение практических основоположений выглядит следующим образом:

1. «Только лишь максимы»: эти практические основоположения действительны только для отдельных людей (субъективная значимость).
2. «Законы»: эти практические основоположения действительны для всех рациональных агентов (объективная значимость).
3. «Законы, которые также являются максимами»: эти практические основоположения действительны для всех чисто рациональных агентов и поэтому действительны для отдельных людей (субъективная значимость)¹².

Поскольку Бек выстраивает классификацию на основании одной только значимости, составляющие ее типы практических основоположений являются в совокупности исчерпывающими и взаимо-

¹² Бек (Beck, 1960, p. 82) вводит «законы, которые также являются максимами» как такие, которые представляют собой условие, «присутствующее и действующее во всех [чисто] разумных существах как таковых и, следовательно, значимое для и применимое к» отдельному человеку. Хотя этот тип, кажется, соответствует ссылкам Канта на законы, служащие максимами, думать о таких практических основоположениях, которые объективно реальны и субъективно значимы, абсурдно. Это связано с тем, что объективная реальность практических принципов означает, что они уже эффективны в том, что они обязательно приведут в действие совершенную волю всех чисто рациональных агентов. Это явно означает, что они неприменимы к субъективной и случайной воле отдельных людей, обладающих чувственной природой.

classification of practical principles is to be done.

3.2. Beck's Classification on the Basis of Validity

Unlike O'Neill, Lewis Beck reads Kant's classification of practical principles as resting on the basis of validity alone. Beck begins by acknowledging Kant's classification of practical principles into maxims and laws on the basis of validity. He writes that all the practical principles are either maxims or laws depending on "whether the *condition* is valid for the individual only, or for every rational being." But, as his discussion proceeds, he adds "laws which are also maxims" as another type of practical principles to the classification and makes it a trichotomy (Beck, 1960, pp. 80-82). His tripartite division of practical principles consists of the following:

- i. "Mere maxims": These practical principles are valid for individual human agents alone (subjective validity).
- ii. "Laws": These practical principles are valid for all the rational agents (objective validity).
- iii. "Laws which are also maxims": These practical principles are real for all purely rational agents and so are valid for individual human agents (subjective validity).¹²

Since Beck has made the classification on the basis of validity alone, the types of practical principles that fall under it are collectively exhaustive and mutually exclusive. Let us take the peculiar case of "laws that are also maxims" to examine this. Although "laws that are also maxims" and "mere max-

¹² Beck (1960, p. 82) introduces "laws which are also maxims" as that which represent a condition as "present and effective in all [purely] rational beings as such and therefore as valid for and applicable to" an individual human agent. Although this type seems to correspond to Kant's references to laws serving as maxims, to think of this type of practical principles which are objectively real and subjectively valid is absurd. This is because objective reality of practical principles means that they are already effective in necessarily moving the perfect will of all purely rational agents to action. This clearly means that they are not applicable for the subjective and contingent will of individual human agents with a sensible nature.

исключающими. Возьмем особый случай «законов, которые также являются максимами» и рассмотрим его более внимательно. Хотя «законы, которые также являются максимами» и «только лишь максимы» субъективно значимы, практические основоположения, подпадающие под первый тип, никогда не подпадают под второй, поскольку «законы, которые также являются максимами» уже эффективны для чисто разумных существ, в то время как «только лишь максимы» — нет. Точно так же «законы, которые также являются максимами» строго отличны от «законов», поскольку практические основоположения, относящиеся к первому типу, обладают субъективной значимостью, в то время как принадлежащие к последнему типу обладают значимостью объективной.

У Бека есть веская причина принять значимость в качестве фундаментального основания классификации практических основоположений. Несомненно, значимость является необходимым признаком всех практических основоположений, поскольку для того, чтобы принцип стал практическим основоположением, разумное существо должно считать его имеющим отношение к воле одного или нескольких действующих лиц. Другими словами, принцип не является практическим основоположением, если он не значим, то есть если согласно ему никто не может действовать. Например, катящийся по наклонной плоскости шар не воспринимает принцип инерции как значимый для его действия — просто управляется им. Напротив, разумное существо понимает принцип, что «лгать неправильно», и считает его актуальным для себя (и других), чтобы действовать в соответствии с ним. Это показывает, что значимость практических основоположений крайне важна для того, чтобы разумные действия стали возможными (AA 04, p. 412; Кант, 1997б, с. 115–119). Вот почему мы видим, что некоторые исследователи стремятся использовать значимость как фундаментальное основание классификации практических основоположений.

4. Реальность как фундаментальная основа классификации практических основоположений

Я уверен, что предложенное Беком прочтение кантовской классификации также неверно, поскольку принятие значимости как фундаментального основания классификации практических основоположений несовместимо с тем, что на самом деле думал Кант. Я утверждаю, что вместо значимости уместнее рассматривать в качестве основания

“ims” are subjectively valid, the practical principles that fall under the former type can never fall under the latter type because “laws that are also maxims” are already effective in purely rational agents, while “mere maxims” are not. Similarly, “laws that are also maxims” are exclusively different from “laws” because practical principles belonging to the former type have subjective validity, while the ones belonging to the latter type have objective validity.

There is a good reason why Beck takes the feature of validity as the fundamental basis of classifying practical principles. Undoubtedly, validity is a necessary feature of practical principles. This is because, for a principle to be a practical principle, it should be conceived of by a rational agent as having relevance for the will of one or more agents. In other words, a principle is not a practical principle, if it is not valid as one possibly to be acted on by one or more agents. A rolling ball on a slope, for instance, does not conceive of the principle of inertia as relevant for it to act on. It is simply governed by it. In contrast, a rational agent conceives of a principle, “it is wrong to lie” and finds it relevant for her (and others) to act on. This shows that the validity of practical principles is essential for rational agency to be possible (GMS, AA 04, p. 412; Kant, 1996b, p. 66). This is why, we see some scholars tending towards taking validity as the fundamental basis of classifying practical principles.

4. Reality as the Fundamental Basis of Classification of Practical Principles

I believe that the reading of Kant’s classification of practical principles suggested by Beck is a mistaken one, too. That is, considering the feature of validity as the fundamental basis of the classification of practical principles is incompatible with what Kant actually thought. I argue that instead of validity it is more fitting to consider the feature of reality as the basis (*fundamentum divisionis*) of classifying practical principles. This is because, as we will see below, although validity is a necessary feature of practical principles, Kant thought of reality as both a necessary and a sufficient feature of prac-

(*fundamentum divisionis*) классификации практических основоположений их реальность, поскольку, как мы увидим ниже, хотя значимость и является необходимым признаком практических основоположений, Кант считал именно реальность необходимым и достаточным признаком практических основоположений.

4.1. Реальность как определяющая черта практических основоположений

Давайте обратимся к одному известному фрагменту «Критики практического разума». Кант определяет практические основоположения и классифицирует их следующим образом:

Практические *основоположения* суть положения, содержащие в себе общее определение воли, которому подчинено много практических правил. Они бывают субъективными, или *максимами*, если условие рассматривается субъектом как значимое только для его воли; но они будут объективными, или *практическими, законами*, если они признаются объективными, то есть значимыми для воли каждого разумного существа (AA 05, S. 19; Кант, 1997а, с. 321).

Немецкий термин, используемый Кантом для обозначения практических основоположений в этом фрагменте, *praktische Grundsätze*. Слово *Grundsätze*, которое переводят как «основоположения», буквально означает «обоснование положений» (*der Grund* = основание; *die Sätze* = положения) (Paton, 1947, p. 59)¹³. *Praktische Grundsätze* тогда буквально означают «обоснование практических положений». В другом месте Кант определяет практические положения как представление реальности поступка с точки зрения его воздействия на мир (AA 09, S. 110; AA 20, S. 198–199). Это означает, что практическими основоположениями являются *Grundsätze*, которые представляют и *обосновывают* поступки. Двигаясь дальше, в приведенном выше определении Кант пишет, что практические основоположения, по сути, *определяют*

¹³ В своих работах Кант также использует термин «*das praktische Prinzip*», переводимый как «*практический принцип*». Например, в «Основоположении», в первой сноске, касающейся максим и законов, Кант использует «*das praktische Prinzip*», а не «*der praktische Grundsatz*» (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.). Кант часто использует эти термины как взаимозаменяемые и в «Основоположении», и во второй «Критике». Бек (Beck, 1960, p. 78, п. 6) замечает это и критикует Канта за «использование неточных технических терминов». Однако в «Логике Йеше» Кант заявляет, что *Grundsätze* суть то же, что и *Prinzipien* (AA 09, S. 110). Как мы можем увидеть, Кант не считал эти термины очень различными.

tical principles.

4.1. Reality as the Defining Feature of Practical Principles

Let us consider Kant's well-known opening lines in the main body of his *Critique of Practical Reason*. He defines practical principle and classifies it as follows:

Practical *principles* are propositions that contain a general determination of the will, having under it several practical rules. They are subjective, or *maxims*, when the condition is regarded by the subject as holding only for his will; but they are objective, or practical *laws*, when the condition is cognized as objective, that is, as holding for the will of every rational being (*KpV*, AA 05, p. 19; Kant, 1996a, p. 153).

In this passage, he uses the German term “*praktische Grundsätze*” to refer to practical principles. The term “*Grundsätze*”, which refers to “principles”, literally means “grounding propositions” (*der Grund* = ground; *die Sätze* = propositions) (Paton, 1947, p. 59).¹³ “*Praktische Grundsätze*” then literally mean “grounding practical propositions”. Elsewhere, Kant defines practical propositions as representing the reality of an action in terms of its effect in the world (*Log*, AA 09, p. 110; Kant, 1992, p. 606; *EEKU*, AA 20, pp. 198-199; Kant, 2000, p. 06). This means that practical principles are *Grundsätze* which represent and *ground* actions. Moving further, in the definition above Kant writes that practical principles essentially *determine the will* of the agents using rules under

¹³ Kant also uses the term “*das praktische Prinzip*” for what is translated as “the practical principle” in his works. For instance, in the first footnote on maxims and laws in his *Groundwork*, Kant uses “*das praktische Prinzip*” and not “*der praktische Grundsatz*” to refer to “the practical principle” (*GMS*, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n). There are many such instances of Kant using the two terms interchangeably in his *Groundwork* and *Critique of Practical Reason*. Beck (1960, p. 78n6) notes this and criticises Kant for “being technical without being precise”. However, in *Jäsche Logic*, Kant claims that *Grundsätze* are indeed *Prinzipien* (*Log*, AA 09, p. 110; Kant, 1992, p. 606). This shows that Kant did not think of the two terms as very different.

волю действующих лиц, используя правила. Для него «воля» — это способность, тесно связанная с совершением поступков¹⁴. Это означает, что «определение (*Bestimmung*) воли» относится к движению воли к совершению действий (Beck, 1960, p. 78)¹⁵. Коротко говоря, определение воли действующего лица является предвестником реальности поступков. Это показывает, что определение воли и возможность совершения добровольных поступков являются определяющими чертами практических основоположений. Эта существенная особенность есть то же самое, что и реальность, которую мы обсуждали ранее в отношении максим и законов. Таким образом, сущность практических основоположений заключается в том, что они *действительно* позволяют совершать поступки.

После приведенного выше определения практических основоположений Кант добавляет еще две строки о законах и максимах, которые нельзя читать в отрыве от определения практических основоположений. Бек становится жертвой именно такого, ошибочного, способа интерпретации. Проводимая Бекем классификация практических основоположений на основании того, является ли их условие «значимым только для отдельного человека или для каждого разумного существа» (курсив мой. — В. Р.) (Beck, 1960, p. 80), есть результат чтения этих двух строк без внимания к определению практических основоположений. Напротив, правильное прочтение, учитывающее определение практических основоположений, выглядит следующим образом: практические основоположения — это суждения, существенно определяющие совершение поступков путем определения воли действующих лиц. Максимы и законы — два типа практических основоположений. Условия максимы выполняются

¹⁴ В «Основоположении» Кант определяет волю как способность, позволяющую разумным существам действовать по принципам (AA 04, S. 412; Кант, 1997б, с. 117). Кроме того, в третьей «Критике» Кант называет волю способностью желания (AA 05, S. 172; Кант, 2001, с. 81), которую он считает связанной с совершением поступков (AA 25, S. 577; AA 25, S. 1335).

¹⁵ *Общее* определение воли относится к мотивации действующих лиц для совершения определенных поступков *вообще*. Это означает, что практические основоположения представляют и обосновывают не конкретные поступки как таковые, а другие практические предложения, служащие правилами, которые представляют и обосновывают эти конкретные поступки. Другими словами, практические основоположения служат основанием для поступков опосредованно через другие практические предложения, служащие правилами (Paton, 1947, p. 59). Например, «Не нарушайте правила дорожного движения» — это практический принцип, который содержит практическое предложение «Не превышайте скорость», побуждающее действующее лицо двигаться с оптимальной скоростью, чтобы уменьшить вероятность дорожно-транспортных происшествий.

them. For him, “will” is a faculty closely connected with the performance of actions.¹⁴ This means that “determination (*Bestimmung*) of the will” refers to moving an agent’s will towards performing actions (Beck, 1960, p. 78).¹⁵ In short, determination of an agent’s will is a precursor to the reality of her actions. This shows that determining the will and enabling the performance of voluntary actions is the defining feature of practical principles. This essential feature is no different from the feature of reality that we discussed earlier with respect to maxims and laws. Thus, their reality in *actually* enabling agents to perform actions is the essence of practical principles.

In the passage above, Kant follows his definition of practical principles with two lines on maxims and laws. These lines should not be read independently of Kant’s definition of practical principles above them. Beck’s reading falls prey to such a misinterpretation. Beck’s classification of practical principles on the basis of whether their condition “is *valid* for the individual only, or for every rational being [my *italics* — V. R.]” (Beck, 1960, p. 80) is a result of reading the two lines without taking Kant’s definition of practical principles into account. Instead, the correct reading of the two lines on maxims and laws in the light of the definition of practical principles goes as follows: Practical principles are propositions that essentially found the performance of actions by determining the will of the agents. Maxims and laws are

¹⁴ In his *Groundwork*, Kant defines volition or will as a conative faculty that enables rational agents to act in accordance with principles (GMS, AA 04, p. 412; Kant, 1996b, p. 66). Also, in his *Critique of the Power of Judgement*, Kant calls volition or will a faculty of desire (KU, AA 05, p. 172; Kant, 2000, p. 59), a faculty he believes to be closely associated with the performance of actions (*V-Anth/Fried*, AA 25, p. 577; Kant, 2012, p. 131; *V-Anth/Mron*, AA 25, p. 1335; Kant, 2012, p. 440).

¹⁵ A *general* determination of the will refers to moving agents to perform certain actions *in general*. This means that practical principles represent and ground, not specific actions directly, but other practical propositions as rules that represent and ground these specific actions. In other words, practical principles serve as a foundation for actions mediately through other practical propositions which serve as their rules (Paton, 1947, p. 59). For example, “Do not break traffic rules” is a practical principle that contains under it a practical proposition, “Do not exceed the speed limit” that moves an agent’s will to drive at an optimum speed to reduce the possibility of road accidents.

только отдельными людьми, когда она определяет их волю как субъективный практический принцип. Условие закона выполняется только всеми (чисто) разумными существами, когда он определяет их волю как объективный практический принцип. Это показывает, что Кант делит практические основоположения на максимы и законы, основываясь на их эффективности в позволении агентам совершать поступки (то есть на реальности), а не на их значимости в качестве практических основоположений (то есть на значимости). Таким образом, максимы являются субъективными основоположениями поступка прежде всего потому, что определяют волю отдельных людей, а законы являются объективными основоположениями поступка прежде всего потому, что определяют волю всех чисто разумных существ. Иначе говоря, Кант связывает практические основоположения с их способностью подвигать действующее лицо совершать поступки.

4.2. Реальность как достаточное свойство практических основоположений

Обсуждая интерпретацию Беком классификации практических основоположений в предыдущем разделе, мы видели, что значимость необходима для того, чтобы принцип превратился в практический принцип. Следовательно, если принцип не рассматривается разумным существом как применимый для совершения поступков, он не может быть практическим. Точно так же в кратком анализе кантовского определения практических основоположений мы поняли, что реальность тоже представляет собой существенное свойство практических основоположений. Значит, если принцип в действительности не определяет волю, он не может быть практическим. Таким образом, и действительность, и реальность являются необходимыми чертами практических основоположений. Теперь я утверждаю, что, хотя значимость и является необходимым свойством практических основоположений, именно реальность будет тем достаточным и необходимым свойством для того, чтобы принцип был практическим. Есть две причины придерживаться этого мнения:

1. Реальность практических основоположений влечет за собой их значимость, поскольку сфера применимости практического основоположения логически связана с его практической эффективностью. Если максима подвигает отдельного человека к тому, чтобы совершить поступок, то это означает, что она была изначально субъективно значима как потенциальная максима. Аналогично, если закон побуждает всех чисто рациональных существ

two types of practical principles. The condition of maxims holds only for individual agents *when they determine their will as subjective practical principles*. The condition of laws holds only for all (purely) rational agents *when they determine their will as objective practical principles*. This shows that Kant divides practical principles into maxims and laws based on their effectiveness in enabling agents to perform actions (i.e. reality) and not on the scope of their relevance as practical principles (i.e. validity). That is, maxims are subjective principles of action primarily because they determine the will of individual agents and laws are objective principles of action primarily because they determine the will of all purely rational agents. In short, Kant essentially ties up practical principles with their capacity to move agents to perform actions.

4.2. Reality as a Sufficient Feature of Practical Principles

When discussing Beck's reading of the classification in the previous section, we saw that validity is necessary for a principle to be a practical principle. That is, unless a principle is conceived of by a rational agent as applicable to one or more agents for performing actions, it cannot be a practical principle. Similarly, with the brief analysis of Kant's definition of practical principles above, we have understood that reality too is an essential feature of practical principles. That is, unless a principle actually determines the will of one or more agents, it cannot be a practical principle. Thus, both validity and reality are necessary features of practical principles. Now, I argue that although validity is a necessary feature of a practical principle, it is the feature of reality that is both *necessary and sufficient* for a principle to be a practical principle. There are two reasons for holding this view:

- i. Reality of practical principles entails their validity. That is, the scope of a practical principle in terms of its applicability is logically entailed in its effectiveness in practice. If a maxim moves an individual human agent to perform actions, it means that it was subjectively valid as a potential maxim for her in the first place. Similarly, if

совершать поступки, это означает, что он был объективно значимым как потенциальный закон для них в первую очередь. Таким образом, если практический принцип действительно определил волю, то он мог сделать это изначально.

2. Значимость практических основоположений не гарантирует их реальности. Даже если принцип рассматривается как применимый для действующего лица для принятия и действия согласно ему, он может быть неприменимым на практике. Поскольку применение на практике является существенным свойством практического основоположения, *возможный* практический принцип *действительно* становится таковым, только если он определяет волю к поступку. Например, даже если действующее лицо считает потенциальную максимум значимой для своей воли, он может как принять ее и применить на практике, так и не принять и не применить. Тот факт, что принцип считается значимым для того, чтобы на его основании было возможно действовать, не гарантирует, что он подвигнет совершать поступки.

Взятые вместе, эти два момента приводят нас к пониманию, что для того, чтобы принцип можно было квалифицировать как практическое основоположение, хотя ему и необходимо обладать определенной областью значимости, одного этого недостаточно. Именно его свойство определять волю к поступку по-настоящему делает его практическим основоположением. Таким образом, реальность является как необходимым, так и достаточным свойством практических основоположений.

Если реальность является достаточным свойством практических основоположений, то устойчивая классификация практических основоположений должна строиться именно на этом основании.

5. Классификация практических основоположений на основании реальности

В первом разделе я утверждал, что максимы и законы — это два разных типа практических основоположений, основанных на критериях значимости и реальности. Во втором разделе я начал с замечания, что кантовское различие максим и законов как двух типов практических основоположений не означает, что они являются исчерпывающими единственно существующими типами практических основоположений. В предыдущем разделе я утверждал, что, хотя значимость и реальность являются необходимыми свойствами практических основоположений, их реальность, то есть их эффек-

a law moves all purely rational agents to perform actions, it means that it was objectively valid as a potential law for them in the first place. Thus, if a practical principle actually determines the will of agents, it means that it was possible for it to do so in the first place.

ii. Validity of practical principles does not guarantee their reality. That is, even if a principle is conceived of as applicable for agents to adopt and act on, it may not be put to practice. Since its application in practice is the essential feature of a practical principle, a *possible* practical principle *actually* becomes one only if it determines the will to action. For instance, even if an agent conceives of a potential maxim as holding valid for her will, she may or may not adopt it and put it into practice. Thus, the fact that a principle is conceived of as relevant for agents possibly to act on does not ensure that it will move them to perform actions.

Taken together, these two points lead us to an understanding that for a principle to qualify as a practical principle, although it is necessary for it to have a scope of relevance for agents, this feature is not sufficient. It is its feature of determining the will of agents to action that adequately makes it a practical principle. Thus, reality is both a necessary and a sufficient feature of practical principles.

If reality is the sufficient feature of practical principles, then a stable classification of them must occur on its basis.

5. Classification of Practical Principles on the Basis of Reality

In the first section I argued that maxims and laws are two distinct types of practical principles on the bases of the criteria of validity and reality. In the second section I began by noting that Kant's distinction of maxims and laws as two types of practical principles does not mean that they are exhaustively the only types of practical principles. In the previous section I argued that although validity and reality are necessary features of practical principles, their reality, i.e. their effectiveness in determining the will of the agents, is their sufficient feature. If this is so, the right classification of practical princi-

тивность в определении воли, есть также и достаточное свойство. Если это так, правильная классификация практических основоположений должна основываться на их реальности. Такая классификация практических основоположений будет исчерпывающей только в том случае, если она будет учитывать все возможные способы, которые придадут им значимость и реальность. Другими словами, совокупно исчерпывающая классификация практических основоположений может состояться только тогда, когда тщательно изучены степень их применимости и эффективности. В дальнейшем я покажу, что на основании реальности практические основоположения можно разделить на три типа, каждый из которых показывает различные комбинации проявления их значимости и реальности как основоположений поступка. Трихотомия практических основоположений выглядит следующим образом¹⁶:

1. «Максимы, которые не являются потенциальными законами», или просто «максимы».

«Максимы, которые не являются потенциальными законами» — это практические основоположения, которые субъективно реальны и субъективно значимы. Иначе говоря, практические основоположения, принадлежащие к этому типу, значимы и эффективны при определении воли отдельных людей. Это множество практических основоположений ничем не отличается от кантовского понятия «максимы», рассмотренного в первом разделе. Поскольку они не являются потенциальными законами (то есть не имеют объективной значимости), эти практические основоположения не могут пройти кантовский тест на универсализируемость. Следовательно, совершенные на основании этих максим действия не имеют моральной ценности. Иными словами, «максимы, которые не являются потенциальными законами» не могут удовлетворить категорический императив Канта, который требует, чтобы практические основоположения, лежащие в основе действий, могли также быть всеобщими законами. Следовательно, с моральной точки зрения

¹⁶ Эти практические основоположения названы с использованием терминов «максимы» и «законы», потому что Кант рассуждает только о максимах и законах как двух типах практических основоположений. Тем не менее он говорит, что категорический императив требует действий согласно определенным максимам, которые в то же время могут быть законами (AA 04, S. 402, 421; Кант, 1997б, с. 83–85, 143–145), и считает, что некоторые законы субъективно служат в качестве максим (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.). Следовательно, можно усмотреть здесь намек Канта на третий тип практических основоположений, в котором используются «максимы» и «законы», но не уточняется, какие именно особенности максим и какие особенности законов объединяются.

ples should be based on their feature of reality. Such a classification of practical principles will be exhaustive only if it takes into account all the possible ways in which they can be valid and real to agents. In other words, a collectively exhaustive classification of practical principles can happen only when the extent to which they are applicable and effective are thoroughly explored. In what follows I show that, on the basis of the feature of reality, practical principles can be classified into three types each showing different ways in which they are valid and real for agents as principles of action. The trichotomy of practical principles is as follows¹⁶:

i. “Maxims that are not potential laws” or just “maxims”

“Maxims that are not potential laws” are practical principles which are subjectively real and subjectively valid. In other words, practical principles belonging to this type are relevant and effective in determining the will of individual human agents. That is to say, this set of practical principles is no different from Kant’s notion of “maxims” that we saw in the first section. Since they are not potential laws (i.e. lack objective validity), these practical principles cannot pass Kant’s universalisability test. Hence, actions that follow them are sure to lack moral worth. Put it in another way, “maxims that are not potential laws” are not eligible to satisfy Kant’s categorical imperative that demands practical principles underlying actions also to be willed as laws. Hence, from a moral standpoint, one ought not to adopt “maxims that are not potential laws” to perform actions.¹⁷

¹⁶ These practical principles are named using the terms “maxims” and “laws” because Kant discusses only maxims and laws as two types of practical principles. Yet, he identifies the categorical imperative as demanding actions on certain maxims which are at the same time willed as laws (GMS, AA 04, p. 402, 421; Kant, 1996b, p. 57, 73) and understands certain laws to subjectively serve as maxims (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n). Hence, one can take him to hint at a third type of practical principles using “maxims” and “laws” without specifying which feature of maxims and which feature of laws are brought together.

¹⁷ The condition of “maxims that are not potential laws” requires individual human agents to perform actions that are good for the sake something (i.e. conditionally good). Given our essential sensible nature, they specifically aim for happiness which arises on the condition that our impulses, instincts and inclinations are satisfied. Hence, “maxims that are not potential laws” can also be called “maxims of self-love” (*KpV*,

не следует принимать «максимы, которые не являются потенциальными законами», для совершения поступков¹⁷.

2. «Максимумы, которые являются потенциальными законами».

«Максимумы, которые являются потенциальными законами» — это практические основоположения, которые субъективно реальны и объективно значимы. Другими словами, практические основоположения, принадлежащие к этому типу, обязательно значимы для всех разумных существ, но эффективны только при детерминировании воли отдельных людей. Как и для «законов», необходимая приложимость «максимумов, которые являются потенциальными законами» ко всем разумным существам включает как чисто разумных существ, так и человека. Однако, в отличие от «законов», эти практические основоположения не принимаются для совершения действий чисто разумными существами, а принимаются только отдельными людьми. Другими словами, «максимумы, которые являются потенциальными законами» обязательно относятся ко всем людям и подвигают волю отдельных людей к совершению поступков.

Здесь нужно заметить, каким образом они объективно значимы и субъективно эффективны. Ранее, в первом разделе, я утверждал, что значимость «законов» для всех людей с «долженствованием» не означает, что они субъективно значимы для отдельных людей в силу нашей неотъемлемой чувственной природы. То есть если «законы» считаются субъективно значимыми, то это опровергает либо субъективную и случайную природу людей, либо необходимую и универсальную природу «законов». Однако это не означает, что отдельные люди никогда не могут действовать на основании объективно значимых практических основоположений. Это означало бы, что мы детерминированы действовать только исходя из субъективно значимых «максимумов, которые являются потенциальными законами» ради удовлетворения нашей чувственной природы. Утверждать, что наша воля никогда не может быть определена объективно значимыми практическими основоположениями разума, равносильно утверждению

¹⁷ Условие «максимумов, которые не являются потенциальными законами» требует, чтобы отдельные люди совершали поступки, хорошие для чего-то (то есть условно хорошие). Учитывая нашу чувственную природу, они намеренно направляют нас к счастью, которое возникает при условии, что наши импульсы, инстинкты и склонности удовлетворены. Следовательно, «максимумы, которые не являются потенциальными законами» также можно назвать «максимумами любви к себе» (AA 05, S. 36; Кант, 1997а, с. 361 — 363).

ii. “Maxims that are potential laws”

“Maxims that are potential laws” are practical principles which are subjectively real and objectively valid. In other words, practical principles belonging to this type are necessarily relevant to all rational agents, but are effective only in determining the will of individual human agents. Like the “laws”, the necessary applicability of “maxims that are potential laws” to all rational agents includes both purely rational agents and human agents. However, unlike the “laws”, these practical principles are not adopted by purely rational agents, but only by individual human agents for performing actions. In other words, “maxims that are potential laws” are *necessarily* relevant to *all* human agents and move the will of individual human agents towards performing actions.

An additional note on how they are objectively relevant and subjectively effective is required here. Earlier, in the first section, I argued that validity of “laws” for all human agents with an “ought” does not mean that they are relevant subjectively for individual human agents by virtue of our *essential* sensible nature. That is, if “laws” are considered subjectively valid, that would refute either the subjective and contingent nature of human agents or the necessary and universal nature of “laws”. However, this does not mean that individual human agents can never act on objectively valid practical principles. To say that would mean we are determined to act only on subjectively valid “maxims that are not potential laws” in order to satisfy the needs of our sensible nature. In other words, to claim that our will can never be determined by objectively valid practical principles of reason is the same as arguing that human agents lack an autonomous will (GMS, AA 04, p. 440; Kant, 1996b, p. 89). Hence, despite our essential sensible nature, individual human agents can *choose* to act on “maxims that are potential laws” conceived of by their reason as relevant for them universally and necessarily. Such a stance restores Kant’s formula of “ought implies can”. That is, “maxims that are potential laws” are applicable to all human agents with an “ought” and apply to individual human agents with a “can”. Moreover, I believe that

AA 05, p. 36; Kant, 1996a, p. 169).

дению, что люди не обладают автономной волей (AA 04, S. 440; Кант, 1997б, с. 203–205). Следовательно, несмотря на нашу неотъемлемую чувственную природу, отдельный человек может *делать выбор* в пользу поступков согласно «максимам, которые являются потенциальными законами», которые (то есть указанные максимы. — *Примеч. пер.*) его разум считает значимыми для него универсальным и необходимым образом. Такая позиция восстанавливает формулу Канта «должен, значит можешь», то есть «максимы, которые являются потенциальными законами», применимы ко всем людям как «должные» и применяются к отдельному человеку как «возможные». Более того, я считаю, что неоднократные ссылки Канта на условие «всеобщей значимости максимы как закона» (AA 04, S. 438, 449, 458, 461–462; Кант, 1997б, с. 197–199, 229–231, 257–261, 265–271; AA 05, S. 45; Кант, 1997а, с. 383–387) и на законы, которые «служат субъективно» в качестве максим (то есть законы, которые являются «максимами *quoad subjectum*») (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.; AA 27, S. 495; A 812 / B 840; Кант, 2006, с. 1019–1021), относятся к «максимам, которые являются потенциальными законами», принимаемыми отдельными людьми¹⁸. Еще один момент, который следует отметить, состоит в том, что даже если *каждый* отдельный человек будет совершать поступки, руководствуясь «максимами, которые являются потенциальными законами», эти максимы все равно не станут объективно реальными, поскольку в таком случае, будучи субъективно реальными практическими основоположениями, они определяют волю всех людей случайно и индивидуально. То есть, во-первых, даже если все люди движимы «максимами, которые являются потенциальными законами», они никогда не смогут быть движимыми ими *с необходимостью*. Иными словами, из-за своей естественной подверженности влиянию чувственной природы (AA 05, S. 74; Кант, 1997а, с. 471–473) люди могут прекратить действовать на основании этих практических основоположений в любой момент времени. Во-вторых, когда «максимы, которые являются потенциальными законами», эффективны для всех людей, они обладают только эмпирической или сравнительной

¹⁸ Кант ссылается на людей, когда пишет, что законы субъективно служат максимами «всем разумным существам», если разум имеет «полную власть над способностью желания» (AA 04, S. 401 Anm.; Кант, 1997б, с. 81 сн.). Наша несовершенная воля не полностью контролируется разумом, поскольку она также всегда частично зависит от потребностей нашей чувственной природы. Тем не менее если разум отдельных людей полностью контролирует их желания, то объективные законы субъективно служат «максимами, которые являются потенциальными законами».

Kant's repeated references to the condition of "universal validity of a maxim as a law" (GMS, AA 04, p. 438, 449, 458, 461-462; Kant, 1996b, p. 87, 97, 104, 107; KpV, AA 05, p. 45; Kant, 1996a, p. 176) and to laws that "serve subjectively" as maxims (i.e. a law that is a "maxim *quoad subjectum*") (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n; V-MS/Vigil, AA 27, p. 495; Kant, 1997, p. 263; KrV, A 812 / B 840; Kant, 1998, p. 681) pertain to "maxims that are potential laws" which are adopted by individual human agents.¹⁸ Another point to be noted is, even if *all* individual human agents are moved to perform actions on "maxims that are potential laws", they are still not objectively real. This is because, in such a case, as subjectively real practical principles, they determine the will of all human agents contingently and individually. That is, firstly, even if all human agents are moved by "maxims that are potential laws", they can never be *necessarily* moved by them. In other words, due to their natural tendency to be influenced by their sensible nature (KpV, AA 05, p. 74; Kant, 1996a, p. 200), individual human agents can stop acting on these practical principles at any point in time. Secondly, when "maxims that are potential laws" are effective in all the human agents, they only have empirical or comparative universality (and not strict universality). This means that, in such a case, their universal application can only be inductively inferred from their extensive application to all human agents individually. Thus, "maxims that are potential laws" can never be objectively real "laws" even if all human agents adopt them as principles of action.

Given that they have objective validity and subjective reality, "maxims that are potential laws" pass Kant's universalisability test, and so actions that follow from them have moral worth. This means that Kant's categorical imperative demands individual human agents to adopt "maxims that are

¹⁸ Kant refers to human agents when he writes that laws serve subjectively as maxims "for all the rational beings if reason had complete control over the faculty of desire" (GMS, AA 04, p. 401n; Kant, 1996b, p. 56n). Our imperfect will is not fully under the control of reason because it is also always partially influenced by the needs of our sensible nature. Yet, *if* the reason of individual human agents fully controls their desires, then objective laws serve subjectively as "maxims that are potential laws".

универсальностью (но не универсальностью в строгом смысле). Это значит, что в подобном случае их универсальное применение может быть выведено только индуктивно из их применения к каждому отдельному человеку. Таким образом, «максимы, которые являются потенциальными законами» никогда не могут быть объективно реальными «законами», даже если все люди принимают их как основания своих поступков.

Учитывая, что они имеют объективную значимость и субъективную реальность, «максимы, которые являются потенциальными законами» проходят кантовский тест на универсализируемость, и поэтому основанные на них действия имеют моральную ценность. Это означает, что категорический императив Канта требует, чтобы отдельные люди принимали «максимы, которые являются потенциальными законами» в качестве практических основоположений для совершения моральных действий. То есть требование категорического императива действовать согласно максимам, которые могут быть законами, — требование действовать согласно «максимам, которые являются потенциальными законами» (AA 04, S. 402, 421; Кант, 1997б, с. 85–87, 143–145)¹⁹. Это также указывает на мысль о том, что единственный способ объединить всех людей с другими разумными существами под властью общих законов — совершать поступки, основанные на «максимах, которые также являются законами». То есть, чтобы объединить все разумные существа в царство общих законов, все отдельные люди должны принять «максимы, которые являются потенциальными законами» (AA 04, S. 433–434; Кант, 1997б, с. 181–187). Таким образом, кантовское царство целей возможно только тогда, когда каждый отдельный человек действует согласно «максимам, которые являются потенциальными законами».

3. «Законы, которые не являются максимами», или просто «законь».

«Законы, которые не являются максимами» — это практические основоположения, которые объективно реальны и объективно значимы. То есть эти практические основоположения необходимо эффективны только для чисто разумных существ, хотя они и значимы для всех разумных существ. Таким образом, это множество практических основоположений ничем не отличается от кантовского понятия «законь», рассмотренного в первом разделе.

¹⁹ «Максимы, которые являются потенциальными законами» позволяют отдельным людям совершать моральные поступки (то есть безусловно хорошие). По этой причине «максимы, которые являются потенциальными законами» также можно назвать «моральными максимами».

potential laws” as practical principles to perform moral actions. That is, the demand of the categorical imperative to act on maxims that are willed as laws is the demand to act on “maxims that are potential laws” (GMS, AA 04, p. 402, 421; Kant, 1996b, p. 57, 73).¹⁹ This also points us to the idea that the only way to bring all human agents together with other rational agents under common laws is by performing actions on “maxims that are also laws”. That is, to unite every rational being as belonging to a kingdom with common laws, all the individual human agents must adopt “maxims that are potential laws” (GMS, AA 04, p. 433–434; Kant, 1996b, p. 83). Thus, Kant’s kingdom of ends is possible only when all the individual human agents act on “maxims that are potential laws”.

iii. “Laws that are not maxims” or just “laws”

“Laws that are not maxims” are practical principles which are both objectively real and objectively valid. That is, these practical principles are necessarily effective only in all purely rational agents, although they are relevant to all rational agents. That is to say, this set of practical principles is no different from Kant’s notion of “laws” as we saw in the first section. The strictly universal and necessary character of “laws that are not maxims” gives them an unconditional moral worth. Hence, the will of purely rational agents that is always determined by these practical principles is a perfectly good will.

Since this trichotomy was a product of classifying practical principles on their necessary and sufficient feature of reality, the three divisions are collectively exhaustive and mutually exclusive types. For instance, a practical principle that determines an agent’s will to increase his wealth by any safe means, even if it requires stealing, falls only under “maxims that are not potential laws” (*KpV*, AA 05, p. 27; Kant, 1996a, p. 161). This is because, firstly, this practical principle is relevant for and moves the will of individual human agents whose idea of the good life revolves around their conception of happiness alone, even if the means for it is not morally worthy (subjective validity and sub-

¹⁹ “Maxims that are potential laws” enable individual human agents to perform moral duties (i.e. unconditionally good). For this reason, “maxims that are potential laws” can also be called “moral maxims”.

Строго универсальный и необходимый характер «законов, которые не являются максимами» придает им безусловную моральную ценность. Следовательно, воля чисто разумных существ, которая всегда определяется этими практическими основоположениями, является совершенно доброй волей.

Поскольку эта трихотомия была продуктом классификации практических основоположений на основании их достаточного и необходимого признака, то есть реальности, эти три типа являются совокупно исчерпывающими и взаимоисключающими. Например, практическое основоположение, которое определяет желание разумного существа увеличить свое богатство любым безопасным способом, даже если это требует кражи, подпадает только под «максимы, которые не являются потенциальными законами» (AA 05, S. 27; Кант, 1997а, с. 339–341). Это связано с тем, что, во-первых, это практическое основоположение значимо для воли и движет волей только отдельных людей, чье понимание хорошей жизни строится вокруг одного лишь понятия счастья, даже если средства для его достижения не обладают моральным достоинством (субъективная значимость и субъективная реальность). Во-вторых, это практическое основоположение неприменимо ко всем разумным существам (то есть не является объективно значимым), поскольку универсализация этого основоположения сделает невозможным понятие частной собственности, что повлечет за собой логическое противоречие. Таким образом, практическое основоположение, позволяющее воровать, не может не быть «максимой, которая не является потенциальным законом». Точно так же практическое основоположение, *предписывающее* не лгать, может быть только «максимой, которая является потенциальным законом». Это связано с тем, что, во-первых, он универсально значим для всех людей в силу их разумности, но может быть принят только отдельными людьми, чье представление о благе соответствует безусловно моральному благу чистого практического разума (объективная значимость и субъективная реальность). Во-вторых, и что наиболее важно, из-за своей императивной формы это практическое основоположение со словом «должен» не может быть применимо для чисто разумных существ, чья божественная или совершенная воля не зависит от каких-либо потребностей, кроме безусловного блага разума (AA 04, S. 414; Кант, 1997б, с. 121–125). Тем не менее «закон, который не является максимой», имеющий идентичное содержание («не лгать») без императивной формы, всегда применим и движет божественной волей во всех чисто разумных существах.

jective reality). Secondly, this practical principle is not applicable for all rational agents (i.e. not objectively valid) because universalising this principle would make the concept of private property impossible, thus leading to a logical contradiction. Thus, a practical principle that allows agents to steal cannot but fall under “maxims that are not potential laws”. Similarly, a practical principle that *commands* agents not to lie falls only under “maxims that are potential laws”. This is because, firstly, it is universally relevant for all human agents by virtue of their rationality and can be adopted only by individual human agents whose idea of good conforms to the unconditional moral good of pure practical reason (objective validity and subjective reality). Secondly, and most importantly, due to its imperative form, this practical principle with an “ought” is not applicable to purely rational agents whose divine or perfect will is not influenced by any needs other than the unconditional good of reason (GMS, AA 04, p. 414; Kant, 1996b, p. 67). Nevertheless, a “law that is not a maxim” which has an identical content (of not lying) without an imperative form is always applicable and moves the divine will in all purely rational agents.

6. Conclusion

If Kant had written a separate book illustrating his theory of action in detail, it would have surely shed sufficient light on the classification of practical principles. Unfortunately, he never wrote such a book. Instead, he restricted his discussions of practical principles to condensed accounts on maxims and laws, mostly as preparatory notes, in his works on moral philosophy. I believe that Kant’s elaborate moral theory presupposes a stable classification of practical principles on a sound basis. My aim in this paper was to draw out this classification from hints provided by him in his brief discussions of practical principles, maxims and laws. Contrary to what is generally assumed in the secondary literature, I have argued that Kant thought of practical principles as having two essential features: validity (i.e. the scope of their relevance to agents) and re-

6. Заключение

Если бы Кант написал отдельную книгу, подробно описывающую его теорию действия, это, несомненно, пролило бы свет на классификацию практических основоположений в достаточной мере, но, к сожалению, он никогда не писал такой книги. Вместо этого он ограничил свои рассуждения о практических основоположениях краткими описаниями максим и законов в своих этических произведениях, в основном в качестве подготовительных замечаний. Я считаю, что разработанная Кантом моральная теория предполагает наличие устойчивой классификации практических основоположений, построенной на прочном основании. Цель этой статьи состояла в том, чтобы выявить эту классификацию из подсказок, представленных в его кратких рассуждениях о практических основоположениях, максимах и законах. Вопреки тому, что обычно принимается в исследовательской литературе, я показал, что Кант рассматривал практические основоположения как имеющие два существенных признака: значимость (то есть степень их значимости) и реальность (то есть степень их эффективности в мотивации к поступку). Критикуя подход таких авторов, как О'Нил и Бек, я утверждаю, что, хотя наличие значимости и необходимо для того, чтобы основоположение стало практическим, именно критерий *реальности* определения воли одного или нескольких разумных существ будет достаточным и необходимым признаком практического основоположения. Таким образом, реальность становится прочным основанием для построения классификации практических основоположений. Я утверждаю также, что классификация практических основоположений на основании их эффективности в мотивации к поступку приводит к совокупно исчерпывающей и взаимоисключающей трихотомии, а именно: «максимы, которые не являются потенциальными законами», «максимы, которые являются потенциальными законами» и «законы, которые не являются максимами». Я считаю, что классификация практических основоположений Канта, представленная в этой статье, служит отправной точкой для понимания кантовской теории действия. Мы можем продолжить эту работу, исследуя то, как именно действующие лица принимают те или иные практические основоположения и действуют исходя из них в практических контекстах.

ality (i.e. the scope of their effectiveness in moving agents to actions). Criticising the approach of writers like O'Neill and Beck, I have argued that while the extent of their validity is necessary for a principle to be a practical principle, it is the criterion of *reality* in determining the will of one or more agents that sufficiently makes a principle a practical principle. This makes the feature of reality a sound basis of classifying practical principles. I have argued that classifying practical principles on the basis of their effectiveness in moving agents to perform actions results in a collectively exhaustive and mutually exclusive trichotomy, namely, "maxims that are not potential laws", "maxims that are potential laws" and "laws that are not maxims". I believe that Kant's classification of practical principles, as it has emerged in this paper, serves as a starting point to understand Kant's theory of action. Further work could be done on how agents adopt and act on these three types of practical principles in relevant practical contexts.

Acknowledgements. I am grateful to the anonymous reviewer of the Kantian Journal for providing useful comments on the first draft of this paper. I am also thankful to Dr. Apaar Kumar and Ms. Srajana Kaikini for their feedback on the earlier drafts of this paper.

References

- Albrecht, M., 2009. Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics. In: K. Ameriks and O. Höffe, eds. 2009. *Kant's Moral and Legal Philosophy*. Translated by N. Walker. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 134-155.
- Allison, H. E., 1990. *Kant's Theory of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Atwell, J. E., 1986. *Ends and Principles in Kant's Moral Thought*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers.
- Beck, L. W., 1960. *A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bittner, R., 2001. *Doing Things for Reasons*. Oxford: Oxford University Press.
- Brewer, T., 2002. Maxims and Virtues. *The Philosophical Review*, 111(4), pp. 539-572.
- Bubner, R., 2000. Another Look at Maxims. In: P. Cicovacki, ed. 2000. *Kant's Legacy: Essays in Honor of Lewis White Beck*. Rochester: University of Rochester Press, pp. 245-260.
- Johnson, R. N., 1998. Weakness Incorporated. *History of*

Благодарности. Я выражаю признательность анонимному рецензенту «Кантовского сборника» за полезные комментарии к первой версии этой статьи. Я также благодарен д-ру Анаару Кумару и мисс Сраджане Кайкини за их отзывы на более ранние версии этой статьи.

Список литературы

Кант И. Религия в пределах только разума // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 5–222.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 39–276.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 67–833.

Кант И. Критика чистого разума. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. Т. 5, ч. 2.

Albrecht M. Kant's Justification of the Role of Maxims in Ethics // Kant's Moral and Legal Philosophy / ed. by K. Ameriks, O. Höffe, transl. by N. Walker. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 134–155.

Allison H.E. Kant's Theory of Freedom. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.

Atwell J.E. Ends and Principles in Kant's Moral Thought. Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1986.

Beck L.W. A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason. Chicago : The University of Chicago Press, 1960.

Bittner R. Doing Things for Reasons. Oxford : Oxford University Press, 2001.

Brewer T. Maxims and Virtues // The Philosophical Review. 2002. Vol. 111, № 4. P. 539–572.

Bubner R. Another Look at Maxims // Kant's Legacy: Essays in Honor of Lewis White Beck / ed. by P. Cicovacki. Rochester : University of Rochester Press, 2000. P. 245–260.

Johnson R.N. Weakness Incorporated // History of Philosophy Quarterly. 1998. Vol. 15, № 3. P. 349–367.

McCarty R. Kant's Theory of Action. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Morrison I. On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of the Will // History of Philosophy Quarterly. 2005. Vol. 22, № 1. P. 73–89.

O'Neill O. Acting of Principle: An Essay on Kantian Ethics. Columbia : Columbia University Press, 1975.

Paton H.J. The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy. L. : Hutchinson's University Library, 1947.

Potter N. Maxims in Kant's Moral Philosophy // Philosophia. 1994. Vol. 23. P. 59–90.

Reath A. Agency and Autonomy in Kant's Moral Theory: Selected Essays. Oxford : Clarendon Press, 2006.

Philosophy Quarterly, 15(3), pp. 349-367.

Kant, I., 1992. Jäsche Logic. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated & edited by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 517-640.

Kant, I., 1996a. Critique of Practical Reason. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated & edited by M.J. Gregor, General Introduction by A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 133-272.

Kant, I., 1996b. Groundwork of Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated & edited by M. J. Gregor, General Introduction by A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-108.

Kant, I., 1996c. The Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated & edited by M.J. Gregor, General Introduction by A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 353-604.

Kant, I., 1996d. Religion within the Boundaries of Mere Reason. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated by G. Giovanni, edited by A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 36-216.

Kant, I., 1997. *Lectures on Ethics*. Translated & edited by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated & edited by P. Guyer and A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgement*. Translated & edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated & edited by A.W. Wood & R.B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press.

McCarty, R., 2009. *Kant's Theory of Action*. Oxford: Oxford University Press.

Morrison, I., 2005. On Kantian Maxims: A Reconciliation of the Incorporation Thesis and Weakness of the Will. *History of Philosophy Quarterly*, 22(1), pp. 73-89.

O'Neill, O., 1975. *Acting of Principle: An Essay on Kantian Ethics*. Columbia: Columbia University Press.

Paton, H.J., 1947. *The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy*. London: Hutchinson's University Library.

Potter, N., 1994. Maxims in Kant's Moral Philosophy. *Philosophia*, 23(1-4), pp. 59-90.

Reath, A., 2006. *Agency and Autonomy in Kant's Moral Theory: Selected Essays*. Oxford: Clarendon Press.

Silber, J.R., 1960. The Copernican Revolution in Ethics: The Good Reexamined. *Kant-Studien*, 51, pp. 85-101.

Timmermann, J., 2000. Kant's Puzzling Ethics of Maxims. *The Harvard Review of Philosophy*, 8(1), pp. 39-52.

Timmermann, J., 2007. *Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A Commentary*. Cambridge: Cambridge

Silber J.R. The Copernican Revolution in Ethics: The Good Reexamined // *Kant-Studien*. 1960. Vol. 51. P. 85–101.

Timmermann J. Kant's Puzzling Ethics of Maxims // *The Harvard Review of Philosophy*. 2000. Vol. 8, № 1. P. 39–52.

Timmermann J. Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A Commentary. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Timmermann J. Reversal or Retreat? Kant's Deductions of Freedom and Morality // *Kant's Critique of Practical Reason: A Critical Guide* / ed. by A. Reath and J. Timmermann. N.Y. : Cambridge University Press, 2010. P. 73–89.

Wood A. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

Об авторе

Вивек Кумар Радхакришнан, аспирант-исследователь, Манипалский центр гуманитарных наук, Манипалская академия высшего образования, Индия.

E-mail: vivek.logos@gmail.com

О переводчике

Александр Сергеевич Киселев, студент бакалавриата направления «Философия», академический ассистент Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ALSKiselev@stud.kantiana.ru

Для цитирования:

Радхакришнан В. К. Пересмотр динамики максим и законов в свете кантовской теории действия // *Кантовский сборник*. 2019. Т. 38, № 2. С. 45–72. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-3

University Press.

Timmermann, J., 2010. Reversal or Retreat? Kant's Deductions of Freedom and Morality. In: A. Reath and J. Timmermann, eds. 2010. *Kant's Critique of Practical Reason: A Critical Guide*. New York: Cambridge University Press, pp. 73-89.

Wood, A., 1999. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

The author

Vivek Kumar Radhakrishnan, PhD research scholar, Manipal Centre for Humanities, Manipal Academy of Higher Education (MAHE), India.

Email: vivek.logos@gmail.com

To cite this article:

Radhakrishnan, V.K., 2019. Revisiting the Maxim-Law Dynamic in the Light of Kant's Theory of Action. *Kantian Journal*, 38(2), pp. 45-72. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-3>

ОБ ОГНЕ.
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

И. Кант

Перевод с латинского, предисловие и комментарии
С. В. Лугового¹

Текст первой кантовской диссертации переведен с латинского языка по академическому изданию собрания сочинений Канта: Kant I. *Meditationum quarundam de igne succincta delineatio...* // *Kants Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. 1. Abhandlung: Werke. Berlin : Georg Reimer, 1910. Band I : *Vorkritische Schriften I*, 1747–1756. S. 369–384. Издание размещено на сайте: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/aa01/> (дата обращения: 10.03.2019). Пагинация и иллюстрации даны по тому же изданию, номера страниц приводятся в тексте в квадратных скобках перед началом соответствующей страницы. Постраничные примечания, если это указано, составлены с использованием комментариев Льюиса Уайта Бека, переводчика этой диссертации на английский язык, по изданию: Kant I. *Natural Science* / ed. by E. Watkins, trans. by L.W. Beck, J.B. Edwards, O. Reinhardt, M. Schönfeld and E. Watkins. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 713–714.

Для переводчика было важно следовать ходу мысли Канта и по возможности сохранять его стилистику, в том числе и повторяющиеся слова. Естественнаучная терминология приводится максимально близко к тексту диссертации, поэтому вместо термина «газ», не употреблявшегося Кантом, используется калькирующее словосочетание «эластичная жидкость», отсылающее к неприжившемуся термину «упругая жидкость», предложенному М. В. Ломоносовым. По этой же причине в переводе используется калька «момент» вместо более распространенного «движущая сила», однако для сохранения единообразия *gradus* всегда переводится как «степень». Все дополнения переводчика к кантовскому тексту заключены в квадратные скобки. В тех случаях, когда значение слова переводится формулировкой, сильно измененной из-за влияния контекста, рядом с ней в круглых скобках приводится латинский оригинал с сохранением грамматической формы, употребляемой Кантом.

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию 23.03.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-4

© Луговой С. В., 2019.

ON FIRE.
DISSERTATION FOR THE MASTER'S DEGREE

I. Kant

Translation from the Latin into Russian,
Preface and Notes by S. V. Lugovoy¹

The text of Kant's first dissertation is a translation from Latin from an academic publication of a collection of Kant's works: Kant, I. *Meditationum quarundam de igne succincta delineatio...* In: *Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften*, ed., 1910. *Kants Gesammelte Schriften*. 1. Abhandlung: Werke. Band I: *Vorkritische Schriften I*, 1747–1756. Berlin: Georg Reimer, 1910, pp. 369–384. The publication is available at <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/aa01/> [Accessed 10 March 2019]. Pagination and illustrations are from the same publication, the page numbers are in square brackets at the beginning of the page. Page footnotes, if indicated, draw on the commentaries of Lewis White Beck, the translator of the dissertation into English from the following edition: Kant, I., 2012. *Natural Science*, edited by E. Watkins, translated by L.W. Beck, J. B. Edwards, O. Reinhardt, M. Schönfeld and E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 713–714.

It was important for the translator to follow the course of Kant's thought and as far as possible preserve his style, including recurring words. Natural science terminology keeps as close as possible to the dissertation text, so instead of the term "gas", which Kant does not use, the translator resorts to a loan-translation "elastic liquid," harking back to the Russian term *упругая жидкость* (elastic liquid) which was proposed by Mikhail V. Lomonosov but did not catch on. For the same reason the translator uses the loan translation "moment" instead of the more common "motive force". "Gradus", however, is always translated as "degree" for the sake of uniformity. All the translator's additions to the Kantian text are within square brackets. When the meaning of a word is translated in a form that departs from the original meaning due to context the Latin original is attached within round brackets in the grammatical form used by Kant. To facilitate understanding, long compound

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236016.

Received: 23.03.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-4

© Lugovoy S. V., 2019.

Для удобства восприятия длинные сложноподчиненные предложения кантовского текста иногда разбиваются на несколько простых. Структура текста и форматирование титульной страницы оставлены без изменений.

Автор перевода выражает огромную благодарность А. Н. Круглову и С. Н. Ещенко за ценные советы, замечания, помощь и поддержку при подготовке этой публикации.

[AA 01, S. 369]

**КРАТКИЙ ОЧЕРК НЕКОТОРЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ
ОБ ОГНЕ,**

КОТОРЫЙ В КАЧЕСТВЕ ПРОБНОЙ РАБОТЫ
ВЫСОЧАЙШЕМУ ФИЛОСОФСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ,

ДАБЫ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНО
БЫТЬ ДОПУЩЕННЫМ К ЭКЗАМЕНУ,
НИЖАЙШЕ ПРЕПОДНОСИТ

ИММАНУИЛ КАНТ,

КАНДИДАТ ФИЛОСОФИИ ИЗ КЁНИГСБЕРГА ПРУССКОГО
КЁНИГСБЕРГ, 27 АПРЕЛЯ 1755 ГОДА

[AA 01, S. 371]

СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ

У меня нет намерения изложить на немногих страницах предмет, который предоставляет обширнейший материал для большого сочинения. Краткие размышления, которые я здесь будто в беспорядке выношу на благожелательный экзамен Высочайшего Философского Факультета, суть лишь первые черты теории, которые, если позволит свободное время, предоставят мне основание для более пространного трактата. Повсюду я тщательно принял меры предосторожности, чтобы, как случается, не потворствовать гипотетическому и самовольному разуму беспрепятственно доказывать, [и] последовал, насколько мог усерднейше, нити опыта и геометрии, без которой едва ли находится выход из тайников природы. Итак, поскольку сила огня преимущественно обнаруживается в разрежении тел и разрушении их [внутренней] связи, чтобы продвигаться методически и планомерно, я счел, что будет излишним немного предварительно поразмышлять о сцеплении материи и природе жидких [тел].

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

О природе твердых и жидких тел

ПОЛОЖЕНИЕ I

Текучесть тел не может быть объяснена на основании деления материи на мельчайшие гладкие и слабо сцепленные части, как полагает большая часть физиков в соответствии с учением Декарта.

sentences of the Kantian text are sometimes broken up into several simple sentences. The structure of the text and title page format have been preserved.

The translator would like to express sincere gratitude to Alexei N. Krouglov and Soyatopolk N. Yeschenko for their valuable advice, remarks and help and support in preparing this publication.

[AA 01, p. 369]

**MEDITATIONUM QUARUNDAM
DE IGNE**

SUCCINCTA DELINEATIO,

QUAM SPECIMINIS CAUSA
AMPLISSIMAE FACULTATI PHILOSOPHICAE,
UT EXAMINI BENEVOLE ADMITTATUR,
HUMILLIME OFFERT

**IMMANUEL KANT, REG. BOR.
SCIENTIARUM PHIL. CULTOR.**

REGIOMONTI DIE 17 APRILIS ANNO 1755.

[AA 01, p. 371]

INSTITUTI RATIO

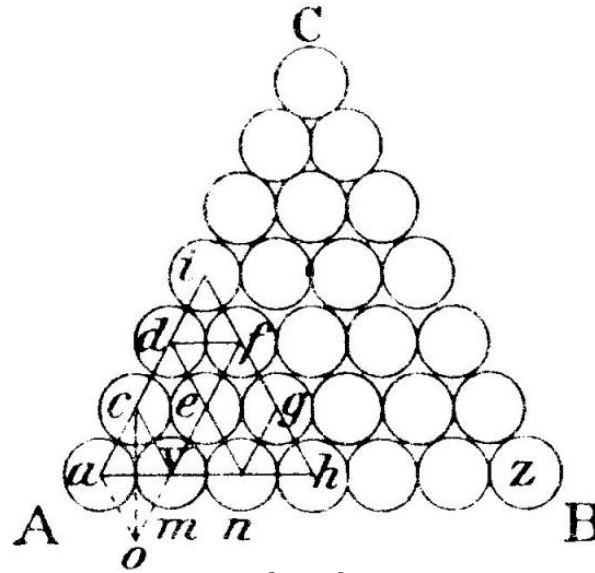
Non mihi hic animus est, rem, quae amplissimam prolixo volumini materiam largitur, paucis pagellis absolvere. Quas hic concisas benevolo Amplissimae Facultatis Philosophicae examini veluti per saturam offero meditationes, non sunt nisi veluti primae lineae theoriae, quae, si per otium licuerit, uberius tractationis mihi segetem subministrabunt. Ubivis sollerter cavi, ne hypotheticae et arbitrariae demonstrandi rationi liberius, ut fit, indulgerem, experientiae atque geometriae filum, sine quo e naturae recessibus vix reperitur exitus, quantum potui diligentissime secutus. Quoniam itaque ignis vis in rarefaciendis corporibus et ipsorum nexu solvendo potissimum exseritur, ut via et ratione incederem, non putavi alienum fore, pauca de materiae cohaesione et natura fluidorum antea disserere.

SECTIO I.

De corporum durorum et fluidorum natura.

PROP. I.

Fluiditas corporum non ex divisione materiae in partes tenuissimas glabras et lenissime cohaerentes explicari potest, sicuti physicorum pars maxima ex Cartesii sententia arbitratur.

[Рис. 1]

Треугольник ABC [рис. 1] представляет [собой] разрез конического агрегата мельчайших шарообразных частичек. Я утверждаю, что этот агрегат при указанных условиях не будет ровно образовывать свою поверхность, как с необходимостью присуще жидким [телам]. Ведь частицы c, e, g, d, f, i , опирающиеся на размещенные ниже [частицы] a, m, n, h (каждая из них, сжатая другими, покоится²), не изменят [своего] положения, пока не толкнут расположенные ниже [частицы] вправо и влево. Но сила va , с которой верхняя частица, давящая [своей] тяжестью, толкает частицу a вправо³, по [правилу] сложения сил будет только половиной [силы] тяжести, co , и так по всему [AA 01, S. 372] скоплению. Очевидно, что, если крайним корпускулам a и z противодействует какая-то сила, агрегат [частичек] будет принимать на плоскости не горизонтальное, а коническое положение, как, например, мельчайший песок в песочных часах или любая другая материя, истолченная в мельчайший порошок.

ПОЛОЖЕНИЕ II

Нагромождение сколь угодно тончайших и слабо сцепленных частиц также не удовлетворяет закону статики — развить по направлению к стенкам

² Л. У. Бек справедливо замечает, что в данном случае Кант неверно интерпретирует картезианские идеи (Kant, 2012, p. 713). В «Первоначалах философии» Рене Декарт прямо утверждает, что «тело, разделенное на множество различно и обособленно движущихся мелких частиц, жидко» (курсив мой. — С. Л.) (II, prop. LIV) (Des-Cartes, 1644, p. 62; Декарт, 1989, с. 378).

³ Если смотреть со стороны читателя, то влево.

Repraesentet triangulum ABC sectionem cumuli particularum minutissimarum globosarum conici; dico, hunc cumulum superficiem suam allegatis sub condicionibus ad libellam non compositurum esse, quemadmodum in fluidis accidere necesse est. Etenim cum particulae c, e, g, d, f, i infra positae a, m, n, h incumbentes, quaelibet inter harum amplexus quiescat,² neque situ deturbentur, nisi quatenus inferiores dextrorsum et sinistrorsum loco pellunt, vis autem va , qua particula desuper gravitate premens dextrorsum pellit particulam a , ex compositione virium sit tantum dimidia gravitatis co , et sic per totam [AA 01, p. 372] coacervationem: patet, cumulum in plano, si corpusculis extremis, a et z , tantummodo vis quaedam obsistat, non horizontalem, sed figuram conicam obtenturum esse, quemadmodum sabulum tenuissimum in horologiis arenariis aut alia quaevis materia in pollinem tenuissimum contrita.

PROP. II.

Acervatio particularum quantumvis subtilissimarum et levissime cohaerentium tamen stati-

² L. W. Beck rightly notices: “It is incorrect to attribute this teaching to Descartes” (Kant, 2012, p. 713n4). In *Principia philosophiae*, II, prop. LIV, Descartes states that “bodies which are divided into very small parts which are agitated by a diversity of {independent} movements [my italics — S. L.], are fluid” (Descartes, 1989, p. 70; cf. Des-Cartes, 1644, p. 63).

[сосуда] давление, [прямо] пропорциональное высоте [столба жидкости]. Следовательно, [у этого нагромождения] отсутствует главное свойство жидкости, если только [частицы] не сдавливают друг друга какой-то находящейся между ними эластичной материей, с помощью которой [они] могут более равномерно повсюду сообщать момент своего веса.

Так как, конечно, из предыдущего положения становится ясно, что скопившиеся частицы, непосредственно давящие друг на друга, не развивают по направлению к стенкам [сосуда] давление, [прямо] пропорциональное высоте [столба жидкости], необходимо, чтобы между элементарными частицами жидких [тел] находилась какая-то отличная [от них] материя, посредством которой [они] могли бы повсюду более равномерно распределять момент своего веса. Но так как обычно материя называется эластичной, когда она где-нибудь сдавлена и стремится с той же силой расширить себя в другую сторону, необходимо, чтобы твердые молекулы жидких [тел] прилегали не непосредственно друг к другу, но к какой-то эластичной материи, присоединенной к ним, с помощью которой все, что давит сверху, будет действовать по направлению к стенкам [сосуда] тем же количеством сил.

Вскоре будет доказано, что эта эластичная материя, находящаяся между элементами жидкого тела, есть не что иное, как материя тепла.

ПОЛОЖЕНИЕ III

Твердые тела, так же как и жидкие, складываются из молекул, связанных [друг с другом] не непосредственным соприкосновением, но [посредством] эластичной материи, так же находящейся между [ними].

Жидкие тела, как показано выше, связываются какой-то находящейся в них эластичной материей. Тогда, когда металлы и другие тела такого рода отвердевают из жидкостей, [они] всегда, соответственно уменьшившейся степени тепла, теснее и теснее заполняют объем, и соответственно все [их] размеры уменьшаются. Таким образом, их элементам не хватило бы пространства, чтобы постоянно придвигаться ближе друг к другу, следовательно, [они] уплотнились не при непосредственном соприкосновении. Очевидно, что частью массы твердых тел является и какая-то присоединенная материя, посредством которой твердые молекулы, хотя и отодвинутые от взаимного контакта, все же друг друга притягивают, или, если [ты, читатель] предпочитаешь, связываются. Таким образом, в этом отношении [твердые тела] сходны с жидкими.

cae legi non satisfacit, pressionem versus latera altitudini proportionalem exercendo, adeoque caractere fluiditatis principali caret, nisi semet mediante materia quadam elastica premant, cuius ope momentum ponderis sui quaquaversum aequabiliter possint communicare.

Cum enim ex antecedenti propositione patecat, coacervatas particulas immediate se prementes non exercere latera versus pressionem altitudini proportionalem, alia quaedam materia fluidi elementares partes intercedat necesse est, qua mediante ponderis momentum quaquaversum dispertire possint aequabiliter. At cum talis materia, quae alicubi pressa aliorum semet eadem vi expandere nititur, elastica communiter audiat: necesse est, ut moleculae fluidorum solidae non sibi immediate, sed materiae cuidam elasticae ipsis intermistae incumbant, cuius ope, quicquid desuper premit virium, versus latera eadem quantitate agat.

Probandum mox erit, hanc, corporis fluidi elementa intercedentem, materiam elasticam non esse aliud nisi materiam caloris.

PROP. III.

Corpora dura haud secus quam fluida moleculis continentur non immediato contactu, sed materia elastica pariter mediante cohaerentibus.

Corpora fluida, ut supra demonstratum est, mediante elastica quadam materia cohaerent. Ast cum, quae e fluidis induruerunt metalla, aliaque id genus corpora semper pro gradu caloris diminuto artius atque artius volumen occupent et secundum omnes dimensiones condensentur, adeoque elementis ipsorum non deficiat spatium semper sibi propius accedendi, hinc non immediato contactu compacta sint: patet, etiam moles corporum durorum materiam quandam intra partes suas intermistam continere, qua mediante moleculae solidae, quanquam a contactu mutuo remotae, tamen se invicem attrahant, aut, si MAVIS, cohaereant, adeoque hac ratione cum fluidis convenire.

[AA 01, S. 373]

ПОЛОЖЕНИЕ IV

Явления в твердых телах следует объяснять с помощью уже упомянутой материи; когда эта [материя] находится между сколь угодно отодвинутыми от соприкосновения элементами тела, они все же притягивают друг друга.

Твердые тела, особенно [те], которые, как металлы, стекло и другие, затвердели из жидкостей, обладают отличительным и достойнейшим наблюдением [свойством] немного растягиваться подвешенным весом без разрыва. Таким образом, [они] поддаются [воздействию] этого веса при наитеснейшей сплоченности [составляющих их] частичек. [Такие тела] могут выдержать этот [вес], только если эти [частички] немного отодвинулись друг от друга, и при наибольшей степени растяжения [эти тела] также будут способны выдерживать наибольший вес. Я утверждаю, что это явление действительно не может быть объяснено на основании непосредственно сцепляющихся [друг с другом] твердых частичек. Пусть металлическая проволока состоит из частичек, соединенных соответственно схеме 1 [рис. 2], или [из частичек,] расположенных соответственно на рисунке 2 [рис. 3] (не допуская, насколько это возможно, пустых промежутков [между ними]), или даже из параллелепипедов, соприкасающихся поверхностями так, как на рисунке 3 [рис. 4], чтобы при подвешенном весе [эти параллелепипеды] через небольшие пространства a , o , i , e и так далее отодвигались бы от соприкосновения [друг с другом], но сцеплялись бы прочими поверхностями. Но немедленно становится ясно, что если бы был подвешен вес, то такая металлическая проволока, пожалуй, растянулась бы в длину столь мало, что [ее] частицы на рисунке 1 (конечно, не держащиеся друг за друга сильнее), немедленно были бы оторваны [друг от друга]. Притом, если бы [ты, читатель,] потребовал, чтобы размещенные с краю [проволоки] частицы a , b , c , d , когда произошло [ее] растяжение в длину, перешли вовнутрь [нее] и воспрепятствовали разрыву, то [эта проволока] со значительно уменьшенной таким образом толщиной могла бы намного меньше сопротивляться весу, которого раньше не выдержала. Конечно, на рисунке 3 [рис. 4] частицы, которые касались друг друга всеми своими поверхностями, [теперь], когда соприкасаются лишь какой-то частью, без сомнения, будут полностью разделены [подвешенным] весом. Таким образом, во всех обозначенных случаях проволока не растянулась бы и только лишь сразу разорвалась. Так как это противоречит опыту, очевидно, что элементы твердых тел не непосредственно соприкасаются, но, конечно, притягивают друг друга на определенном расстоянии посредством какой-то находящейся между [ними] материи.

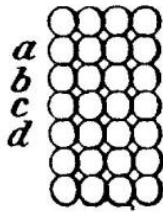
[AA 01, p. 373]

PROP. IV.

Ope materiae iam dictae, qua mediante corporis elementa, quantumvis a contactu mutuo remota, tamen invicem se attrahunt, explicare phaenomena corporum durorum.

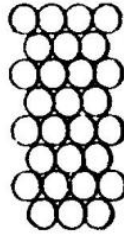
Corpora dura, praesertim quae ex fluidis induruerunt, ut metalla, vitrum, cet. hoc habent peculiare et notatu dignissimum, quod appenso pondere aliquantulum extendantur absque rupture, adeoque, cui in proxima partium adunatione concedunt ponderi, id, ubi hae aliquantulum a se invicem dimotae sunt, ferre possint, et in maximo extensionis gradu maximo etiam ponderi ferendo apta sint. Hoc vero phaenomenon contendo non ex particulis solidis immediate cohaerentibus explicari posse. Etenim si filum metallicum constet particulis vel secundum schema 1 adunatis, vel ad interstitia vacua, quantum fieri potest, excludenda secundum fig. 2 dispositis, vel ut parallelepipeda ita superficieculis se contingant fig. 3 ut pondere appenso per spatia a , o , i , e cet. a contactu dimoveantur et tamen ceteris superficiebus cohaereant: tamen statim apparet, si pondus appensum filum tale metallicum vel tantillum in longitudinem extendat, in figura 1 partes illico, quippe semet amplius non contingentes, divulsas fore; et, si postules, partes ad latera positas, a , b , c , d , extensione in longitudinem facta, introrsum concedere et diruptionem impeditum ire, tamen, crassitie hoc modo aliquantum imminuta, ponderi, cui prius cesserunt, tum multo minus obsistere posse; in fig. 3 vero, quae totis superficiebus suis se tetigerunt particulae, cum semet tantum parte quadam tangunt, a pondere plane separatum iri, extra dubitationem est. Ideoque in omni casu assignabili filum distendi se non patietur, nisi et simul rumpatur. Quod cum experientiae contrarietur, patet, elementa corporum durorum non immediato contactu, sed mediante materia quadam in definita etiam distantia semet attrahere.

Fig. 1.

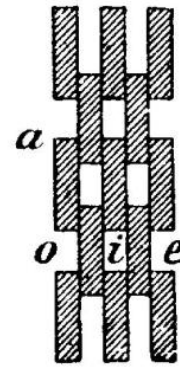
[Рис. 2]

Fig. 2.

[Рис. 3]

Fig. 3.

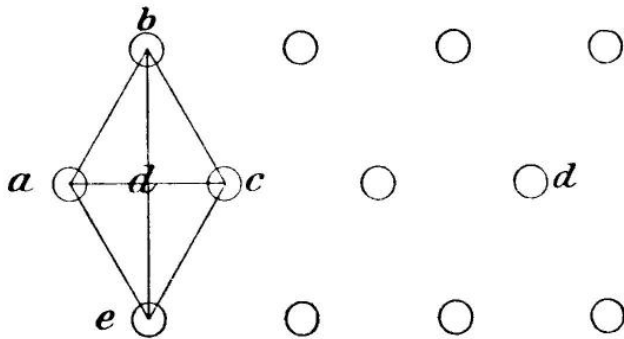
[Рис. 4]

Таким образом, на основании этой моей гипотезы я сделаю попытку объяснить данное явление в твердых телах в соответствии с наблюдаемыми законами природы и предписаниями геометрии. Ведь я предположу, что, если тело затвердевает из жидкости, [то его] элементы приобретают такое положение, что трое [из них], когда находящаяся между [ними] эластичная материя немного отдалила [их] от взаимного соприкосновения, всегда образуют равносторонний треугольник, как показано на рисунке 4 [рис. 5] ([элементы.] действительно, всегда будут стремиться к такому положению, если собираются в минимальное пространство, притягивая друг друга). Если подвешенный вес тянет эту систему частичек вдоль направления $a d$, [то] необходимо, чтобы расстояние между a и c делалось большим, как показано на рисунке 5 [рис. 6], и напротив, расстояния $a b$ и $b c$ оставались равными прежнему. Ибо [AA 01, S. 374] элемент b приближается к точке d так, что угол при обоих [элементах] a и c отграничивает большее [пространство], чем было прежде на рисунке 4. При этом условии плотность присоединенной эластичной материи будет сохраняться неизменной (из-за не увеличившегося особенно объема растянутого тела), и это связующее начало⁴ не уменьшит притяжение, или, если [ты, читатель] предпочитаешь, сцепление частичек a и c . Однако когда частички a и c растягиваются или раздвигаются, притяжение частицы b , насколько [оно] соединяет элементы a и c , становится пропорциональным линии $a d$ на рисунке 5, хотя раньше у меньшего угла b на рисунке 4 [рис. 5] [оно] было меньше. Таким образом, сила, с которой частицы, как-либо растянувшись, сопротивляются разрыву, растет, и притом это происходит в прямом отношении к линии $a d$, в соответствии с величиной растяжения [тела].

⁴То есть эластичная материя.

Ideoque ex hac mea hypothesis phaenomenon hoc corporum durorum secundum observatas naturae leges et geometriae praecepta explicare periculum faciam. Etenim si corpus ex fluido indurescens ponam situm talem elementorum acquirere, ut intercedente materia elastica a contactu mutuo aliquantulum semota tria semper triangulum aequilaterum faciant, sicuti figura 4 exhibet, (situm vero talem semper affectabunt, si attrahendo se in minimum spatium contrahunt), necesse est, ut, si pondus appensum trahat systema hoc particularum secundum directionem $a d$, distantia corpusculorum a et c maior fiat, ut fig. 5 exhibet, distantia $a b$ autem et $b c$ aequales priori maneant, quippe appropinquante [AA 01, p. 374] elemento b puncto d , ita ut cum duobus a et c angulum priori fig. 4 maiorem includat. Manente autem hoc pacto illibata materiae elasticae intermistae densitate (propter proprie non auctum corporis extensi volumen), attractiones s., si mavis, cohaesiones particularum a et c hoc vinculo haud erunt imminutae. Verum attractio particulae b , quatenus iungit elementa a et c , facta extensione s. diductione particularum a et c , fit proportionalis lineae $a d$ fig. 5, cum antea propter minorem angulum b fig. 4 minor fuerit; adeoque vis, qua particulae extensione aliqua facta a diruptione retinentur, crescit et quidem in directa ratione lineae $a d$, hoc est, secundum quantitatem extensionis.

Fig. 4.

[Рис. 5]

ПОЛОЖЕНИЕ V

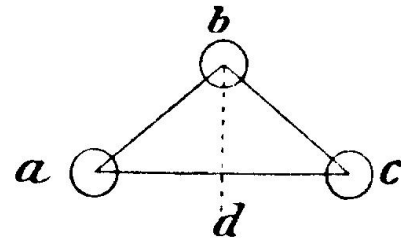
Закон⁵, в соответствии с которым известно, что эластичные тела (*elastra*) сжимаются силами на расстояния, пропорциональные [приложенным силам], лучше согласуется с нашей предпосылаемой гипотезой.

То, что в твердых телах обычно зовется сжатием, правильное должно называться именем расширения или растяжения, поскольку само собой ясно, что твердые материи могут вгоняться сжимающей силой в более тесные пространства много меньше, чем вода. Итак, пусть эластичное тело *f e c b* (рисунок 1 [рис. 7]), надежно прикрепленное [своей стороной] *f b* к стене *a b*, прижимается по направлению к стене так, чтобы оно приняло положение *i x f b*. Во-первых, я утверждаю, что по этой причине происходит небольшое растяжение внешней стороны эластичного тела *b c* и что [оно] требует большую прижимающую силу в том направлении, куда более растягивается. Далее, силы, которыми эластичное тело движется через какое-либо расстояние к удерживателю *a b*, согласно нашим принципам будут [соотноситься так же] как эти расстояния до тех пор, пока давление умеренно.

Итак, если эластичное тело какой-то давящей силой будет приведено в положение 2 и ближе придвинуто к стене на расстояние *c s*, [то его] сечение *e c* перейдет в положение *i x*. Через толщину [эластичного тела] проводится линия *is*, параллельная сечению *ec*. Будет $if = so = ct$, а *xo*, растянувшись, станет длиннее края *ct* на часть *xs*. Даже если продолжить сжимать эластичное тело вплоть до того, как [оно] будет приведено в положение 3 *g k f b*, когда будет проведена [линия] *gh*, также параллельная *ec*, величина растяжения *kh* будет больше величины *xs*. Отсюда на основании доказанного выше очевидно, почему, когда это [эластичное тело] сжато в положение 3, [оно] требует большую прижимающую силу, чем в положении 2.

⁵ Как поясняет Бек, Кант здесь пишет о законе Роберта Гука, согласно которому деформация, возникающая в упругом теле, пропорциональна приложенной к этому телу силе. Подробнее см.: (Kant, 2012, p. 713).

Fig. 5.

[Рис. 6]

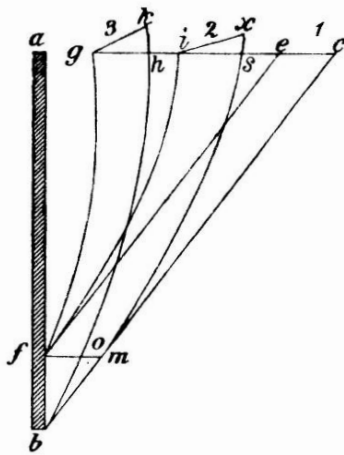
PROP. V.

Lex, secundum quam elastra comperta sunt comprimi in spatia viribus proportionalia, optime cum allegata nostra hypothese conspirat.

*Quae in corporibus duris compressiones vulgo vocantur, dilatationis verius s. extensionis nomine nuncupandae sunt; quippe materias duras multo minus, quam aquam, in artiora spatia vi comprimente adigi posse, per se liquet. Sit itaque elastrum *f e c b* (fig. 1), muro *a b* in *f b* firmiter insertum, prematur versus murum ita, ut sit situs ipsius *i x f b*: primo contendo, marginem elastri externum *b c* hac ratione aliquantulum extendi et maiorem in hoc statu desiderare vim apprimentem, quo magis extenditur; deinde vires, quibus elastrum per spatium aliquod retinaculo *a b* admovetur, ex principiis nostris fore ut haec spatia, quamdiu pressiones sunt mediocres.*

*Si itaque elastrum vi quadam premente sit in situm 2 redactum et per spatium *c s* muro propius admotum, sectio *e c* mutabitur in situm *i x*. Ducatur per crassitiem linea *is*, sectioni *ec* parallela, erit $if = so = ct$ et *xo* parte *xs* margine *ct* longior extensione facta; porro si apprimere pergas, usque dum in situm 3, *g k f b*, redactum sit elastrum, ducta *gh*, itidem *ec* parallela, quantitas extensionis *kh* erit quantitate *xs* maior; hinc ex supra demonstratis patet, quomodo hoc pacto situs 3 maiorem, quam situs 2, vim apprimentem desideret.*

Fig. 1.

[Рис. 7]

[AA 01, S. 375] Но сейчас следует исследовать, по какой же причине силы сопоставлялись бы с расстояниями, [пройденными телом при его] сжатии. В положении 2 очень мало искривленная сторона xb в случае умеренных давлений может приниматься за прямую, так же как линия kb в положении 3. Далее предполагается, что горизонтальное сечение эластичного тела ec № 1, расширившись, проходит через точки i и g . Поскольку при умеренной степени давления оно оказывается очень близким [к данным точкам], это может утверждаться без ошибки. Итак, в треугольнике ixs угол x равен углу c , ибо сечение эластичного тела то же, как № 1, и угол s равняется своему вертикальному [углу] o , таким образом, треугольники scb и ixs подобны. Равным образом все в треугольнике gkh № 3 находится в тех же соотношениях с треугольником hcb . Таким образом, обнаруживается следующее доказательство:

$$\begin{aligned} ix : xs &= bc : sc \\ \underline{kh : gk (= ix) = hc : bc} &, \\ xs : kh &= sc : hc \end{aligned}$$

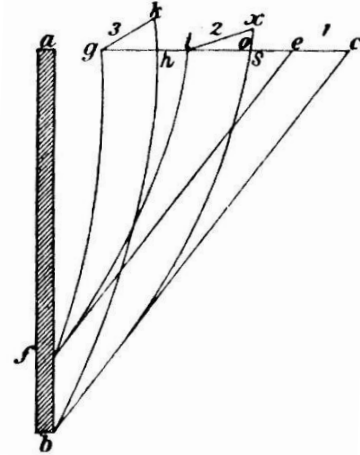
то есть: величины xs и kh , с которыми расширяется внешняя сторона эластичного тела bc , находятся в соотношении с расстояниями, [пройденными телом при его] сжатии sc и hc ⁶.

Так как, действительно, из Положения IV известно, что, в соответствии с нашей гипотезой, растягивающим силам надлежит быть пропорциональными количеству растяжения, в этом случае очевидно, что силы, сжимающие эластичное тело, будут пропорциональными расстоянию, [пройденному телом при его] сжатии⁷.

⁶ По мнению Бека, Кант вводит читателей в заблуждение, заявляя о соотношении между xs и kh . Они соотносятся не с «расстояниями сжатия» (spatiis compressionis) sc и hc , но со своими собственными длинами [рис. 8]. Так как s не сжимается в hc , то при сжатии тела из положения 1 в положения 2 и 3 выполняется следующее соотношение: $kh : hc = xs : sc$.

⁷ Кант не использует рисунок 2 [рис. 8], размещенный в тексте Положения V.

Fig. 2.

[Рис. 8]

[AA 01, p. 375] Verum nunc, quam ratione vires spatii compressionis comparatae se habeant, indagandum. Margo xb in situ 2, quantumlibet aliquantum incurvatus, tamen in casu compressionum mediocrium pro recto haberi potest, item linea kb in situ 3; ponatur porro, sectionem elastri horizontalem ec no. 1 continuatam per puncta i et g transire, quod, quoniam in mediocri compressionis gradu quam proxime accidit, hic absque errore sumi poterit. Est itaque in triangulo ixs angulus $x =$ angulo c , quippe eadem est sectio elastri, quae no. 1, angulus s aequatur verticali suo o , ideoque triangula scb et ixs sunt similia. Pariter in triangulo gkh no. 3 omnia cum triangulo hcb eadem ratione se habent, ideoque argumentatio sequens prodit:

$$\begin{aligned} ix : xs &= bc : sc \\ \underline{kh : gk (=ix) = hc : bc} &, \\ xs : kh &= sc : hc \end{aligned}$$

hoc est: quantitates xs et kh , quibus distenditur elastri margo extimus bc , sunt in ratione spatiorum compressionis sc et hc .

Cum vero e prop. IV. constet, secundum hypothesin nostram vires distendentes quantitati distensionis proportionales esse oportere, hoc in casu liquet, vires elastrum comprimentes spatio compressionis proportionales fore.

Эти наши защищенные [Положения] превосходно укрепляют те достоверные [сведения], которые в Записках Королевской Парижской Академии Наук в 1705 г. касательно сжатия эластичных тел опубликовал де ля Гир⁸. Если [ты, читатель,] тщательно исследуешь вопрос, едва ли [он] будет объяснен столь связно и последовательно посредством любой другой гипотезы.

Общее добавление

Итак, если я правильно полагаю, всякое тело состоит из твердых частиц [и] какой-то эластичной материи, находящейся между [ними] словно связующее начало для сплоченности [их друг с другом]. Элементарные частицы, хотя [и] отодвинуты от взаимного соприкосновения этой присоединенной [к ним материей], все же с ее помощью притягивают друг друга и, конечно, прочнее соединяются, чем могло бы быть при [их] непосредственном соприкосновении. Ибо соприкосновение круглых по большей части молекул, когда сила возникает [только в одной] точке, будет бесконечно слабее того сцепления, которое проявляется по всей [их] поверхности. Действительно, по этой причине положение элементов может изменяться, причем сцепление [между ними] сохраняется. Одновременно очевидно, как элементы, когда эта соединяющая материя частично изымается из промежутков [между ними], могут подходить ближе друг к другу и уменьшать объем [тела]. Наоборот, когда или ее количество, или даже эластичность возрастают, объем тела увеличивается и частицы могут взаимно отдаляться друг от друга без утраты сцепления [между собой]. Это суть наиважнейшие моменты в теории огня.

[AA 01, S. 376]

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

О материи огня и ее модификациях, тепле и холоде

ПОЛОЖЕНИЕ VI

Опыт

Огонь обнаруживает свое присутствие, во-первых, разрежением всех, как жидких, так и твердых, тел вдоль всех измерений, далее, разрушением [внутренней] связи тел, постепенно ослабляя сцепление [их элементов друг с другом], наконец, рассеиванием частей [тел] в пар. Холод, наоборот, уменьшает объем тел, укрепляет сцепление, из пластичных и гибких делает [тела] жесткими, из жидких — отвердевающими. Тепло, особенно в твердых и хруп-

⁸ Кант ссылается на статью Габриеля де ла Гира (Hire, 1705).

Egregie asserta haec nostra, quae de la Hire in Monum. R. A. Sc. Paris. anni 1705 circa³ compressionem elastorum comperta prodidit, stabiliunt; si rem sollicitè examinaveris per aliam qualemcunque hypothesin vix tam apte et congrue explicanda.

Corollarium generale

Omne itaque corpus, si recte sentio, partibus continetur solidis, intercedente materia quadam elastica ceu vinculo unitis. Particulae elementares, hac intermista, quamvis a contactu mutuo remotae, tamen huius ope semet attrahunt et artius profecto colligantur, quam per contactum immediatum fieri posset. Quippe contactus molecularum ut plurimum globosarum, cum vix puncto fiat, infinities debilior foret ea, quae per universam praestatur superficiem, cohaesione. Hac vero ratione situs elementorum mutari salva cohaesione potest et simul in promptu est, quomodo, detracta ex interstitiis ex parte materia illa uniente, propius sibi possint elementa accedere et volumen contrahere; contra ea, aucta vel quantitate vel etiam elasticitate ipsius, corpus volumine augescere et particulae a se invicem recedere absque cohaesionis iactura possint. Quae in theoria ignis maximi momenti sunt.

[AA 01, p. 376]

SECTIO II.

De materia ignis eiusque modificationibus, calore et frigore

PROP. VI.

Experientia.

Ignis praesentiam suam testatur primo corpora omnia tam fluida quam solida secundum omnes dimensiones rarefaciendo, dein, debilitata sensim cohaesione, corporum compagem solvendo, postremo partes in vapores dissipando. Frigus contra corporum volumen minuit, cohaesionem roborat, e ductilibus et flexilibus facit rigida, e fluidis

³ Cf. Hire, 1705.

ких телах, создается или трением, или сотрясением. Ни в каком теле [тепло] не может возрастать бесконечно. Тело, нагревающееся от кипения, никогда не переходит степень вскипания, хотя воспламеняющееся от горения в большинстве случаев достигает [еще] большего тепла.

Я воздерживаюсь здесь сослаться на прочие явления тепла, достойнейшие наблюдения, ибо [они] всюду будут встречаться в дальнейшем.

ПОЛОЖЕНИЕ VII

Материя огня есть не что иное [как] эластичная материя (описанная в предшествующем разделе), которая, будучи присоединенной к элементам тел, их скрепляет; а ее волнообразное или вибрирующее движение есть то, что выступает под именем тепла.

Опыт из Положения VI показывает, что всякое тело нагревается от трения или сотрясения и потом равномерно разрежается вдоль всех измерений. Это действительно доказывает присутствие внутри массы тела какого-то заключенного [там] эластичного [начала], стремящегося расшириться из-за [этих] действий (sollicitationibus). Далее, любое тело (на основании доказанного в Разделе первом) содержит эластичную материю, заключенную в промежутках [между его элементами], которая служит для связи частичек, а также может приводиться в волнообразное движение и выказывать все явления тепла. Очевидно, что эту [эластичную материю] не отличить от материи огня.

То же доказывается на основании явлений кипения⁹

Тела, расплавленные теплом, после того как доведены до кипения с использованием все большего и большего огня, не способны больше воспринимать никакие степени [продолжающего поступать к ним] тепла, и в этом состоянии они испускают большие эластичные пузыри, [вес которых], чтобы [пузыри] могли подниматься, будет равен весу атмосферы, и притом непрерывно, пока огонь напирает [на эти тела]. Так как эти пузыри [AA 01, S. 377] не содержат никакого эластичного воздуха и в тело, насыщенное теплом, входит не что иное, как материя огня, возникает вопрос: почему, хотя до вскипания тепло точно так же проникало в воду, но тог-

⁹ Бек, ссылаясь на Э. Адикеса, констатирует, что эта теория кипения не является оригинальной разработкой Канта (Kant, 2012, p. 713). О более ранних ее версиях, в том числе и о той, что была в учебнике по физике, который Кант использовал в своих лекциях, см.: (Adickes, 1925, S. 40).

consistentia. Calor excitatur praesertim in corporibus duris et renitentibus vel tritu vel concussionem. In nullo corpore in immensum crescere potest. Ebullitionis gradum corpus aestuando incalescens nunquam supergreditur, quanquam deflagando ignescens plerumque maiori calore potitur.

Cetera notatu dignissima caloris phaenomena hic allegare supersedeo, quippe passim in sequentibus occurrentia.

PROP. VII.

Materia ignis non est nisi (sectione praecedenti descripta) materia elastica, quae corporum quorumlibet elementa, quibus intermixta est, colligat; eiusque motus undulatorius s. vibratorius idem est, quod caloris nomine venit.

Experientia commonstrat prop. VI, corpus quodvis vel tritum vel concussum incalescere atque secundum omnes dimensiones aequabiliter rarefieri. Hoc vero cum praesentiam elastici cuiusdam intra corporis molem contenti et sollicitationibus se expandere nitentis arguat, cum praeterea corpus quodvis ex demonstratis sect. I. materiam elasticam interstitiis conclusam teneat, quae nexui particularum inservit, quaeque adeo in motum undulatorium agitari omniaque caloris phaenomena exhibere potest, patet, eam a materia ignis non differre.

Idem probare ex phaenomenis ebullitionis

Corpora per calorem liquefacta ubi admoto maiori atque maiori igne ad ebullitionem perducta sunt, nullius caloris gradus amplius sunt capacia et hoc in statu bullas emittunt grandes et elasticas, ita ut ponderi atmosphaerae ferendo pares sint, et quidem indesinenter, quamdiu ignis urget. Hae bullae [AA 01, p. 377] cum nihil contineant aeris elastici, neque alia nisi ignis materia in corpus calore saturatum intret, quaestio occurrit, cur, cum ante ebullitionem calor pariter in aquam intraverit neque tum praeter bullulas

да, исключая некоторые воздушные пузырьки, это [начало] эластичного не обнаруживало себя, [а] проявилось оно прямо в моменте вскипания? Однако легко постичь, что какая-то эластичная материя, которую мы называем огнем, которая содержится сначала вне, а теперь и внутри массы нагревающейся жидкости, оставалась бы так долго удержанной и стиснутой притяжением частичек [друг к другу] (сколько бы ни расширялся небольшой объем [жидкости]), пока ее количество, присоединенное к силе [ее] колебания, не стало больше [удерживающей ее силы] притяжения молекул. После того как [эта материя] настолько усилилась, что теперь превосходит своей эластичной силой силу этого [притяжения молекул], вся огненная материя, [количество] которой снова увеличивается из-за ничем не связанной эластичности, перемещается через центр жидкости [в виде пузырей], как если бы [она туда] проникла, так как, я повторяю, данное сжатие огненной материи обнаруживается внутри насколько угодно горячего тела. Нет [причины], почему мы бы сомневались в истине наших представлений.

ПОЛОЖЕНИЕ VIII

Материя тепла есть не что иное [как] эфир (или материя света), стиснутый мощной силой притяжения (или сжатия) тел внутри их промежутков.

Во-первых, конечно, как показал Ньютон на основании явлений отражения и преломления, всякие более плотные тела притягивают свет в количествах до такой степени огромных, что, по вычислению [этого] несравненного мужа, вблизи соприкосновения [эта] сила притяжения будет превосходить действие тяжести в десять тысяч миллиардов [раз]¹⁰. Действительно, так как материя света эластична, не подлежит сомнению, насколько громадной силой [она] может собираться в значительно меньшем пространстве, то есть сжиматься. А так как частицы тел сталкиваются с материей света, повсюду находящейся вблизи [них], почему [ты, читатель,] сомневаешься, что та самая эластичная материя, которую мы признали в самих [этих телах], ничем не отличается от этого эфира?

Во-вторых, наблюдается, что те же материи, которые имеют силу с заметной действенностью преломлять свет, также будут более способны поглощать большее тепло от приближенного [к ним] огня. Кроме того, вследствие этого [данные материи] обнаруживают, что то притяжение, которое стремится присое-

¹⁰ Кант ссылается, видимо, на первое издание так называемой латинской «Оптики» Исаака Ньютона, поскольку только в этом издании фигурирует указанная здесь цифра: (Newton, 1706, p. 321, Qu. 22).

nonnullas aerias id elastici se manifestaverit, in momento praecise ebullitionis illud emittat. Verum cum facile sit perspectu, eandem materiam elasticam, quem ignem appellamus, quae antea pariter ac nunc intra fluidi incalescentis molem concepta est, tamdiu attractione particularum detentam et compressam haesisse, quamvis volumen aliquantulum dilataverit, quamdiu eius quantitas, undulationis vehementiae coniuncta, nondum attractione molecularum maior facta est, ast ubi adeo invaluit, ut huius momentum iam vi sua elastica superet, materiam omnem igneam, quae denuo accedit, elasticitate libera, sicuti intravit, per medium fluidum traicere, cum haec, inquam, materiae igneae intra corpus quodvis calidum compressio pateat: non est, quod de nostrae propositionis veritate dubitemus.

PROP. VIII.

Materia caloris non est nisi ipse aether (s. lucis materia) valida attractionis (s. adhaesionis) corporum vi intra ipsorum interstitia compressus.

Primo enim corpora quaevis densiora lucem immensum quantum attrahunt, ut Newtonus e refractionis et reflexionis phaenomenis evincit, usque adeo, ut ex computatione viri incomparabilis prope contactum vis attractionis decies millies bimillionesimis vicibus sollicitationem gravitatis antecellat.⁴ Cum vero lucis materia sit elastica, non dubitandum est, adeo immensa vi redigi etiam in spatia aliquanto minora, h. e. comprimi, posse; cumque particulae corporum lucis materiam ubique obviam inveniant, quid est, quod ambigas, eam ipsam, quam in ipsis probavimus, materiam elasticam ab hoc aethere non differre?

Secundo animadvertitur, easdem materias, quae ad lucem refrigendam insigni pollent efficacia, etiam ad calorem maiorem, igne admoto concipiendum, capaciores esse, adeo ut inde aperiant, eandem attractionem, quae lucem sibi unire nititur, materiam quoque igneam sibi intime unitam detinere. Olea

⁴ Kant apparently refers to the first edition of the so-called Latin *Optice* by Isaac Newton, since only in this edition is the figure indicated here given (Newton, 1706, p. 321, Qu. 22).

динить к себе свет, также удерживает тесно присоединенной к себе огненную материю. Действительно, в соответствии с экспериментами Ньютона¹¹ и других, масла, которые преломляют, то есть притягивают, лучи света с намного большей силой, чем сообразно своему удельному весу, также имеют гораздо большую температуру кипения, чем сообразно своему удельному весу (как скипидарное масло и др.). Действительно, те же масла суть подходящее топливо для пламени, и в этом состоянии [они] также рассеивают свет во все стороны. Это доказывает, что материи тепла и света согласуются [друг с другом] насколько возможно близко, или, скорее, нисколько не различаются.

[AA 01, S. 378]

Это же [предположение] становится вероятным из-за прозрачности стекла

Если [ты, читатель,] примешь гипотезу, максимально соответствующую законам природы и недавно защищенную новым способом знаменитым Эйлером¹², что свет в действительности — это не поток светящихся частиц, а распространяющееся давление повсюду рассеянного эфира, и будешь исследовать происхождение прозрачности стекла, [то] ясно обнаружишь связь или, лучше сказать, тождество эфира и материи огня. Ведь стекло изготовлено из поташа (*cinis clavellatus*), то есть сильнейшей щелочной соли, сплавленной с песком силой огня. Действительно, поскольку поташ при долгом и сильном обжиге сохраняет присоединенную к нему с избытком материю огня [и] распределяет это эластичное начало огня по всей массе стекла, когда смешивается с песком, и поскольку было бы невероятным, что такое тело, затвердевающее из жидкости, имело бы всегда открытые и прямые проходы для прохождения света, каким бы то ни было образом [ты, читатель, его] не поворачивал, [то] более соответствует разуму, что его объем заполнен [его] собственной материей. Тем не менее очевидно, что, так как сквозь массу стекла распространяется импульс света, [то] к его частям присоединена сама материя света и [она] будет частью его массы. Действительно, так как [мы] увидели, что материя огня образует немаловажную часть стекла и обильно распределена среди его твердых элементов, едва ли будет место для сомнения, что материя тепла с эфиром, или элементом света,— это совершенно [одно и] то же.

¹¹ Информацию об этих экспериментах см. в любом издании «Оптики» Ньютона (кн. II, ч. III, п. X), например: (Newton, 1719, p. 268–275; Ньютон, 1954, с. 205–210).

¹² Имеется в виду работа Леонарда Эйлера «Новая теория света и тепла» (Euler, 1962). Бек (Kant, 2012, p. 713) считает нужным сообщить, что Кант пытался здесь примирить волновую теорию света Эйлера с корпускулярной теорией Ньютона. Кант отождествляет материю тепла со светоносным эфиром и, таким образом, считает, что свет и тепло — это специфические формы тончайшей материи, проявляющей себя только в волнообразном движении.

enim, quae ex Newtoni aliorumque experimentis⁵ multo maiore, quam pro specifica gravitate sua, vi radios lucis refringunt, h. e. attrahunt, etiam longe maiorem, quam pro gravitate sua specifica, ebullitionis gradum recipiunt, sicut oleum thereb. cet., eadem vero olea etiam sunt propria flammaram alimenta, et hoc in statu cum lucem quaquaversum spargant, caloris et lucis materiam, quantum fieri potest proxime convenire aut potius nihil differre testatum reddunt.

[AA 01, p. 378]

Idem ex transparentia vitrorum fit probabile

Si hypothesin naturae legibus maxime congruam et nuper a clarissimo Eulero⁶ novo praesidio munitam adoptaveris, lucem nempe non effluvium esse corporum lucidorum, sed pressionem aetheris ubique dispersi propagatam, et originem transparentiae vitri perpenderis, aetheris cum materia ignis connubium aut potius identitatem aperte confiteberis. Vitrum enim e cineribus clavellatis, h. e. alcalino sale fortissimo cum sabulo vi ignis fuis, conflatum est. Cum vero sal cinericus, diu et vehementer ustulando, materiam ignis sibi abunde unitam foveat, ubi sabulo commiscetur, per universam vitri massam hoc elasticum ignis principium dispertiet, cumque probabile haud sit, corpus tale, ex fluido solidescens, quomodocunque verteris, apertos et rectilineos semper luci transmittendae meatus habere, sed magis rationi consonum sit, volumen ipsius materia propria adimpletum esse, patet, quia nihilo secius lucis impulsus per massam vitri propagatur, intermistam esse ipsius partibus materiam ipsam lucis et molis ipsius partem esse. Quoniam vero materiam ignis vidimus vitri partem haud contemnendam efficere et large per huius solida elementa dispertitam esse, vix dubitationi locus sit, materiam caloris cum aethere s. lucis elemento eandem plane esse.

⁵ For information on these experiments, see any edition of Newton's *Opticks / Optice*, Book II, Part III, Prop. X, for example: Newton, 1719, p. 268-275.

⁶ Cf. Euler, 1962.

ПОЛОЖЕНИЕ IX

Измерять степень тепла — это выражать в числе пропорцию, которой обладают разные степени тепла по отношению друг к другу.

Амонтон¹³, известнейший член Парижской Королевской Академии Наук, вот так первым описал решение этой проблемы. Поскольку сила огня особенно проявляется в том, чтобы разрезать тела, будет подобающе измерять ее количество посредством сжимающей силы, противоположной этой силе (nisus) разрежения. Потому что действительно обнаруживается, что воздух, из-за уменьшения в какой угодно степени тепла, ослабляется в давящей силе и уменьшается в объеме вплоть до того, что с надежностью следует полагать, что [он] удерживает всю свою воспринятую эластичность только благодаря теплу. Знаменитый муж, ободренный этой гипотезой, придумал, как измерить у этого тепла выделенные степени тепла эластичной силой воздуха, то есть весом, который может удерживаться действием этого тепла при том же объеме [воздуха].

ПРИМЕЧАНИЕ

Фаренгейт¹⁴, по сообщению Бургаве¹⁵, первым заметил свойство жидкостей, закипающих [под действием] одного только огня: действительно, чем вес атмосферы тяжелее, [тем] больше будет степень тепла в точке кипения, а при меньшем давлении воздуха [жидкость] будет иметь [там] меньшую степень тепла. То же, по докладу Парижской Академии, открыл Монье¹⁶, измеривший термометром Реомюра тепло закипающей воды и расстояние [на шкале термометра] до ее точки замерзания сначала в Бордо, а потом на вершине горы Пик дю Меди, где барометр на 8 дюймов ниже, чем был [AA 01, S. 379] на первом месте. [Он] увидел в обоих местах ту же степень [тепла при образовании] льда, [но] заметил, что тепло закипания [стало] меньше на $\frac{15}{180}$ интервала, которым отличалось кипение от замерзания в Бордо при высоте барометра 28 дюймов. Таким образом, тепло кипения в этом месте на $\frac{1}{12}$ свою часть больше, чем в горах. Этот избыток создан избытком около третьей части атмосферного веса. Отсюда ясно, что удаленный вес

¹³ Кант имеет в виду статью Гийома Амонтона (Amontons, 1703).

¹⁴ Кант описывает эксперимент Даниэля Габриэля Фаренгейта (Fahrenheit, 1724).

¹⁵ Кант пересказывает фрагмент популярного в XVIII в. учебника по химии Германа Бургаве (Boerhaave, 1732, p. 172–173).

¹⁶ Кант пересказывает доклад Пьера Шарля ле Монье (Monnier, 1744).

PROP. IX.

Gradum caloris metiri, h. e. proportionem, quam diversi caloris gradus erga se obtinent, in numeris exprimere.

Amontons,⁷ celeberrimum A. R. Sc. Paris. membrum, ita quidem huius problematis resolutionem primus detexit. Cum ignis vis in rarefaciendis corporibus proprie exseratur, per vim comprimentem, huic rarefactionis nisui oppositam, ipsius quantitatem metiri congruum erit. Quia vero aer imminuto quantumvis calore deprehendatur vi prementi concedere et volumine minui, usque adeo, ut recte putandus sit omnem suam elasticitatem calori soli acceptam ferre, vir clarus hac hypothesi fultus consilium iniiit caloris gradus elastica aeris huic calori expositi vi metiendi, h. e. pondere, cui hoc calore actus sub eodem volumine ferendo compos est.

NOTA.

Fahrenheitius,⁸ Boerhaavio referente,⁹ singulare liquorum igne ebullientium ingenium primus animadvertit, quod nempe hic caloris gradus pondere atmosphaerae graviore sit intensior, et minore aeris pressione in puncto ebullitionis minorem habeat caloris gradum. Idem Monnierus¹⁰ ex relatione Acad. Paris. cum thermometro Reaumuriano primo Burdegalaе, deinde in vertice montis Pic du Midi, ubi barometrum 8 poll. depressius, quam priori loco fuit, calorem ebullientis aquae et eius supra congelationis punctum altitudinem [AA 01, p. 379] explorans repperit. Glaciei equidem eundem utrobique gradum deprehendit, ebullitionis vero calorem $\frac{15}{180}$ intervalli, quo ebullitio congelationem antecellit, ab eo, quem Burdegalaе barometro, 28 pollices alto, notavit, deficere, adeoque calorem ebullitionis huius loci montanam parte sui $\frac{1}{12}$ antecellere, quem excessum excessus tertiae partis circiter ponderis atmosphaerici produxit; ex quo liquet, atmosphaerae totius pondus semotum aquae ebullienti $\frac{1}{4}$ caloris illius, qui congelationis et ebullitionis gradus intercedit, detrahere. Cum igitur aquae absque aeris pres-

⁷ Cf. Amontons, 1705.

⁸ Cf. Fahrenheit, 1724.

⁹ Cf. Boerhaave, 1732, p. 172-173.

¹⁰ Cf. Monnier, 1744.

всей атмосферы у кипящей воды отнимает $\frac{1}{4}$ [часть] ее тепла, которое находится между степенями [ее] замерзания и кипения. Так как, следовательно, воде, вскипающей без давления воздуха, будет требоваться меньшая степень тепла, [а] когда вес этого [воздуха] добавляется — действительно, большая, то вес атмосферы не делает ничего иного, кроме того, что оказывает противодействие волнообразному движению огненных частичек, когда притяжения самих элементов воды больше недостаточно, чтобы их сдерживать. Отсюда можно заключить, что эфир, старающийся какой-то силой эластичности в точке кипения избавиться себя от связанности с водой, может успешно сделать это, хотя там он с необходимостью сдерживается притяжением частичек [друг к другу] или при его недостатке внешней давящей силой. Ибо, так как, согласно знаменитому Амонтону, теплоты замерзания и кипения едва ли отличаются третьей частью этого [давления] и четвертая часть тепла, находящегося между замерзанием и кипением, требует силу, равную весу всей атмосферы, следует, что всему теплу при кипении, чтобы оказаться в равновесии, необходим вес 12 атмосфер. Таким образом, само притяжение элементов воды равносильно 11 давлениям воздуха. Из-за этого очевидно их притяжение в точке замерзания [и], действительно, гораздо более ясно видно огромное притяжение металлов при сдавливании эластичного эфира. Секонда¹⁷, сделавший то же наблюдение, открыл, что разрежение воды, большее на упомянутой горе, будет меньше в Бордо в отношении $\frac{1}{24}$ всего объема к $\frac{1}{35}$, таким образом, если сделать расчет, именно в обратном отношении к весам атмосферы 20:28. Следовательно, в этом часто упоминаемом случае упорнейшее сопротивление воды против любого сжатия, установленное Флорентийской Академией¹⁸ на опыте, не находит места.

ПОЛОЖЕНИЕ X

Объяснение на основании утверждений нашей теории природы и причины испарений, или паров.

Природа паров

Испарения, которые суть не [что иное как] лишь влажные частицы, оторванные с поверхностей жидкостей и плавающие [в] воздухе, обладают особым или, скорее, достойным удивления природным свойством: насколько сближенные для соприкосно-

¹⁷ Кант пересказывает статью барона Жана-Батиста де Секонда (Secondat, 1750).

¹⁸ Описание упомянутого Кантом опыта о сжатии воды см.: (Esperienze intorno alla compressione dell'acqua, 1666).

sione ebullienti minor, huius pondere addito vero maior conciliari caloris gradus possit, neque pondus atmosphaerae aliud quicquam agat, nisi quod undulatorio particularum ignearum motui contra pondium exhibeat, cum attractio ipsorum aquae elementorum ipsi cohibendo non amplius sufficiat, inde coniici poterit, quam elasticitatis vi aether, in puncto ebullitionis semet a nexu aquae expedire nitens, polleat et qua particularum attractione (s. hac deficiente, vi externa premente) illum compesci necesse sit. Quippe quoniam secundum laud. Amontonsium calores congelationis et ebullitionis vix parte huius tertia differant et quarta pars caloris, congelationem atque ebullitionem intercedentis, vim requirat ponderi totius atmosphaerae aequalem, sequitur, 12 atmosphaerarum pondere ad aequilibrium calori toti in ebulliendo praestandum opus esse, adeoque attractionem ipsam elementorum aquae 11 pressionibus aeriis aequipollere. Ex quo attractionem earundem in puncto congelationis, multo magis vero ingentem metallorum attractionem ad comprimendum aetherem elasticum perspicere licet.

Secondatus¹¹ eandem faciens observationem reperit rarefactionem aquae maiorem in monte allegato, minorem Burdegalae fuisse, in ratione $\frac{1}{24}$ totius voluminis ad $\frac{1}{35}$, adeoque si ineatur calculus, praecise in ratione reciproca ponderum atmosphaerae 20:28. In hoc ergo casu celebrata illa aquae contra omnem compressionem pertinacissima renitentia, ab Academia Cimentina¹² experimento stabilita, locum non repperit.

PROP. X.

Naturam et causam exhalationum s. vaporum ex assertis theoriae nostrae explicatam reddere.

Vaporum natura

Exhalationes, quae non sunt nisi particulae humidae de superficiebus fluidorum avulsae aeriisque innatantes, hoc habent peculiare sibi et prope admirandum ingenium, ut, quantopere fluidi ho-

¹¹ Cf. Secondat, 1750.

¹² Cf. Academia del Cimento, 1666.

вения частицы гомогенной жидкости легко (avide) соединяются и спонтанно сплавляются в одну массу, настолько, когда [они] рассеяны до разреженности пара и [на них] действует должная степень тепла, избегают соприкосновения и взаимного соединения и, дабы воспользоваться ньютоновским термином¹⁹, друг друга сильно [AA 01, S. 380] отталкивают; столь [сильно], что никогда не будет получена достаточно огромная сила, чтобы сжать их и принудить объединиться в единое целое. Следовательно, водяной пар, при значительном воздействии огня, разрушает даже прочнейшие сосуды, и все вообще пары в качестве своего природного свойства часто обнаруживают достойную удивления эластичность.

Причина

Основание этого явления, насколько мне известно, еще не достаточно постигнуто современными физиками. Следовательно, я приступлю к его изучению.

Тончайшая оболочка, оторванная с поверхности воды [и] сформированная в виде пузырька, едва наблюдаемого в микроскоп, — это элемент водяного пара. Но какая же причина лежит в основе [того], почему многие такие тонкие ячеечки²⁰ настолько избегают соприкосновения [друг с другом], если [на них] сильнее воздействует немалое тепло? Я сейчас расскажу. Ибо, так как вследствие защищенных [положений] этой теории вода, не иначе как [и] все тела вообще, удерживает притяжением [своих элементов друг к другу] внутри своей сжатой массы эластичную материю эфира, и из доказанных [положений] известно, что это притяжение ограничивается не одной [точкой] соприкосновения, но какой-то определенной дистанцией. Кроме того, чтобы в этой точке сближения уплотнившиеся молекулы прилипали друг к другу, где притягивающая сила уравновешивается вследствие волнообразного движения перемещенного тепла отталкивающей силой, притяжение, несомненно, простирается на несколько большую дистанцию. Эта дистанция изображается линией *ef* (№ 1) [рис. 9], которая должна представляться очень маленькой, и сближение соединенных водных частиц будет пропорционально частичке *eg*. Далее, пусть параллелепипед *a b c d* (№ 2) [рис. 10] будет маленькой порцией воды, чья толщина *ba* такая маленькая, что равна линии *ef*. Так как по подчиненной теореме притяжение водных элементов простирается не дальше дистанции *ba = ef*, если частица помещена в точке *a*, [она] будет чувствовать притягиваю-

¹⁹ Ньютон, начиная со второго издания английской «Оптики» (1718), во всех последующих изданиях использовал термин *repulsive force* (англ.) или *vis repellendi* (лат.). (Вопрос 31): (Newton, 1718, p. 363; Newton, 1719, p. 393). С. И. Вавилов перевел его как «отталкивательная сила» (Ньютон, 1954, с. 294).

²⁰ То есть элементы водяного пара.

mogenei particulae contactui admotae avide se uniunt inque unam massam sponte colliquescunt, tantopere, ubi semel ad tenuitatem vaporum resolutae sunt et caloris gradu debito urgentur, contactum et adunationem mutuam refugiant, seque, ut voce Newtoniana utar,¹³ valide [AA 01, p. 380] repellent; ita ut vis immensa satis iis comprimendis invitisque adunationem conciliando par nunquam reperta sit. Ita vapor aqueus igni aliquantum actus vel firmissima confringit vasa et omnes omnino vapores pro suo quisque ingenio admirandam saepe exserunt elasticitatem.

Causa

Huius phaenomeni ratio, quantum mihi equidem constat, nondum physicis satis perspecta est. Igitur eam indagare aggrediar.

Cuticula tenuissima, ab aquae superficie abrepta, in formam bullulae vix per microscopium perspicendae figurata, elementum vaporis aquei est. Quenam autem subest causa, cur bullulae plures tales tenues, si calore aliquanto fortius urgentur, contactum tantopere refugiant? Statim expediam. Etenim cum per asserta huius theoriae aqua non secius ac omnia omnino corpora materiam elasticam aetheris intra molem suam compressam attractione detineant, et quidem ex demonstratis constet, hanc attractionem non contactu solo, sed certa quadam distantia definiri, adeo ut moleculae in illo propinquitatis puncto sibi constrictae haereant, ubi vis attractiva vi repellenti, ex undulatorio caloris motu profectae, aequilibratur, quanquam attractio vere ad maiorem aliquanto distantiam pertingat: exprimatur haec distantia lineola *ef* no. 1, quae admodum parva concipi debet, et propinquitas particularum aquearum adunatarum particulae *eg* proportionalis esto. Sit porro parallelepipedum *a b c d* no. 2 portiuncula aquae, cuius crassities *ba* tantilla sit, ut aequet lineolam *ef*. Quoniam per supposita theorematis attractio elementorum aqueorum non

¹³ Newton, starting with the second edition of the English *Opticks* (1718), in all subsequent editions used the term “repulsive force”, or “*vis repellendi*” (Qu. 31): (Newton, 1718, p. 363; Newton, 1719, p. 393).

№ 1.

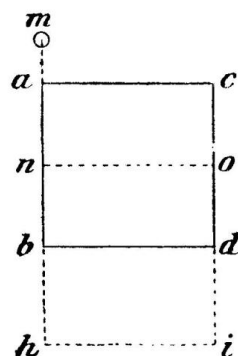
[Рис. 9]

щую силу всех элементов, расположенных в толщине [этого параллелепипеда], и таким образом, насколько по природе [данной] жидкости возможно, будет прочно прикреплена [к ним]. [Она] не будет прикреплена крепче, если [ты, читатель,] к этой водной корпускуле добавишь еще дополнение $b h i d$: действительно, если бы [элемент] удалился на какое-то минимальное пространство am , [то он] притягивался бы не всей водной корпускулой, но лишь частью $anoc$ и, таким образом, с меньшей силой достигал бы объединения [с другими элементами воды].

Пусть параллелепипед № 2 [рис. 10] превратится в другой, намного более тонкий [параллелепипед] $h k r s$ (№ 3) [Рис. 11]. Любая водная частица, перемещенная в точку h , будет притягиваться гораздо слабее. Поскольку наибольшая часть эфира, заключенного в этой оболочке, высвободилась бы, когда верхняя сторона [параллелепипеда] настолько увеличилась, очевидно, что в этом состоянии элемент u , отодвинутый²¹ из-за колебаний тепла, будет уноситься на гораздо большее расстояние от точки h , чем должно было бы быть при прежних условиях; и чем тоньше будет оболочка, тем с большей силой [он] будет избегать соприкосновения [с другими молекулами]. Далее, так как [AA 01, S. 381] тонкая оболочка $h k r s$, оставленная в этой форме сама по себе, тотчас перейдет в шарообразную форму и, таким образом увеличив во всех направлениях [свою] толщину, получит силу для объединения с другими [молекулами] на том же, как прежде, расстоянии, необходимо, если она должна сохраняться в обычном [состоянии] пара, чтобы [она] скатывалась в форму пузыря (№ 4) [рис. 12], притом настолько маленького диаметра ab и крохотной толщины, чтобы расстояние между точками a и b , расположенными в концах диаметра, было меньше расстояния be , на котором эти точки, ког-

²¹ Читаю вместе с Беком (Kant, 2012, p. 322) вслед за Э. Адиксом (Adickes, 1925, S. 48) *amotum* вместо *admotum*, как напечатано в Академическом издании (AA 01, S. 380).

№ 2.

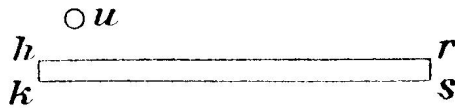

[Рис. 10]

ultra distantiam $ba = ef$ semet exserit, si particula in puncto a constituta est, omnium per totam crassitiem coordinatorum elementorum vim sentiet attractivam, adeoque, quantum per fluidi naturam fieri potest, tenacissime adhaerebit, neque firmitus adhaesura esset, si corpusculo huic aqueo adhuc additamentum $b h i d$ superaddas: verum si spatiolo quodam minutissimo am removeatur, non tot corpusculo aqueo, sed parte tantum $anoc$ traheretur, adeoque minori vi adunationem appeteret. Transfigeretur parallelepipedum no. 2 in aliud multo tenuius, $h k r s$ no. 3; particula quaevis aquea puncto h admota longe debilius trahetur; cumque aether ipse hac cuticula conclusus, aucta adeo superficie, maximam partem se liberet, patet, hoc in statu elementum u , amotum¹⁴ per caloris reciprocaiones, longe maiori distantia a puncto h abactum fore, quam priori condicione fieri oportuit, et quo tenuior cuticula fuerit, eo maiori vi contactum refugiet. Quoniam porro [AA 01, p. 381] cuticula tenuis $h k r s$ in hac figura sibimet relicta statim abiret in figuram globosam et, aucta undique hoc pacto crassitie, vi polleret eadem propinquitate ac antea aliis se uniendi, necesse est, ut si ipsi haec vaporis nota manere debet, in bullulae formam circumvolvatur no. 4, et quidem adeo minutae diametri ab et parvulae crassitie, ut distantia punctorum a et b , ad extremitates diametric positorum, minor sit distantia be qua haec

¹⁴ Reading with Adickes (1925, p. 48) and Beck (Kant, 2012, p. 322, 714n20) *amotum* instead of (with the Academy edition) *admotum*.

No. 3.

[Рис. 11]

да отталкивающая сила эфира станет равна притягивающей силе, если будет свободное [пространство] для их расширения, будут покоиться рядом друг с другом. Следовательно, в этом состоянии пузырек будет стремиться к расширению и будет элементом эластичного пара, но расстояние $c d$ между двумя однородными пузырьками будет всегда равно диаметру $a b$, как очевидно из доказанного.

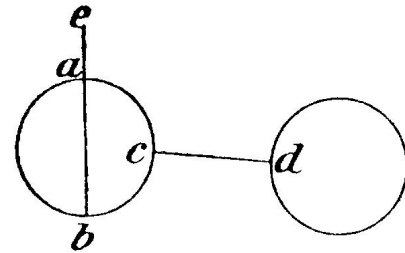
ПОЛОЖЕНИЕ XI

Установить природу воздуха и причину его эластичного начала.

Воздух — это эластичная жидкость²², почти в тысячу раз легче воды, чья расширительная сила пропорциональна теплу и чье расширение от [точки] холода замерзающей воды вплоть до точки [ее] кипения при том же весе атмосферы равно около $\frac{1}{3}$ от объема, соответствующего предшествующей степени [его тепла]. В этих явлениях нет ничего [того], что также не соответствовало бы парам [жидкостей], исключая только одно: пары большей частью при той же степени холода, при которой воздух сохраняет [свою] полную эластичность, уплотняются и не несут в себе никакого признака расширительной силы. Но если [ты, читатель,] рассмотришь тонкость оболочки пара как одну из составляющих причины, чтобы [воздух] мог обнаруживать заметную эластичность даже при меньшей степени тепла, [то] очевидно, что не должно тотчас тут опрометчиво и необдуманно пренебрегать силой аналогии, но скорее нужно сделать попытку вывести два рода из [одного и] того же принципа, чтобы мы могли избежать умножения избыточных сущностей.

²² В современной науке понятию «эластичная жидкость» соответствует термин «газ».

No. 4.

[Рис. 12]

puncta, vi repulsiva aetheris vim attractivam aequiparante, si ipsis liberum foret se dilatandi, iuxta se quiescerent. In hoc ergo statu bullula expansionem affectabit, et erit elementum vaporis elastici, duarum autem bullularum homogenearum distantia $c d$ erit semper diametro $a b$ aequalis, ut ex demonstratis patet.

PROP. XI.

Naturam aeris et principii in ipso elastici causam indagare.

Aër est fluidum elasticum, millies fere aqua levius, cuius vis expansiva calori est proportionalis, et cuius a frigore congelascentis aquae usque ad punctum ebullitionis sub eodem pondere atmosphaerae expansio est circiter $\frac{1}{3}$ voluminis posteriori gradu ipsi competentis. Haec phaenomena nihil habent, quod non vaporibus etiam competere possit, praeter hoc solum, quod vapores ut plurimum eodem frigoris gradu, in quo aër elasticitatem illibatam servat, consolidentur et vis expansivae nullum indicium prae se ferant. Ast si consideraveris, subtilitatem cuticulae vaporis in causa esse, ut vel minori caloris gradu elasticitatem notabilem exserere possit, patet non statim analogiae vim hic inconsiderate et temere deserendam esse, sed periculum potius faciendum, utrumne duo genera ex eodem principio deducentes nimia entium multiplicatione supersedere possimus. Phaenomena vero, quae coniecturae facem praeferunt, sunt sequentia.

Явления, которые проливают свет²³ на наше предположение, суть следующие. Все тела, которые спрелись путем прибавления мельчайших частиц посредством находящегося внутри [них] маслянистого или соляного начала (например, все растения, винный камень, камни [из мочевых пузырей] животных, затем многочисленные виды солей, в особенности селитра), испускают огромное количество эластичного воздуха, если [на них] напирает сильный огонь, как нас обучил удивительными экспериментами Хейлс в «Статике растений»²⁴. Установлено, что этот присоединенный воздух — немалая часть твердой материи: [он] составил в роге оленя $\frac{1}{7}$, в дубовой древесине почти $\frac{1}{3}$, в [винном] камне рейнского вина $\frac{1}{3}$, в селитре $\frac{1}{8}$, в камне [из мочевых пузырей] животных, то есть в камешке [из мочевого пузыря] человека, больше чем $\frac{1}{2}$ всей массы. Само собой очевидно, что воздух, извлеченный из этих вот тел силой огня, пока был частью массы [этих тел], не имел еще природы воздуха, то есть не тек [как] жидкость с эластичностью, пропорциональной своей плотности, ибо [он] силой даже умеренного тепла, расширившись с неустойчивым усилием в большее пространство, [AA 01, S. 382] разрушил бы всю сплоченность тела. Таким образом, материя, которая [прежде] не была эластичной, изгнанная из промежутков тела, демонстрирует эластичность, как только сделалась свободной. Ибо действительно такова природа паров, что [они] обнаруживают эластичную силу, когда оторваны от массы, с которой [прежде] были объединены. Конечно, должно если не решительно утверждаться, то с большим подобием истине устанавливаться, что воздух есть не что иное, [как] лишь этот пар, рассеянный телами, который, после того как доведен до предельной тонкости, легко выделяется какой угодно степенью тепла и демонстрирует мощную эластичность.

Действительно, существуют многие значительные²⁵ [факты], которые укрепляют меня в этом мнении. Ведь почему воздух при сжигании выгоняется только из тех тел, которые содержат в себе немало масла, а также и кислоты? Разве кислота не есть эффективнейшее и мощнейшее начало, чтобы сгущать эфир своим притяжением, как прежде [я] ясно показал²⁶? Разве не является это начало для этих сгущенных тел связующей основой, как клей (ибо [оно есть] настоящий магнит для эфирной материи, уплотня-

²³ Если перевести дословно, то «несут впереди факел» (*facem praeferunt*).

²⁴ Кант ссылается здесь на опыты Стивена Хейлса, описанные им в книге «Статика растений» (гл. VI), см.: (Hales, 1727, p. 155—317). У Канта немецкий перевод этой книги был в личной библиотеке, см.: (Warda, 1922, S. 28).

²⁵ Дословно: не пролетарские (*nec proletaria*).

²⁶ Как сообщает Бек, кислота в середине XVIII в. считалась действующим началом в маслах, поэтому Кант думал, что он уже показал это в Положении VIII (Kant, 2012, p. 714).

Corpora omnia, quae ex appositione particularum minimarum mediante oleoso s. salino principio coaluerunt, e.g. omnes plantae, tartarus vini, calculus animalis, praeterea plurima salium genera, praesertim nitrum, immensum quantum emittunt aeris elastici, si igne valido urgentur, sicut Hales in Statica¹⁵ plantarum miris nos experimentis condocuit. Hic aër haud exigua solidae, quicum coniunctus erat, materiae pars esse reperiuntur est; in cornu cervi $\frac{1}{7}$, in ligno quercino fere $\frac{1}{3}$, in tartaro vini Rhenani $\frac{1}{3}$, in nitro $\frac{1}{8}$, in tartaro animali h. e. calculo hominis plus quam $\frac{1}{2}$ totius massae constituit. Per se patet, aërem ex hisce corporibus vi ignis eductum, quamdiu pars massae fuit, aëris nondum naturam habuisse, h. e. non fuisse fluidum, elasticitate densitati suae proportionali pollens; quippe vel mediocris calor vi in maius spatium incoercibili conatu expansum [AA 01, p. 382] omnem corporis compagem solvisset. Adeoque ex interstitiis corporis expulsa materia, quae non fuit elastica, vix libera facta elasticitatem prodit. Cum vero idem sit ingenium vaporum, ut, ubi divulsi sint a massa, cui fuerunt adunati, vim elasticam exserant, certe si non asseverate affirmandum, tamen magna cum verisimilitudine statuendum erit, aerem non aliud esse nisi vaporem illum corporibus solutum, qui, postquam ad summam subtilitatem redactus est, cuilibet caloris gradui facile cedit et validam prodit elasticitatem.

Sunt vero haud pauca nec proletaria, quae me in hac sententia confirmant. Etenim cur ex corporibus solis, quae olei atque adeo acidi haud parum in se continent, ustulando expellitur aër? Nonne acidum actuosissimum et validissimum ad aetherem constringendum attractione sua est principium, ut antea sub oculos posui? Nonne hoc principium corporum illorum concretorum vinculum est et veluti gluten? (quippe aetherae materiae, omnia corpora constringentis, verus magnes) et ubi acidum hoc ab artissima cum materia adunatione vi ignis ingenti aegre est expulsum, putasne in subtilissima divisum cuticula discedere oportere? Hocque pacto quid est, quod ambi-

¹⁵ Cf. Hales, 1727, p. 155-317.

ющей все тела)? И как только эта кислота огромной силой огня с трудом изгнана из теснейшего соединения с материей, [читатель, ты] не думаешь, что выделенному [веществу] надлежит распасться на тончайшие оболочки? И при этом условии, что [ты, читатель,] сомневаешься, что эластичная жидкость устроена таким образом, что даже при минимальных степенях тепла [она] легко расширяется, но при возросшем в какой угодно степени холоде (поскольку он никогда не изгоняет все тепло) не сгущается и не может лишиться эластичности? Следовательно, здесь совершенно нет трудности, присущей водяным парам (что они конденсируются при незначительном холоде), которая была для Хейлса²⁷ причиной выставлять [перед читателями] вытесненный воздух под именем материи, отличной по [своей] природе от всего рода паров. И потому физикам предлагается мнение, достойное их более обстоятельного исследования: не является ли воздух тончайшим испарением распространенной во всей природе кислоты, проявляющим эластичность при какой бы ни было маленькой степени тепла.

Конечно, на этом основании легко видеть, отчего селитра, сожженная мощным огнем, производит столь огромное изобилие эластичного воздуха, ибо тончайшая кислота, отделенная от более плотной части [селитры] и обращенная в легчайший пар, будет самым воздухом. Равным образом легко находится, почему материи, которые наипорнейше сопротивляются огню, выделяют и испускают огромнейшее количество воздуха (например, почему [винный] камень рейнского вина производит [его даже] больше селитры): они при очень долгом и сильном сопротивлении [огню] выпускают кислоту, ранее удерживаемую [в них] сжатием их [элементов]. Эта [кислота] отторгается от них в форме тончайших оболочек, чтобы [она] могла создать эластичное [тело], настолько подвижное, как воздух; напротив, пар, который извлекается из них более обильно, выходит и более толстым, не могущим проявлять никакой эластичности при усилившемся холоде.

Барометрические наблюдения согласуются с гипотезой

Также из этой гипотезы становится очевидным такое, по общему мнению, с трудом объяснимое природное свойство воздуха на большей высоте. Ведь, по свидетельству Записок Королевской Парижской Академии Наук, Маральди, Кассини²⁸ и другие открыли, что закон Мариотта о давлении воздуха, пропорциональном приложенному весу, [AA 01, S. 383] утрачивает силу на больших высотах. Ибо они открыли

²⁷ См. опыты № 76, 87 и 99 (Hales, 1727, p. 182–183, 202–203, 222–232).

²⁸ Кант ссылается на статью Джованни Кассини и Джакомо Филиппо Маральди (Cassini, Maraldi, 1705).

gas tali ratione fluidum elasticum constituere, vel ad minutissimos caloris gradus ad expansionem mobile neque, aucto quantumvis frigore (utpote qui nunquam omnem exterminat calorem), crescens et elasticitate spoliandum? Ergo quae aqueos vapores premit difficultas, ut exiguo frigore coagulentur, quaeque Halesio¹⁶ causa fuit, aërem expulsum nomine materiae ab omni vaporum natura toto genere diversae venditandi, ea hic plane cessat. Ideoque physicis accuratiori indagine dignissima sese offert sententia, utrumne aer non sit nisi acidi per omnem rerum naturam disseminati subtilissimus halitus, caloris quantumlocunque gradu elasticitatem testans.

Certe, hisce fundamenti loco substratis, facile videre est, cur nitrum, igni valido tostum, adeo ingentem reddat elastici aëris copiam, quippe subtilissimum acidum, a parte crassiore divisum, in tenuissimum vaporem redactum, fit ipse aër. Pariter proclive est, cur, quae igni pertinacissime resistunt materiae, maximam largiantur et emittant aëris copiam, e. g. cur tartarus vini Rhen. plus nitro reddat, quippe, quae tardissime et magno renisu acidum, amplexibus suis conclusum, missum faciunt materiae, ab iis etiam hoc in subtilissimae cuticulae forma divellitur, ita ut constituere possit elasticum adeo mobile, quale aër est, cum contra, e quibus largior educitur vapor, etiam crassior prodeat, qui frigore aucto nihil praestare potest elasticitatis.

Observationum barometricarum cum hypothesi consensus

Ex hac hypothesi etiam perspicuum fit vix explicabile illud e communi sententia aëris in maiori altitudine ingenium. Reppererunt enim Maraldus, Cassinus¹⁷ alique ex testimonio Monum. Ac. R. Sc. Paris., legem Mariottianam circa compressionem aëris ponderi incumbenti proportionalem, in altiori elevatione [AA 01, p. 383] deficere. Quippe minorem ibi aëris densitatem reppererunt, quam quae cum inferioris pondere

¹⁶ Cf. Hales, 1727, p. 182-183, 202-203, 222-232.

¹⁷ Cf. Cassini, Maraldi, 1705.

там меньшую плотность воздуха, чем [та], которая должна следовать по этому закону, будучи сопоставлена с весом [воздуха] с более низкого уровня. Из этого ясно, что высотный воздух состоит не из частичек одного и того же рода, однако менее сжатых, но из более легких по своей специфике элементов, ибо, чтобы удерживать тот же вес, им требуется больший объем при том же давлении. Итак, поскольку природа субстанции воздуха была бы столь разной на разных высотах, что в других случаях не обнаруживается нигде на земле в элементах одного и того же рода, ясно, что этот [высотный воздух] — не какой-то отделенный подвид элемента [воздуха], а форма, в которой должен пребывать другой элемент. Очевидно, как я думаю, что [так] обнаруживает себя кислотная жидкость. С этой точки зрения не удивительно, что если иные частицы такого пара тяжелее других (в зависимости от разной толщины оболочки), то более легкие [из них] будут занимать высочайшее место.

ПОЛОЖЕНИЕ XII

Дать объяснение природе пламени из утверждений нашей теории.

1. Природа

Особая, по сравнению с родом других огней, природа пламени такова.

Никакое тело не пылает, кроме как на поверхности; и топливо пламени — это масло и даже кислота, упомянутое наидейственнейшее начало, чтобы способствовать эластичному движению.

Пламя есть не что иное [как] пар, доведенный вплоть до такой степени огня, чтобы [он] заискрился пыльным светом и прекратился разве лишь с недостатком топлива. Действительно, у пламени есть такие [характеристики], которые делают его полностью отличным от всех других родов огня: 1) Что, когда тепло, сообщенное какому угодно нагреваемому телу, в соответствии с общим законом природы, понемногу при передаче рассеивается, пламя, наоборот, от малейшего начала приобретает неимоверную и никакими пределами, пока достаточно топлива, не ограниченную силу. 2) Что огонь, который может получаться при нагревании какой-то воспламеняющейся материи, и также от кипения, будет намного уступать тому [огню], который образуется при [ее] сжигании. 3) Что [пламя] испускает свет, когда [как] другие рода тел, кроме металлов, нагретые до какой угодно степени, все же не светятся.

2. Исследование причины

Действительно, если [я] правильно полагаю, основание этих явлений таково. Пламя состоит [из] раска-

collata secundum legem illam consequi debuerit. Ex quo patet, aërem superiorem constare non particulis eiusdem generis, at minus compressis, sed elementis in se specificè levioribus, quippe quarum sub eadem compressione maius volumen ad idem pondus praestandum requiritur. Cum itaque aëris adeo in diversis altitudinibus diversa sit substantiae natura, quam nullibi alias in elementis eiusdem generis ubivis terrarum reperitur, patet, illum non separatim quoddam elementi genus, sed formam, qua aliud elementum, nempe, ut arbitror, humor acidus, semet manifestat, habendum esse; quo posito mirum non est, aliae vaporis talis particulae (pro cuticulae diversa crassitie) sint aliis graviores, et leviores altissimum locum occupent.

PROP. XII.

Naturam flammae ex assertis theoriae nostrae explicatam reddere.

1. Natura

Flammae prae ceterorum ignium genere singularis natura haec est.

Nullum corpus nisi in superficie ardet flammaeque alimentum est oleum atque adeo acidum, actuosissimum illud motui elastico inserviendi principium.

Flamma non est nisi vapor ad eum usque ignis gradum perductus, ut vivida luce coruscet et non nisi inopia alimenti desinat. Haec vero sunt in flamma, quae ipsam ab alio omni ignis genere toto coelo diversam faciunt. 1) Quod, cum calor corpori cuius calefaciendo inductus secundum communem naturae legem communicatione sensim diminuatur, flamma e contrario ex minutissimo principio incredibilem et nullis limitibus, dummodo pabulum non deficiat, circumscriptam acquirat vim. 2) Quod, qui materiae cuidam inflammabili incalescendo ingeri potest usque ad ebullitionem ignis, multo inferior sit eo, quem deflagando exercet. 3) Quod lucem spargat, cum praeter metalla cetera corporum genera, quantumvis calefacta, lucis tamen expertia maneant.

ленного пара, и не вся твердая масса тела обращается в пламя, но [оно], собственно говоря, горит [своей] поверхностью. Действительно, так как пар имеет больше всего поверхности и меньше всего силы, чтобы удерживать при сжатии своих [элементов] материю огня, очевидно, что волнообразное движение, воспринятое от наилегчайшего начала, не только легко распространяется [в паре], но также может постепенно передаваться с одинаковой интенсивностью другой горючей материи, сколь много ее бы ни было. Однако ведь на первый взгляд кажется, будто это явление противоречит первому правилу механики (что действие всегда [AA 01, S. 384] равно причине). Но если бы [ты, читатель,] поразмыслил, что первое действие даже мельчайшей искорки при разведении пламени не производит не что иное, как только приводит в волнообразное движение своего огненного элемента мельчайшую частичку горючего пара, [а] когда [эта частичка], которая удержана слабее, от большего усилия освобождается и совершает вибрации, равномерно рассеивающиеся вокруг при дрожании, [то ее] движение распространяет силу (violentiam) через всю массу [горючего вещества]. Также, [читатель,] не удивляйся, что действие незначительной причины здесь увеличивается в огромное множество [раз]²⁹, ибо освобождаясь от уз притяжения эластичность заключенного [в горючем теле] эфира оказывает при этом условия действия, которые не воспринимают действие зажигающего огонька словно причину в собственном [то есть механическом] значении. Ведь эти [действия] весили бы в собственном [то есть механическом] смысле вследствие притяжения масла, [а в данном случае] разделение заключенной в нем тончайшей материи создает само себе запас сил для высвобождения с громадной необузданной силой. Далее пар из-за более сильных вибраций при более действенном волнении настолько свободной эфирной эластичности и из-за извергнутой при этом условии огненной материи образовал жидкость, чтобы лучше, чем прочие огненные тела, как нагревать тела, так и рассеивать свет.

Заключение

Однако [я] уже полагаю конец едва начатой небольшой работе. Я дольше не задерживаю здесь мужей, занятых более тяжелыми обязанностями, [и] уверяю это, какое бы ни было, сочиненьице и одновременно себя самого снисходительной воле, а также благоволению Высочайшего Факультета Философии.

²⁹ Бек отмечает, что по вопросу, как маленькое пламя может разжечь большой огонь без нарушения начала механики о равенстве причины и действия, в 1738 г. Парижской академией наук был объявлен конкурс на премию (Kant, 2012, p. 714). Среди тех, кто дали деньги на его проведение, был Вольтер, а победителем стал Эйлер. Кант в своем объяснении следует взглядам Эйлера. Подробнее см.: (Adickes, 1925, S. 67–68).

2. Causae investigatio

Ratio vero horum phaenomenorum, si recte sentio, haec est. Flamma constat vapore ignito neque massa corporis solida in flammam tota vertitur sed superficies proprie flagrat. Vapor vero cum superficiei quam plurimum et renitentia ad arcendam intra suos amplexus ignis materiam quam minimum habeat, apparet, quod motum undulatorium a levissimo principio conceptum non solum facillime propagare, verum etiam alii materiae inflammabili, quantaquanta ea sit, pari intensitate sensim communicare possit. Etenim quanquam primo obtutu hoc phaenomenon contra primam mechanicae regulam, quod effectus semper [AA 01, p. 384] sit aequalis causae, videatur offendere, tamen si pensitaveris, primam vel minimae scintillulae ad flammam excitandam sollicitationem nihil aliud agere, quam quod particulam minimam inflammabilis vaporis in motum undulatorium elementi sui ignei concitet; quod cum leviter coërcitum magno conatu se liberet, et vibrationes peragat, circumfusas pariter concitando violentiam motus per totam massam propagat. Neque mireris, effectum parvulae causae hic immensum quantum augescere, quippe elateria aetheris conclusi se retinaculis attractionis liberantia praestant hoc pacto effectus, qui sollicitationem accendentis flammulae proprie non tanquam causam agnoscunt; pendent enim proprie ab attractione olei, cuius subtilissima divisio materiae conclusae semet magna violentia expediendi copiam fecit. Porro vapor constituit fluidum, propter elastici aetheri non adeo cohibiti liberiores vibrationes in undulando efficacius et propter eiaculatam hoc pacto materiam igneam tam calefaciendis corporibus, quam spargendo lumini ceteris ignitis corporibus aptius.

Conclusio

Verum opellae vix inchoatae
iam coronidem impono. Non diutius
morum Viros officiiis gravioribus districtos hoc,
quicquid est, opusculi
meque ipsum simul propensae voluntati
atque benevolentiae
Amplissimae Facultatis Philosophicae
commendans.

Список литературы

Декарт Р. Первоначала философии // Собр. соч. : в 2 т. / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 297–422.

Ньютон И. Оптика, или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / пер. с 3-го англ. изд. 1721 г. С.И. Вавилова ; изд. 2-е, просм. Г.С. Ландсбергом. М. : Гос. изд. технико-теоретической литературы, 1954.

Adickes E. Kant als Naturforscher. Berlin : De Gruyter, 1925. Bd. 2.

Amontons G. Le thermomètre réduit à une mesure fixe et certaine, et le moyen d'y rapporter les observations faites avec les anciens thermomètres // Mémoires de l'Académie Royale des Sciences. P., 1703. P. 50–56.

Boerhaave H. Elementa chemiae. Lugduni Batavorum : apud Isaracum Severinum, 1732. Vol. 1.

Cassini J., Maraldi G.F. Sur les règles de la condensation de l'air // Mémoires de l'Académie Royale des Sciences. P., 1705. P. 61–74.

Des-Cartes R. Principia philosophiae. Amsterdami : apud Ludovicum Elzevirium, 1644.

Esperienze intorno alla compressione dell'acqua // Saggi di naturali esperienze fatte nell'Accademia del Cimento sotto la protezione del Serenissimo principe Leopoldo di Toscana, e descritte dal segretario di essa Accademia. Firenze : G. Cocchini all'Infegna della Stella, 1666. P. 197–205.

Euler L. Nova theoria lucis et colorum // Opera omnia. Ser. 3 : Opera physica; Miscellanea; Epistolae, vol. 5 : Commentationes opticae / ed. D. Speiser. Basileae : Birkhäuser, 1962. P. 1–45.

Fahrenheit D. G. Experimenta circa gradum caloris liquorum nonnullorum ebullientium instituta // Philosophical Transactions giving some Account of the Present Undertakings, Studies, and Labours of the Ingenious, in many considerable parts of the World [= Philosophical Transactions of the Royal Society of London]. Vol. 33, no. 381. L. : W. & J. Innys, 1724. P. 1–3.

Hales S. Vegetable Staticks, or, An Account of some Statical Experiments on the SAP in Vegetables: Being an Essay towards a Natural History of Vegetation. L. : W. & J. Innys, 1727.

Hire de la G. Sur la condensation et dilatation de l'air // Mémoires de l'Académie Royale des Sciences. P., 1705. P. 144–146.

Kant I. Succinct Exposition of some Meditations on Fire // Kant I. Natural Science / ed. by E. Watkins; transl. by L. W. Beck, J. B. Edwards, O. Reinhardt, M. Schönfeld and E. Watkins. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 309–326.

Monnier le P.C. Observations d'histoire naturelles faites dans les provinces méridionales de France pendant l'année 1739 // Cassini de Thury C.-F. La Méridienne de l'Observatoire royal de Paris, vérifiée dans toute l'étendue du royaume par de nouvelles observations; Suite des Mémoires de l'Académie Royale des Sciences. Année 1740. P. : H.-L. Guérin & L. Guérin, 1744. P. 111–235.

Newton I. Optice: sive de Reflexionibus, Refractionibus, Inflexionibus & Coloribus Lucis. Latine reddidit S. Clarke. Londini : S. Smith & B. Walford, 1706.

References

Accademia del Cimento, 1666. Esperienze intorno alla compressione dell'acqua. In: *Saggi di naturali esperienze fatte nell'Accademia del Cimento sotto la protezione del Serenissimo principe Leopoldo di Toscana, e descritte dal segretario di essa Accademia*. Firenze: G. Cocchini all'Infegna della Stella, pp. 197-205.

Adickes, E., 1925. *Kant als Naturforscher*. Bd. 2. Berlin: de Gruyter.

Amontons, G., 1703. Le thermomètre réduit à une mesure fixe et certaine, et le moyen d'y rapporter les observations faites avec les anciens thermomètres. *Mémoires de l'Académie Royale des Sciences 1703*, pp. 50-56.

Boerhaave, H., 1732. *Elementa chemiae*. Volume 1. Lugduni Batavorum: apud Isaracum Severinum.

Cassini, J., Maraldi, G.F., 1705. Sur les règles de la condensation de l'air. *Mémoires de l'Académie Royale des Sciences 1705*, pp. 61-74.

Des-Cartes, R., 1644. *Principia philosophiae*. Amsterdami: apud Ludovicum Elzevirium.

Descartes, R., 1982. *Principles of Philosophy*. Translated, with explanatory notes, by V.R. Miller and R.P. Miller. Dordrecht, Boston and London: Kluwer Academic Publishers.

Euler, L., 1962. *Nova theoria lucis et colorum*. In: *Opera omnia. Ser. 3: Opera physica; Miscellanea; Epistolae, volume 5: Commentationes opticae*. Ed.: David Speiser. Basileae: Birkhäuser, pp. 1-45.

Fahrenheit, D.G., 1724. Experimenta circa gradum caloris liquorum nonnullorum ebullientium instituta. *Philosophical Transactions giving some Account of the Present Undertakings, Studies, and Labours of the Ingenious, in many considerable parts of the World* [= *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*]. Vol. XXXIII, no. 381. London: W. & J. Innys, pp. 1-3.

Hales, S., 1727. *Vegetable Staticks, or, An Account of some Statical Experiments on the SAP in Vegetables: Being an Essay towards a Natural History of Vegetation*. London: W. & J. Innys.

Hire, de la G., 1705. Sur la condensation et dilatation de l'air. *Mémoires de l'Académie Royale des Sciences 1705*, pp. 144-146.

Kant, I., 2012. *Succinct Exposition of some Meditations on Fire*. In: *Kant I. Natural Science*, edited by E. Watkins, translated by L. W. Beck, J. B. Edwards, O. Reinhardt, M. Schönfeld and E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 309-326, 713-714.

Monnier, le P.C., 1744. Observations d'histoire naturelles faites dans les provinces méridionales de France pendant l'année 1739. In: C.-F. Cassini de Thury, 1744. *La Méridienne de l'Observatoire royal de Paris, vérifiée dans toute l'étendue du royaume par de nouvelles observations; Suite des Mémoires de l'Académie Royale des Sciences. Année 1740*. Paris: H.-L. Guérin & L. Guérin, pp. 111-235.

Newton I. *Opticks: or, A Treatise of the Reflections, Refractions, Inflexions and Colours of Light*. 2nd ed., with additions. L. : W. & J. Innys, 1718.

Newton I. *Optice: sive de Reflexionibus, Refractionibus, Inflexionibus & Coloribus Lucis*. Latine reddidit S. Clarke. Editio Secunda, auctior. Londini : G. & J. Innys, 1719.

Secondat de J.-B. Expériences sur le terme de la glace, le degré de chaleur du plomb fondant, celui de l'eau, de l'esprit de vin, du mercure bouillant faites au Pic-de-Midi en 1743. & 1746. Remarque sur les Thermomètres // Secondat de J.-B. *Observations de physique et d'histoire naturelle sur les eaux minérales de Dax, de Bagnères, & de Barèges, sur l'influence de la pesanteur de l'Air dans la chaleur des liqueurs bouillantes & dans leur congélation. Histoire de l'Électricité*, &c. P. : Huat & Moreau, 1750. P. 75–112.

Warda A. Immanuel Kants Bücher. Berlin : M. Breslauer, 1922.

О переводчике и авторе комментариев

Сергей Валентинович Луговой, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

Для цитирования:

Кант И. Об огне. Магистерская диссертация. Пер. с лат., предисл. и коммент. С. В. Лугового // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 2. С. 73–95. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-4

Newton, I., 1706. *Optice: sive de Reflexionibus, Refractionibus, Inflexionibus & Coloribus Lucis*. Latine reddidit S. Clarke. Londini: S. Smith & B. Walford.

Newton, I., 1718. *Opticks: or, A Treatise of the Reflections, Refractions, Inflexions and Colours of Light*. 2nd Edition, with Additions. London: W. & J. Innys.

Newton, I., 1719. *Optice: sive de Reflexionibus, Refractionibus, Inflexionibus & Coloribus Lucis*. Latine reddidit S. Clarke. Editio Secunda, auctior. Londini: G. & J. Innys.

Secondat, de J.-B., 1750. Expériences sur le terme de la glace, le degré de chaleur du plomb fondant, celui de l'eau, de l'esprit de vin, du mercure bouillant faites au Pic-de-Midi en 1743. & 1746. Remarque sur les Thermomètres. In: Secondat de J.-B. *Observations de physique et d'histoire naturelle sur les eaux minérales de Dax, de Bagnères, & de Barèges, sur l'influence de la pesanteur de l'Air dans la chaleur des liqueurs bouillantes & dans leur congélation. Histoire de l'Électricité*, &c. Paris: Huat & Moreau, 1750, pp. 75-112.

Russian translation, preface and revision of references:

Dr Sergey V. *Lugovoy*, Associate Professor, Senior Research Fellow, Academia Kantiana, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

To cite this article:

Kant, I., 2019. *Meditationum quarundam de igne succincta delineatio...* With revised references by S. V. Lugovoy. *Kantian Journal*, 38(2), pp. 73-95. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-4>

КАНТИАНСКИЕ МОТИВЫ
В НЕЙРОНАУКЕА. Б. Макаров¹

Рец. на кн. : Бажанов В. А. Мозг — культура — социум: Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.

В фокусе внимания автора рецензируемой работы находится развитие современной нейронауки и ее влияние на когнитивные исследования и философию в целом. Изучение высшей нервной деятельности ведется довольно давно, но в результате социально-культурной революции в нейронауке значительно увеличился объем и масштаб работ в этой области. Нейронаука стала трансдисциплинарной и породила ряд новых дисциплин: от нейроэкономики и нейроинформатики до нейроэстетики и нейрофилософии. Ее результаты неизбежно скажутся (и уже сказываются) на нашем понимании познания и деятельности, а именно на том, какие церебральные процессы являются их необходимыми условиями и каковы механизмы возникновения и взаимовлияния этих предпосылок и жизнедеятельности человека. Это позволяет автору сделать весьма смелый прогноз: XXI век может пройти под знаком нейронауки, подобно тому как XX век прошел под знаком атома, причем идеи И. Канта в их современном прочтении вновь оказываются востребованными. Между тем философско-методологический анализ инновационного потенциала нейронауки отстает от роста самих исследований. Поэтому возникает необходимость проследить, как сказываются ее результаты не только на понимании конкретных форм сознания и поведения, но и в логике, эпистемологии и философии науки, на нашей концепции человека, общества, культуры. Именно в этом и заключается основная задача исследования, предпринятого В. А. Бажановым (Бажанов, 2019, с. 11; далее страницы этого издания указываются в круглых скобках).

Как показывает автор, с точки зрения нейронауки, конфигурация и функционирование нейрон-

¹ Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Самарский университет). 443086, Самара, Московское шоссе, д. 34.

Поступила в редакцию: 04.04.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-5

© Макаров А. Б., 2019.

KANTIAN MOTIVES
IN NEUROSCIENCEA. B. Makarov¹

Review: Valentin A. Bazhanov, *Brain — Culture — Society: Kantian Programme in Cognitive Science*. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", 2019, 288 pp.

The author of the book under review focuses on the development of modern neuroscience and its impact on cognitive science and philosophy in general. The study of higher nervous activity has a fairly long history. However, the socio-cultural revolution in neuroscience has greatly increased the volume and scope of the work in this field. Neuroscience has become transdisciplinary, spawning a whole range of new disciplines from neuroeconomics and neuroinformatics to neuroaesthetics and neurophilosophy. Its results will inevitably have a serious impact (which is already evident) on our understanding of cognition and activity, specifically what cerebral processes provide the necessary conditions and what are the mechanisms of the emergence and mutual influence of these prerequisites and human activity. All this enables the author to make a bold prediction: just as the twentieth century was the century of the atom, the twenty-first century may be the century of neuroscience, with the ideas of Immanuel Kant in their modern interpretation becoming newly relevant. Meanwhile the philosophical and methodological analysis of the innovative potential of neuroscience lags behind the actual research. This prompts the need to trace the impact of its results not only on the understanding of concrete forms of consciousness and behaviour, but also on logic, epistemology and the philosophy of science, our concepts of man, society and culture. This is the main purpose of Bazhanov's work (Bazhanov, 2019, p. 11; elsewhere the pages of this book will be indicated in round brackets).

The author demonstrates that from the viewpoint of neuroscience, the configuration and

¹ Samara National Research University. 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia.

Received: 04.04.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-5

© Makarov A. B., 2019.

ных комплексов существенно влияют на понимание когнитивных процессов. Более того, нейронные комплексы определяют особенности познавательной деятельности на индивидуальном уровне, уровне социальных групп и общества в целом. Это позволяет говорить о непреходящем значении идей Канта об априорных условиях познания, интерпретируемых в контексте современных научных представлений, и о соответствии, по мнению ведущих ученых в области нейронауки, «революции в культурной нейронауке... духу кантианской программы» (с. 81). Предлагаемый в книге В. А. Бажанова подход состоит в том, что, по сравнению с кантианской или лоренцевской программой, априорные когнитивные структуры исследуются в горизонте более общих условий их генезиса, функционирования и развития. Мозг уже не неизменный орган сознательной ориентации в мире. Его тонкая структура и функционирование оказываются напрямую связанными с исторически развивающимися формами деятельности, общества и культуры; именно их взаимодействие формирует в конечном счете наши познавательные способности. Это уже не кантовский трансцендентальный априоризм, понимаемый в традиционном ключе, и даже не лоренцевская биоэволюционная эпистемология, а скорее культурно-исторический подход, обогащенный современной интерпретацией «кантианской программы в нейронауке», который автор называет точнее: концепция биокультурного со-конструктивизма.

Методологическим основанием исследования, проведенного В. А. Бажановым, является принцип деятельности. Деятельностный подход, считает автор, далеко не исчерпал своих возможностей. Другое дело, что он должен обогащать свое содержание вместе с развитием когнитивных наук. Его новая форма может быть определена как «*деятельностный трансцендентализм*». Это означает усиление акцента на деятельности в поиске источников тех или иных форм мышления. Такое истолкование деятельностного подхода должно учитывать предзаданные особенности церебральных процессов и обратное влияние культуры на них. Культура мягко детерминирует не только социально-групповые и онтогенетические стереотипы психики и мышления, но даже физиологию человека, включая биохимию мозга и генетическую комбинаторику. Идея коэволюции генома человека и культуры ориентирует ученых на анализ тесной связи двух ипостасей человека — природной и социально-исторической, на признание конструктивной роли этих представлений в исследовании когнитивно-рефлексивных механизмов деятельности.

functioning of neuron complexes is essential for understanding cognitive processes. Moreover, neuron complexes determine the features of cognitive activity in the individual, social groups and society as a whole. This provides grounds for asserting the intransient value of Kant's ideas on *a priori* conditions of cognition interpreted in the context of modern scientific ideas and warrants the claim of leading neuroscientists that "the revolution in cultural neuroscience (corresponds) [...] to the spirit of the Kantian research programme" (p. 81). Bazhanov's approach differs from the programmes of Kant or Lorenz in that it examines *a priori* cognitive structures in a broader perspective of their genesis, functioning and development. The brain is no longer seen as an unchangeable organ of conscious orientation in the world. Its complicated structure is directly linked with historically developing forms of activity, society and culture; it is their interaction that ultimately forms our cognitive abilities. This is not Kantian transcendental apriorism in its traditional interpretation, nor is it Lorenz's bio-evolutionary epistemology; rather, it is a cultural-historical approach enriched by the modern interpretation of the "Kantian research programme in neuroscience" which the author more precisely defines as the concept of bio-cultural co-constructivism.

The methodological foundation of Bazhanov's study is the principle of activity. The author believes that the activity-based approach still has great untapped potential. There is no doubt that it should enhance its content even as cognitive sciences develop. Its new form can be defined as "*activity type transcendentalism*". This places greater emphasis on the search for the sources of various forms of thought. Such interpretation of the activity approach must take into account pre-existing features of cerebral processes and the reciprocal influence of culture on these processes. Culture softly determines not only social group and ontogenetic stereotypes of mentality and thought, but even man's physiology, including brain biochemistry and genetic combinatorics. The idea of co-evolution of the human genome and culture stimulates scientific analysis of the close link between man's two hypostases: the natural and the socio-historical, and of the constructive role of these ideas in the study of cognitive-reflexive mechanisms of activity.

Как объяснительный принцип, «деятельностный подход предполагает, что знание необходимо анализировать под углом зрения порождающих его структур (включая нейробиологические) и особенностей социокультурной деятельности субъекта познания» (с. 40). Деятельности здесь придается особый онтологический статус — более фундаментальный, чем имеют единичные объекты и их системы.

В. А. Бажанов подвергает существенной модификации и концепт «трансцендентальный субъект». Введение данного понятия в свое время позволило преодолеть образы «гносеологической робинзонады», коренившиеся в убеждении о суверенности и самодостаточности индивидуального разума и доминировавшие в предшествующей философии. Но и само оно существенно ограничено и требует пересмотра с учетом результатов, полученных в последнее время нейронаукой.

Трансцендентальный субъект до начала революции в нейронауке понимался как абсолютный субъект в том смысле, что его свойства универсальны, неизменны и не зависят от его носителей — конкретных людей, мыслящих лишь постольку, поскольку они причастны к этому надындивидуальному бытию мышления. Сам человек биологически не меняется, его физиология (и церебральная деятельность) та же, что и у его предков. В этом состоит природа трансцендентального субъекта, существующего вне каких-либо социокультурных реалий. Если же эти реалии действуют на индивида, то лишь внешне, искажающим его подлинную сущность образом.

В наше время становится очевидным, что субъект любого уровня (от индивидуального до человечества в целом) историчен и детерминируется нейробиологией, культурой и собственной деятельностью, которые определяют его познавательные способности. Поэтому необходимо учитывать, что априорные когнитивные схемы, через призму которых субъект воспринимает и анализирует окружающий его мир, не произвольны. Они и его психика формируются нейронными комплексами, закрепленными генетически и модифицированными эпигенетически, а также его прошлой и нынешней деятельностью, которая осуществляется в ходе исторического процесса развития общества и культуры.

Новая интерпретация субъекта познания в духе деятельностного трансцендентализма дается автором «в виде принципа относительности субъекта познания к его социокультурному и биологическому происхождению, ареалу деятельности и генетической предрасположенности, корректируемой особенностями истории его жизни» (с. 39). Такая

As an explanatory principle, the “activity approach implies that knowledge should be analysed from the angle of the structures that generate it (including neurobiological ones) and the features of the cognising subject’s socio-cultural activity” (p. 40). A special ontological status is thus conferred on activity, a status more fundamental than that of single objects and their systems.

Bazhanov also substantially modifies the concept of “transcendental subject”. In its time the introduction of this concept made it possible to challenge the “epistemological Robinsonade”, i.e. the prevailing belief that the individual reason is sovereign and self-sufficient. Yet that concept in turn has serious limitations and needs to be revised in the light of the recent results of neuroscience progress.

Before the neuroscience revolution the transcendental subject was perceived as an absolute subject, meaning that its properties are universal, immutable and do not depend on the concrete people who think only inasmuch as they are involved in the supra-individual being of thought. Man does not change biologically, his physiology (and cerebral activity) is the same as that of his ancestors. Herein lies the nature of the transcendental subject that exists outside any socio-cultural realities. If these realities act upon the individual they do so only with external distortion to his genuine essence.

In our time it is becoming evident that the subject of any level (from the individual to humanity as a whole) is historical and is determined by neurobiology, culture and the subject’s own activity which determine his cognitive abilities. It has to be borne in mind therefore that the *a priori* cognitive schemes through whose prism the subject perceives and analyses the surrounding world are not arbitrary. They, like his psyche, are formed by neuron complexes established genetically and modified epigenetically, as well as by his past and present activity in the course of the historical process of the development of society and culture.

The author presents the new interpretation of the subject of cognition in the spirit of activity-based transcendentalism “as the principle of the relatedness of the subject of cognition to its socio-cultural and biological origin, the area of activity and genetic predisposition modified by the features of his life history” (p. 39). This is not the same as asserting the

позиция не означает утверждения субъективности познания. Напротив, доля объективности в познании повышается, поскольку оно совершается в ходе деятельности реального человека в реальном мире и основано на предпосылках, которые определены его опытом, то есть длительной историей его взаимодействия с миром.

Смысловое ядро, концептуальное содержание авторской позиции эксплицируется в главе с выразительным названием «Социум и мозг: концепция биокультурного со-конструктивизма». В сложном эволюционно-биологическом процессе у достаточно высокоорганизованных видов организмов возникли адаптационные церебральные структуры, обеспечивающие их жизнедеятельность и выживание. Об этом писал еще К. Лоренц в знаменитой статье «Кантовская доктрина априори в свете современной биологии» (см.: Лоренц, 1997). Правда, он считал, что психика человека, как и психика животных, формируется в ходе биологической эволюции как адаптация к природной среде. Точка зрения В. А. Бажанова, разумеется, учитывает эту идею Лоренца, но идет, на мой взгляд, гораздо дальше, чем утверждение общей эволюционной судьбы *homo sapiens* и высших млекопитающих. Тем более что с некоторого времени траектории их эволюции кардинально расходятся. Современная нейронаука дает действительно научные доказательства факта существования таких врожденных нейродинамических систем. Выделяются некоторые комплексы (или модули, согласно Джерри Фодору), отвечающие, например, за ориентацию в пространстве («навигационный» модуль), распознавание небольшого количества объектов («чувство числа»), различение «своих» и «чужих». Ученые уверены, что более сложные формы организации поведения, в том числе когнитивного, возникают на базе этих относительно несложных модулей.

Но дело в том, что с самого начала человеческой истории природные факторы жизнедеятельности трансформируются и/или меняются на социальные. Социальный отбор начинает играть ведущую роль, как бы оттесняя естественный. Биологическая и социальная среды, составляющие необходимые условия жизнедеятельности человека и образующие факторы, которые детерминируют его поведение, оказываются сложно переплетенными и взаимозависимыми. Физиологические процессы нервной системы вызывают определенные состояния психики и приводят в действие социальные механизмы посредством соответствующего поведения людей. Социально-культурная ситуация реактивно запуска-

subjectivity of cognition. On the contrary, the share of objectivity in cognition increases because it occurs during the course of a real person's activity in the real world and is based on the prerequisites determined by his experience, that is, the prolonged history of his interaction with the world.

The kernel, the conceptual content of the author's position, is explicated in the chapter expressively titled "The Socium and the Brain: the Concept of Biocultural Co-Constructivism." In the complex evolutionary-biological process sufficiently highly organised species of organisms developed adaptational cerebral structures that enable them to act and survive. Konrad Lorenz wrote about this in his famous article "Kant's Doctrine of the *a priori* in the Light of Contemporary Biology" (see Lorenz, 1982). True, he believed that the human psyche, like that of animals, is formed in the course of biological evolution as adaptation to the natural environment. While Bazhanov is, of course, mindful of Lorenz's idea, he goes much further, in my opinion, than simply asserting that *homo sapiens* and the higher mammals have a common evolutionary history — especially if one keeps in mind that at a certain point their evolutionary trajectories diverge sharply. Contemporary neuroscience does provide scientific proof of the existence of such inborn neuro-dynamic systems. Some complexes (modules in Jerry Fodor's sense) have been isolated which are responsible, for example, for orientation in space (the "navigation" module), identification of a small number of objects ("a sense of number"), the distinction between "us" and "them." Scientists are sure that more complex behaviours, including cognitive behaviour, arise on the basis of relatively simple modules.

The trouble is that from the start of human history natural factors of life activity are transformed and/or replaced by social ones. Social selection begins to play the leading role, sidelining, as it were, the natural selection. The biological and social environments which constitute the necessary conditions for man's activity and form the factors that determine his behaviour, are intricately intertwined and interdependent. The physiological processes of the nervous system bring about certain mental states and actuate social mechanisms through corresponding human behaviour. The socio-cultural situation triggers in turn biochemical changes in the brain

ет биохимические изменения в мозге, которые меняют конфигурацию комплексных нейронных систем. Небиологические по своей сути условия жизненной среды в некоторых случаях способны оказывать решающее воздействие на вариационные перекомбинации генофонда человека и тем самым определять виды мозговой активности. Мозг весьма пластичен и способен в определенных границах «подстраиваться» под изменения, возникающие в результате скоординированного воздействия индивидов на окружающую среду. В итоге человек оказывает предпочтения, соответствующие социально-культурному поведению. С одной стороны, речь идет о зависимости некоторых свойств психики, включая ее когнитивную и эмоциональную компоненты, и даже социума в целом в конечном счете от архитектоники и активности мозга; с другой — о трансформации генетических систем благодаря импульсам, исходящим от получаемого опыта, перестройки природы и общественных отношений. В результате возникают цивилизационные, национально-культурные, сословно-классовые и другие различия.

Таким образом, коэволюцию генома человека и культуры нейронаука описывает в контексте «эффекта Болдуина». Генетические изменения порождают новые формы взаимодействия человека и мира. Его деятельность ведет к изменению природной и социально-культурной среды, меняет условия эволюции и порождает качественно иные факторы естественно-социального отбора. Система в целом дает возможности для появления новых путей развития человека.

Что касается отдельного организма, то здесь, если его развитие не стереотипно для больших масс людей, речь о генетических модификациях не идет. Но и в онтогенезе специфика культурного окружения и собственная деятельность человека несомненно влияют на работу его мозга посредством перестройки структурных связей, изменения удельного веса активности и функционирования тех или иных нейронных систем. Эти физиологические особенности связаны с решением конкретных практических задач и направлены на повышение «коэффициента полезного действия» психики данного человека в сфере его ответственности. Из сказанного следует утверждение онтогенетической культурно-деятельностной детерминации мозга; автор формулирует данный тезис как принцип тройной детерминации когнитивного и практического поведения субъекта: нейробиологической, культурной и деятельностной (с. 38—39). Причем на уровне как филогенеза, так и онтогенеза.

which change the configuration of complex neuron systems. In some cases essentially non-biological environmental conditions may exert a decisive influence on variational recombinations of the human genetic stock, thus determining the types of brain activity. The brain is very malleable and can, within certain limits, “adapt itself” to the changes resulting from coordinated action of individuals upon the environment. As a result, man has preferences corresponding to socio-cultural behaviour. On the one hand, the psyche, including its cognitive and emotional components, and even the socium as a whole are based in the final analysis on some features of the architectonics and activity of the brain; on the other hand, genetic systems are transformed by the impulses coming from experience, the restructuring of nature and social relations. This gives rise to civilisational, national-cultural, social estate and class differences.

Thus, neuroscience describes the co-evolution of the human genome in terms of the “Baldwin effect”. Genetic changes engender new forms of interaction between man and the world. Human activity changes the natural and socio-cultural environment and the conditions of evolution giving rise to qualitatively new factors of natural and social selection. The system as a whole may chart new paths of human development.

As regards the development of an individual organism, unless it is stereotype development of large masses of people, there is no question of genetic modifications. Yet in ontogenesis, too, the specificities of the cultural environment and the individual’s own activities undoubtedly influence brain activity by restructuring the synapses, changing the relative degrees of activity and functioning of various neuron systems. These physiological features are connected with the solution of concrete practical tasks and are aimed at increasing the efficiency ratio of a given person’s psyche in his sphere of responsibility. The above asserts ontogenetic cultural-activity determination of the brain; the author formulates this thesis as the principle of triple determination of the cognitive and practical behaviour of a subject: neurobiological, cultural and activity-based (pp. 38-39). He does this at the level of phylogenesis and ontogenesis as well.

В русле нейрофилософии, как показывает автор, рассматриваются и такие направления исследований, как нейросоциология, нейрополитология, нейротеология, нейроэтика, педагогика, музыкальное творчество и восприятие музыки. Лейтмотив кантианской программы в этих областях знаний подразумевает поиск предрасположенностей мышления, влияющих на те или иные практики, реализуемые человеком и детерминированные соответствующими нейробиологическими структурами, а также поиск путей их формирования.

В разделе, посвященном философии математики (с. 231–259), в центре внимания оказывается давний спор между реализмом («платонизм») и антиреализмом (номинализм) о природе математических объектов, модусе их бытия. Автор предлагает «третий путь» в решении данной принципиально важной проблемы. Математика с этой точки зрения не столько репрезентирует количественные и пространственные характеристики объективного мира, сколько конструирует особую реальность. Она имеет специфический онтологический статус — существует в объективно культурной форме и порождается активностью субъекта. Поэтому проблема может быть решена на основе признания тройной детерминации математических объектов и отношений со стороны внешних стимулов (репрезентируемая действительность), внутренних (физиология мозга) и самой деятельности, которая задает нормативы операций с абстрактными объектами.

Критики нейронауки упрекают ее в слабости экспериментальной базы: низкая точность и воспроизводимость экспериментов, необходимость глубоких и неоднозначных интерпретаций при их анализе и оценке, зависимость исходных установок мышления ученых от социально-культурной атмосферы. Получается, что нейронаука не соответствует критериям научности и не способна оправдать возложенные на нее надежды. Аналитические философы, занятые этой «трудной проблемой сознания», разочарованы тем, что нейронаука не дает ответа на главные вопросы: о сущности сознания и модусе существования ментальных объектов. Мне, однако, непонятно, почему нейронаука должна решать проблемы, сформулированные в другой парадигме, да еще в той весьма специфической форме, которая определена стилем мышления, принятым в этой парадигме. В. А. Бажанов вполне отдает себе отчет в трудностях, связанных с исследованиями в области нейронауки, но не видит в этом причин для разочарования. Он считает, что нейронаука

Neurophilosophy (in a broad sense), as the author shows, includes such research areas as neurosociology, neuropolitics, neurotheology, neuroethics, pedagogy, music-making and perception of music. The leitmotif of the Kantian programme in these areas of knowledge involves the search for predispositions of thought that influence various practices of man and are determined by corresponding neurobiological structures, and the search for ways of creating them.

The section devoted to the philosophy of mathematics (pp. 231-259) focuses on the age-old argument between realism (“Platonism”) and anti-realism (Nominalism) on the nature of mathematical objects and the mode of their being. The author proposes a “third way” of dealing with this fundamental problem. Mathematics, he argues, does not so much represent quantitative and spatial characteristics of the objective world as construct a special reality. This reality has a specific ontological status: it exists in an objective cultural form and is generated by the subject’s activity. Therefore, the problem can be solved by recognising triple determination of mathematical objects and relations by external stimuli (represented reality), internal stimuli (brain physiology) and activity which sets the norms of operation with abstract objects.

The critics of neuroscience point out the weakness of its experimental base: the low level of accuracy and reproducibility of experiments, the need for profound and unambivalent interpretations in their analysis and assessment, the dependence of preconceived attitudes of scientists on the socio-cultural atmosphere. In short, neuroscience does not measure up to the criteria of scientific rigour and cannot live up to the hopes that have been pinned on it. Analytical philosophers engaged with this “daunting problem of consciousness” are disappointed because neuroscience fails to answer the main questions: the essence of consciousness and the mode of existence of mental objects. I for one do not see why neuroscience should solve problems formulated in a different paradigm and, moreover, in the specific form determined by the style of thinking accepted in this paradigm. Bazhanov is aware of the challenges facing neuroscience research, but sees no reason for despondency. He believes that neuroscience shares the generic features of neoclassical and transdisciplinary science. Neu-

разделяет родовые черты, свойственные неклассической и трансдисциплинарной науке. Нейронаука основана на корреляциях между высшей нервной системой и деятельностью человека в окружающем его мире. Ее предмет — это сложная самоорганизующаяся и динамичная система. Здесь действует не классический, а вероятностный детерминизм. Особое значение приобретает полнота статистики и ее методика. Всегда существует возможность преувеличения роли врожденных структур мозга в ментальной жизни субъекта. Кроме того, требования окружающей среды (общества и культуры) могут видоизменять или менять заданные генетически и деятельностно поведенческие стереотипы. Тем не менее мы уже имеем относительно развитую эмпирическую базу и надежные результаты.

В рецензируемой книге представлен философский анализ проблем, характерных для целей, средств и методов современного уровня нейронаучных исследований. Разумеется, априорные схемы работы мозга — это еще не сам разум во всей его полноте, а скорее его необходимые условия и инструменты. Поэтому основную мысль автора, созвучную идеям Канта, лучше выразить его собственными словами: «...разум организует мир соответственно своей собственной организации, а в результате взаимодействия с внешним миром организуется сам» (с. 262).

Список литературы

Бажанов В. А. Мозг — культура — социум: Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019.

Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. 1997. № 5. С. 16–28.

Об авторе

Андрей Борисович Макаров, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (Самарский университет), Россия.

E-mail: makar.ab@mail.ru

Для цитирования:

Макаров А. Б. Кантианские мотивы в нейронауке // Кантовский сборник. Т. 38, № 2. С. 96–102. Рец. на кн.: Бажанов В. А. Мозг — культура — социум: Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-5

rosience is based on correlations between man's higher nervous system and his activity in the surrounding world. Its object is a complex self-organising and dynamic system. It is in the realm not of classical but probabilistic determinism. Reliability of statistics and its methodology are crucial. There is always a chance of exaggerating the role of the brain's inborn structures in the subject's mental life. Besides, the exigencies of the environment (society and culture) may modify or replace genetically given and behavioural stereotypes. Nevertheless, we already have a relatively developed empirical basis and some reliable results.

The book under review presents a philosophical analysis of the problems characteristic of the goals, means and methods of the modern level of neuroscience research. To be sure, *a priori* schemes of the brain's work are not yet reason in its full shape, but rather its necessary conditions and instruments. Thus the author's main message, which is consonant with Kant's ideas, would best be expressed in his own words: "...reason organises the world according to its own organisation, and organises itself through interaction with the external world" (p. 262).

References

Bazhanov, V. A., 2019. *Brain – Culture – Society: Kantian Programme in Cognitive Science*. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya". (In Rus.)

Lorenz, K., 1982. Kant's Doctrine of the *a priori* in the Light of Contemporary Biology. In: H. C. Plotkin, ed. 1982. *Learning, Development, and Culture*. Chichester: Wiley, pp. 121-143.

Translated from the Russian by Yevgenii N. Filippov

The author

Dr Andrei B. Makarov, Associate Professor, Department of Philosophy, Samara National Research University, Russia.

E-mail: makar.ab@mail.ru

To cite this article:

Makarov, A. B., 2018. Kantian Motives in Neuroscience (Rev.: V. A. Bazhanov, *Mozg – kul'tura – sotsium: Kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyakh*. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", 2019, 288 pp.). *Kantian Journal*, 38(2), pp. 96-102. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-5>

КАНТОВСКИЙ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ
В СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ
ДИСКУССИЯХ

Обзор Международного научного семинара
«Трансцендентальный поворот
в современной философии – 3»

А. А. Шиян¹, Н. Ф. Державина²,
С. Л. Катречко³

Представлен обзор Международного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии – 3: природа (специфика) трансцендентальной философии», организованного 19–22 апреля 2018 г. в Москве совместно ГАУГН, РГГУ и фондом «Центр гуманитарных исследований». Рассмотрены основные темы семинара, дано краткое содержание докладов и эксплицировано проблемное поле современных интерпретаций Канта и развития трансцендентализма в XX–XXI вв. Доклады, вопросы и дискуссии концентрировались вокруг основных проблемных моментов трансцендентализма: различия между явлением и вещью самой по себе, между первым и вторым изданиями «Критики чистого разума», соотношение реалистических и конструктивистских моментов кантовского трансцендентализма, преобразование кантовской трансцендентальной философии в неокантианстве и в феноменологии и др.

Ключевые слова: трансцендентализм, Кант, трансцендентальная феноменология, неокантианство, явление, вещь сама по себе, априори.

19–22 апреля 2018 г. в Государственном академическом гуманитарном университете (ГАУГН) и в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) в Москве прошел Международный семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии – 3: природа (специ-

¹ Российский государственный государственный университет (РГГУ), 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

² Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), 119049, Москва, Мароновский переулок, д. 26.

³ Российский православный университет св. Иоанна Богослова (РПУ), 109012, г. Москва, Новая площадь, д. 12, стр. 3; Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), 119049, Москва, Мароновский переулок, д. 26.

Поступила в редакцию: 22.03.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-6

© Шиян А. А., Державина Н. Ф., Катречко С. Л., 2019.

KANTIAN TRANSCENDENTALISM
IN CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL
DISCUSSIONS

Report of the “Transcendental Turn
in Contemporary Philosophy-3”
International Workshop

A. A. Shiyan,¹ N. F. Derzhavina,²
S. L. Katrechko³

The review presents the International Workshop “Transcendental Turn in Contemporary Philosophy-3: Nature (Specificities) of Transcendental Philosophy” held in Moscow on 19-22 April, 2018. The workshop was co-sponsored by the State Academic University for the Humanities, the Russian State University for the Humanities and the Foundation for the Humanities. The review examines the main topics of the workshop, summarises the main presentations and explicates the problem area of modern interpretations of Kant and the development of transcendentalism in the twentieth and twenty-first centuries. The presentations, questions and discussions centred around the main problems of transcendentalism: the differences between the phenomenon and the thing in itself, between the first and second editions of the Critique of Pure Reason, the relationship between realist and constructivist aspects of Kantian transcendentalism, the transformation of Kantian transcendental philosophy in Neo-Kantianism and phenomenology and more.

Keywords: transcendentalism, Kant, transcendental phenomenology, Neo-Kantianism, phenomenon, thing in itself, a priori.

On 19-22 April 2018 the State Academic University for the Humanities (SAUH) and the Russian State University for the Humanities (RSUH) in Moscow were the venues of the International Workshop “Transcendental Turn in Contemporary

¹ Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993.

² State Academic University of the Humanities (SAUH), 26 Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049.

³ State Academic University of the Humanities (SAUH), 26 Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049; St. John the Theologian Moscow Orthodox Institute, 12-3 Novaya Square, Moscow, Russia, 109012.

Received: 22.03.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-6

© Shiyan A. A., Derzhavina N. F., Katrechko S. L., 2019.

фика) трансцендентальной философии», организованный совместно ГАУГН, РГГУ и фондом «Центр гуманитарных исследований» (ЦГИ). Мероприятие проведено в рамках общего проекта по исследованию трансцендентальной философии, инициированного С. Л. Катречко⁴. К началу семинара был выпущен сборник тезисов докладов (Трансцендентальный поворот, 2018).

В обзоре мы, отказываясь от традиционной формы изложения содержания докладов, уделим преимущественное внимание проблемным моментам кантовской трансцендентальной философии и возможным вариантам их решения, которые озвучивались на этой конференции. При первом упоминании имени участника, если специально не оговаривается, мы указываем название его доклада. При этом мы имеем в виду, что его позиция могла быть озвучена также и в репликах, вопросах и комментариях.

На первом заседании, посвященном общей идее трансцендентальной философии в кантианстве, неокантианстве и феноменологии, первым выразил свое понимание кантовского трансцендентализма Себастьян Люфт («Идея трансцендентальной философии и ее феноменологические и неокантианские вариации»). Оно основывается на известном определении из 2-го издания «Критики чистого разума»: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание [вариант перевода: этот способ познания] должно быть возможным a priori. Система таких понятий называлась бы трансцендентальной философией» (В 25; Кант, 2006, с. 79). С. Люфт подчеркнул, что Кант ни в коей мере не отрицает существования окружающего реального мира, но утверждает его непознаваемость.

Внимания заслуживает акцент Люфта на том, что, по Канту, мы познаем в вещах лишь то, что сами в них вложили. Так же и В. И. Молчанов («Термины и проблемы трансцендентальной философии»), следуя традиции русской философии начала XX в. в толковании Канта (В. Ф. Эрн и др.), усиливает этот тезис, полагая, что Кант осуществляет деятельностное отношение к миру. Перечисляя общепринятые тезисы кантовского теоретико-познавательного трансцендентализма, С. Люфт форму-

⁴ Первые два семинара серии «Трансцендентальный поворот в современной философии» прошли в апреле 2016 г. и апреле 2017 г.: <https://phil.hse.ru/trans>; <https://phil.hse.ru/plc/trans2017>.

Philosophy 3: Nature (Specificities) of Transcendental Philosophy”, a joint undertaking of the SAUH, RSUH and the Foundation for the Humanities. The conference was part of the umbrella project aimed at the study of transcendental philosophy initiated by *Sergey L. Katrechko*.⁴ A proceedings book was issued in time for the conference (Shiyan, Derzhavina, Katrechko, 2018).

In a departure from the traditional form of rendering the content of the presentations we focus on the problem aspects of Kant’s transcendental philosophy and the various solutions proposed during the conference. The title of the presentation, unless otherwise specified, is given at the first mention of the participant. The positions of participants have often been expressed in the form of rejoinders, questions or comments.

At the first session devoted to the general idea of transcendental philosophy in Kantianism, Neo-Kantianism and phenomenology the first to express his view of Kantian transcendentalism was *Sebastian Luft* (“The Idea of Transcendental Philosophy and its Phenomenological and Neo-Kantian Variations”). Proceeding from the well-known definition of the second edition of the *Critique of Pure Reason*: “I call all cognition transcendental that is occupied not so much with objects but rather with our mode of cognition of objects insofar as this is to be possible a priori. A **system** of such concepts would be called **transcendental philosophy**” (В 25; Kant, 1998, p. 149), S. Luft stresses that Kant, while not by any means denying the existence of the surrounding real world, maintains that this world is unknowable.

In particular, Luft stresses that according to Kant, we cognise in objects only what we have put into them ourselves. Similarly, *Victor I. Molchanov* (“The Terms and Problems of Transcendental Philosophy”) following the Russian tradition of Kant interpretation in the early twentieth century (Vladimir Ern and others) reinforces this thesis by believing that Kant displays an activity attitude to the world. In listing the accepted theses of Kant’s theoretical-cognitive transcendentalism, S. Luft formulates some of them in the philosophical idiom of

⁴ The first two workshops in the series “Transcendental Turn in Modern Philosophy” took place in April 2016 and 2017: <https://phil.hse.ru/trans>; <https://phil.hse.ru/plc/trans2017>.

лирует некоторые из них на языке философии XX в. Так, трансцендентальная философия Канта понимается С. Люфтом как работающая в пространстве между субъектом и объектом. Эту сферу можно определить как сферу опыта, прежде всего, в случае Канта, — опыта познания.

Но само понятие опыта у Канта, как указывает В. И. Молчанов, противоречиво. С одной стороны, опыт определяется синтезом чувственности и рассудка, с другой — продуктом рассудка. И непоясненность понятия опыта, замечает В. И. Молчанов, — не единственная неясность в работах Канта.

А. А. Шиян («Основание и критика различных вариантов интерпретации трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля») обратила внимание на то, что различие явления и вещей самих по себе является различием опыта нашего познающего сознания, которое фиксируется в рефлексии об этом опыте. Познавая нечто, мы всегда сталкиваемся с неполнотой знания. Остается что-то непознанное — то, что Кант и назвал вещью самой по себе.

На зафиксированном В. И. Молчановым положении, согласно которому различие явлений и вещей самих по себе является определяющим для кантовского трансцендентализма, во многом строили свои интерпретации трансцендентальной философии Канта В. В. Васильев («Модели трансцендентализма в философии Канта») и С. Л. Катречко («О кантовской идее трансцендентальной философии», «Природа (метафизика и онтология) явления: семантический подход»).

В отличие от С. Люфта и В. И. Молчанова В. В. Васильев в своем докладе различает три модели кантовского трансцендентализма, соотносимые, соответственно, с 1-м изданием первой «Критики» (феноменологическая модель)⁵, «Пролегоменами...» (неокантианская модель науки) и 2-м изданием первой «Критики» (собственно кантовская модель). В своей интерпретации Канта сам В. В. Васильев исходит из 2-го издания «Критики», где указано, что вещи сами по себе аффицируют нашу чувственность, то есть явление — это данность нам вещей самих по себе («данность вещи» — также язык философии XX в.), и, соответственно, мы познаем и то, что имеет отношение к вещам самим по себе. Однако в такой интерпретации соотношение кантовских концептов — *вещи самой по себе, явления и представления* — остается непроясненным. То же происходит

the twentieth century. Thus he believes that Kant's transcendental philosophy works in the space between subject and object, the sphere than can be defined as the sphere of experience, in Kant's case above all the experience of cognition.

However, V. I. Molchanov points out that Kant's concept of experience is contradictory. On the one hand, experience is defined through a synthesis of sensibility and understanding but, on the other hand, as a product of understanding. Lack of clarity in the definition of experience, V. I. Molchanov notes, is not the only moot point in Kant's works.

Anna A. Shayan ("The Grounds and Critique of Variant Interpretations of Husserl's Transcendental Phenomenology") notes that the difference of the phenomenon and things in themselves is the difference of the experience of our cognising consciousness recorded in reflection about this experience. In cognising something we are always confronted with the incompleteness of knowledge. Something unknown remains, and Kant calls this something the thing in itself.

V. I. Molchanov's observation that the difference between phenomena and things in themselves is pivotal for Kantian transcendentalism underpins the interpretations of Kant's transcendental philosophy by Vadim V. Vasilyev ("Models of Transcendentalism in Kant's Philosophy") and Sergey L. Katrechko ("On the Kantian Idea of Transcendental Philosophy", "The Nature (Metaphysics and Ontology) of a Phenomenon: a Semantic Approach").

Unlike S. Luft and V. I. Molchanov, V. V. Vasilyev in his presentation distinguishes three models of Kantian transcendentalism corresponding respectively to the first edition of the *Critique* (the phenomenological model⁵), the *Prolegomena* (the Neo-Kantian model of science) and the second edition of the first *Critique* (the Kantian model proper). In his interpretation of Kant V. V. Vasilyev proceeds from the second edition of the *Critique* which argues that things in themselves influence our sensibility, i.e. that the phenomenon is the givenness of things in themselves to us ("givenness of a thing" is the language of twentieth-century philosophy), and accordingly we also cognise what is related to things in themselves. However, this interpretation leaves unclear the relationship between the Kantian con-

⁵ Хотя здесь речь идет скорее о феноменализме Беркли (ср. с теорией двух миров / объектов), чем о феноменологии Гуссерля.

⁵ Although it has more to do with Berkeley's *phenomenalism* (cf. the theory of two worlds/objects) rather than the *phenomenology* of Husserl.

и с позицией Люфта: мы имеем дело с данностью вещи самой по себе, но, с другой стороны, познаем в вещах только то, что сами в них вложили.

О. М. Мухутдинов («Трансцендентальное познание и система категорий») представил более узкое понимание трансцендентализма Канта: как трансцендентальной философии, выраженной в системе категорий. Рассматривая вопрос об условиях возможности синтеза чистых форм созерцания и категорий рассудка, О. М. Мухутдинов утверждает, что этот вопрос решается на почве региональных онтологий, которые ввел и исследовал Гуссерль.

В свою очередь С. Л. Катречко выделяет у Канта два взаимодополняющих друг друга трансцендентальных сдвига. Первый — методологический, как исследование не предметов, а нашего способа познания (см.: В 25). Второй сдвиг, который С. Л. Катречко называет метафизическим, связан с кантовским различением вещей самих по себе и явлений, или предлагаемой Кантом *трансцендентальной триады* «вещь сама по себе — явление — представление».

На семинаре С. Л. Катречко также представил семантическую интерпретацию философии Канта, согласно которой явление как знак выступает посредником между представлением и предметом. Это означает, что в область между субъектом и объектом помещается явление, указывающее, с одной стороны, на вещь саму по себе, а с другой — на представление. Сущностный момент интерпретации в том, что явления — лишь знаки, указывающие на нечто принципиально отличное от явления. Именно поэтому они у Канта лишены собственного онтологического (реального или ментального) статуса. Для пояснения отношения явления и вещи самой по себе С. Л. Катречко приводит кантовскую аналогию радуги (явление) с каплей воды (вещь сама по себе) и фрегевский пример с наблюдением луны в телескоп: то, что мы видим в телескопе, — явление, сама луна — вещь сама по себе, ее образ в нашем сознании — представление. Однако семантическая концепция явления требует важной предпосылки: поскольку рефлексия выявляет то, что есть в опыте, постольку уже в нашем восприятии мы должны видеть предметы как знаки других вещей, причем каких — неизвестно. Иногда мы воспринимаем вещи таким образом, но чаще всего эти отсылки не работают. В обыденной жизни далеко не все вещи, даже в случае познавательной ситуации, мы воспринимаем как знаки других реальных вещей⁶.

⁶Подробнее см.: (Катречко, 2018).

cepts of *thing in itself, appearance and representation*. The same thing happens to Luft's position: we deal with a thing's givenness in itself but, on the other hand, we cognise in things only what we have ourselves put into them.

Oleg M. Mukhitdinov ("Transcendental Cognition and the System of Categories") offers a narrower concept of Kant's transcendentalism as a transcendental philosophy expressed in a system of categories. On the issue of conditions that would make it possible to synthesise pure forms of intuition and the categories of understanding, O. M. Mukhitdinov claims that the issue can be solved on the basis of regional ontologies introduced and studied by Husserl.

S. L. Katrechko for his part singles out in Kant two mutually complementary transcendental shifts. The first is methodological, i.e. the study not of objects, but of our method of cognition (see B 25). The second shift, which S. L. Katrechko calls metaphysical, stems from Kant's distinction between things in themselves and phenomena, or Kant's *transcendental triad* "thing in itself — phenomenon — representation".

During the workshop S. L. Katrechko also presented a semantic interpretation of Kant's philosophy whereby a phenomenon as a sign is intermediate between *representation* and object. This places in the area between subject and object a phenomenon that points, on the one hand, to the thing in itself and, on the other, to its *representation*. The substance of the interpretation is that phenomena are mere signs pointing to something that is fundamentally different from the phenomenon. That is why with Kant they do not have an ontological (real or mental) status of their own. To explain the relationship between a phenomenon and a thing in itself S. L. Katrechko brings in Kant's analogy between a rainbow (phenomenon) and a drop of water (thing in itself) and Frege's example of watching the moon through a telescope: what we see in the telescope is a phenomenon, the moon is a thing in itself, and its image in our consciousness is the *representation*. However, the semantic concept of a phenomenon hinges on an important prerequisite: because reflection reveals what exists in experience we should see objects as signs of other (unknown) objects in our perception. Sometimes we do perceive things in this way, but more often than not such references do not work. In daily life by no means all things, even in a cognitive situation, are perceived as signs of other real things.⁶

⁶For more details see: Katrechko, 2018.

Вопрос о том, как нам даны предметы опыта / явления, участвуют ли в их данности кантовские категории, был поднят в докладе М. Е. Соболевой «Культурологический поворот в трансцендентальной философии неокантианства» и последовавшей за докладом дискуссии. М. Е. Соболева так же, как С. Люфт, А. А. Шиян и др., настаивает на принципиально неязыковом, хотя и категориальном характере восприятия / созерцания предметов у Канта. Категории понимаются как определенные принципы функционирования нашего сознания, то есть используются допредикативно. Именно неязыковой характер категорий обеспечивает связность нашего опыта, которая выражается в том факте, что мы видим мир уже предметно и упорядоченно, то есть готовым к познанию в суждениях.

К сторонникам исключительно языкового употребления категорий относится помимо С. Л. Катречко также и И. Д. Невважай («Реалистический конструктивизм в свете кантовской теории познания»). Такой вывод можно сделать из приводимых им примеров: видя стол, мы подводим его под понятие «стол». Явление как знак выступает для него изначально как языковое выражение. Кроме того, И. Д. Невважай представляет точку зрения, близкую к концепции «двух аспектов»: существует некая содержательная связь между явлением и вещью самой по себе. Явление выступает данностью для нас вещи самой по себе, и эта данность не является произвольной. Именно последний тезис разделяют, на что указывает И. Д. Невважай, представители реалистического конструктивизма (например, В. А. Лекторский).

Большой блок на семинаре был отведен осмыслению трансцендентализма в феноменологии — прежде всего в феноменологии Гуссерля.

В. И. Молчанов высказал тезис о том, что у Гуссерля отсутствует различие явлений и вещей самих по себе, а значит, он разрабатывает собственный вариант трансцендентальной философии, который нельзя рассматривать как продолжение кантовского трансцендентализма.

Об отсутствии у Гуссерля концепта вещи самой по себе размышлял М. А. Белоусов в своем докладе «Вещи сами по себе и сами вещи». Докладчик подчеркнул, что «сами вещи» Гуссерля — это вещи, данные в опыте, то есть явления. Это означает, по мнению А. А. Шиян, что в феноменологии наличествует иное понимание вещи самой по себе. Но при этом различие данного и не-данного,

The question of how the objects of experience/phenomenon are given to us and whether Kantian categories are involved in their givenness is addressed by *Maja E. Soboleva* in her presentation “Culturological Turn in Neo-Kantian Transcendental Philosophy” and in the follow-up discussion. Like S. Luft, A. A. Shiyani and others, M. E. Soboleva maintains that Kant’s perception/intuition is basically non-linguistic, though categorical. Categories are seen as certain principles of the functioning of our consciousness, i.e. are used pre-predicatively. It is the non-language character of categories that lends cohesion to our experience expressed in the fact that we see the world as physical and ordered, i.e. ready to be cognised through judgment.

Along with S. L. Katrechko the exclusively linguistic use of categories is championed by *Igor D. Nevvazhay* (“Realistic Constructivism in the Light of the Kantian Cognition Theory”). This conclusion follows from his examples: seeing a table we include it in the concept of “table”. A phenomenon as sign is inherently a language expression for it. I. D. Nevvazhay also puts forward a view similar to the “two aspects” concept. There is a substantive link between a phenomenon and the thing in itself. The phenomenon is a givenness to us of the thing in itself, the givenness not being arbitrary. The latter thesis is shared, I. D. Nevvazhay points out, by representatives of realistic constructivism (for example, V. A. Lektorsky).

A large portion of the workshop was devoted to transcendentalism in phenomenology, notably the phenomenology of Husserl.

V. I. Molchanov has suggested that Husserl does not distinguish phenomena and things in themselves and is thus developing his own version of transcendental philosophy that cannot be seen as a continuation of Kantian transcendentalism.

Mikhail A. Belousov in his presentation “Things in Themselves and the Things Themselves” claims that Husserl had no concept of the thing in itself. He argues that Husserl’s “the things themselves” are things given in experience, i.e. phenomena. In A. A. Shiyani’s opinion, this means that phenomenology has different concept of the thing by itself. However, the difference between the given and

то есть явления и вещи самой по себе, направляющей наше познающее сознание, играет в феноменологии важную роль.

В свою очередь С. Люфт отметил, что у Гуссерля есть понятие вещи самой по себе, которое обозначает предмет во всей полноте данности. Основанием вписывания Гуссерля в традицию кантовского трансцендентализма, по мнению С. Люфта, является отрицание феноменологией реализма как непосредственного доступа к вещам мира, хотя без сомнений в существовании последнего.

Позиция С. Люфта также вызвала критические замечания. По мнению А. А. Шиян, понимание трансцендентальной феноменологии Гуссерля как эйдетической науки о чистом сознании, которая имеет дело лишь с конституированными в сознании предметностями, сильно сужает предметное поле, исключая из него всю теоретико-познавательную проблематику. Путь к самим вещам лежит через их данность сознанию, но на данности феноменологическое познание не заканчивается. Уже в шестом разделе «Логических исследований» Гуссерль предлагает критерии удостоверения реального существования вещей, данных в сознании (Husserl, 1984, S. 652). Как считает А. А. Шиян, трансцендентальная триада (схема), зафиксированная С. Л. Катречко, «представление — явление — вещь сама по себе», хоть и не без оговорок, просматривается и в феноменологии Гуссерля.

В докладе М. А. Белоусова было показано, как, с точки зрения Гуссерля, функционирует сознание и какую роль в нем играет «еще не данное», к которому отсылает «уже данное». Это может быть демонстрацией «деформализации трансцендентального» в смысле А. Г. Чернякова. Об этом говорил в своем докладе А. Ю. Вязьмин «Трансцендентальное как формальное и его деформализация». Его доклад был посвящен пониманию Черняковым кантовского трансцендентализма и его развитию в феноменологии. Трансцендентальное Канта рассматривается в нем как формальное отношение между познанием и существованием, и это отношение деформализуется в феноменологии. Моментом деформализации является также гуссерлевская темпоральность сознания, делающая работу сознания видимой. Для А. Г. Чернякова «трансцендентальный поворот Гуссерля» означает поворот к трансцендентально-чистому сознанию, где термин «существует» может быть применен к трансцендентальному содержанию сознания. А. Ю. Вязьмин вслед за А. Г. Черняковым придерживается предложенного С. Люфтом понимания трансценденталь-

not-given, i.e. the phenomenon and the thing in itself which guides our cognising consciousness plays an important role in phenomenology.

S. Luft noted that Husserl has the concept of the thing by itself indicating the object in all its givenness. Husserl fits into the tradition of Kantian transcendentalism, in S. Luft's opinion, because the phenomenology of realism as direct access to the objects of the world is denied, although the existence of the world is not put in question.

S. Luft's position also received its share of critical remarks. A. A. Shiyann pointed out that the perception of Husserl's transcendental phenomenology as an eidetic science of pure consciousness dealing only with objects constituted in consciousness unduly narrows the object field by excluding all the theoretical-cognitive problems. The path to things themselves lies through their givenness to consciousness, but phenomenological cognition does not end with givenness. Already in the sixth part of *Logical Investigations* Husserl proposes criteria for verifying the real existence of the things given in consciousness (Husserl, 1984, p. 652). A. A. Shiyann believes that the transcendental triad (schema) referred to by S. L. Katrechko ("representation — phenomenon — thing in itself") can, with some reservations, be discerned in Husserl's phenomenology.

M. A. Belousov in his paper demonstrates how, from Husserl's point of view, consciousness functions and what role in it is played by "what is not yet given" to which "the already given" directs. This may be seen as a demonstration of "deformalisation of the transcendental" as understood by A. G. Chernyakov. This is noted by Alexey Yu. Vyazmin in his paper "The Transcendental as the Formal and its Deformalisation". The paper examines Chernyakov's interpretation of Kantian transcendentalism and its development in phenomenology. He sees Kant's transcendental as the formal relationship between cognition and existence, the relationship which is deformed in phenomenology. A further instance of deformalisation is Husserl's temporality of consciousness which makes the work of consciousness visible. For Chernyakov "Husserl's transcendental turn" means a turn toward transcendently pure consciousness, where the term "exists" can be applied to the transcendental content of consciousness. A. Yu. Vyazmin, following Chernyakov, accepts S. Luft's interpretation of transcendental

ной феноменологии как науки о трансцендентальном сознании, игнорируя при этом существование мира, погруженного в сознание. Эта позиция была усилена в докладе П. А. Мишагина «Трансцендентальная субъективность как путь к феноменологии свободы», где трансцендентальное сознание рассматривается не только как замкнутая сфера, но и как источник самой действительности.

В своем докладе А. А. Шиян подчеркивает, что в рамках трансцендентальной феноменологии мир не только имеет самостоятельный статус существования, но и обладает собственной априорной структурой, которая не является продуктом трансцендентального конституирующего сознания. Исследование этого мира также становится задачей, которую Гуссерль ставит перед феноменологией.

Методом достижения априори у Гуссерля выступает сущностная интуиция. Ее специфике был посвящен доклад А. А. Крюкова «О принципах априорности трансцендентального феноменологического метода Гуссерля». Мир уже сформирован таким, каким является человеку, на что обратил внимание А. В. Фролов в докладе «Трансценденция и мир у Гуссерля и Хайдеггера». Двигаясь в рамках феноменологического подхода в широком смысле, докладчик предложил собственную априорную структуру мира.

Продолжил тему соотношения мира и сознания в трансцендентальной феноменологии доклад А. А. Мёдовой «К вопросу о трансцендентальной корреляции разума и реальности: онтологический ракурс». Она считает, что способность познать априорную структуру мира и «сами вещи» свидетельствует о том, что есть нечто общее между нашим разумом (трансцендентальным сознанием) и миром.

Одним из инструментов достижения истинного знания о реальности является понятие очевидности. Ему был посвящен доклад И. И. Оздобихиной «Проблема интерпретации очевидности в феноменологии Э. Гуссерля». Проблема перехода от имманентной данности к трансцендентному предмету была затронута и в докладе Е. А. Счастливцевой «Трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля сквозь призму имманентной философии Н. О. Лосского».

Еще одним значимым направлением, которое нельзя обойти вниманием, говоря о кантовском трансцендентализме, является неокантианство. Понима-

phenomenology as a science of transcendental consciousness, ignoring the existence of the world immersed in consciousness. This position is backed by Pavel A. Mishagin in his presentation "Transcendental Subjectivity as the Path toward a Phenomenology of Freedom" which views transcendental consciousness not only as a cloistered sphere but as a source of reality itself.

A. A. Shiyan in her presentation stresses that within the framework of transcendental phenomenology the world does not merely have an independent status, but has its own *a priori* structure which is not the product of transcendental constituting consciousness. The investigation of this world is also one of the tasks that Husserl assigns to phenomenology.

Husserl's method of achieving the *a priori* is essence intuition. It comes in for scrutiny in the paper by Alexei A. Krioukov "On the *A Priori* Principles of Husserl's Transcendental Phenomenological Method". The world is already formed as it presents itself to man, a point stressed by Alexander V. Frolov in his presentation "Transcendence and the World According to Husserl and Heidegger". Proceeding in the framework of the phenomenological approach in the broad sense the speaker proposes his own *a priori* structure of the world.

The topic of the relationship between the world and consciousness in transcendental phenomenology is elaborated by Anastasia A. Medova in a paper titled "On Transcendental Correlation of Reason and Reality: the Ontological Perspective". She contends that the ability to cognise the *a priori* structure of the world and "the things themselves" attests that there is something our reason (transcendental consciousness) and the world have in common.

One of the instruments of achieving true knowledge of reality is the concept of obviousness, which is the subject of the paper by Irina I. Oznobikhina "The Problem of Interpretation of Obviousness in the Phenomenology of Husserl". The problem of transition from immanent givenness to the transcendental object is touched upon in Elena A. Schastlivtseva's paper "Husserl's Transcendental Phenomenology through the Prism of Nikolay Lossky's Immanent Philosophy".

Neo-Kantianism is another significant area that cannot be sidestepped in discussing Kantian transcendentalism. Transcendentalism in Neo-Kantian-

ние трансцендентализма в неокантианстве было отчасти рассмотрено в докладах С. Люфта и В. В. Васильева, а также подробно представлено В. Н. Беловым («Неокантианский проект идеалистической философии») и М. Е. Соболевой. В. Н. Белов поставил проблему целостной интерпретации кантовского наследия и защищал тезис, что именно в неокантианстве трансцендентальная философия получила свое историческое и систематическое развитие, хотя для достижения этой цели пришлось принять ряд однозначных решений в отношении некоторых многозначных моментов кантовской философии. Речь идет прежде всего о вещи самой по себе, которая у неокантианцев утратила статус непознаваемости.

По мнению В. В. Васильева, неокантианцы развивают прежде всего трансцендентализм «Прологоменов...» и отвечают на вопросы «Как возможна наука?», «Как возможна культура?» При этом, как утверждает М. Е. Соболева, априори у них меняет свое значение. Если, по Канту, наука возможна благодаря синтетическим априорным суждениям, то, по Когену, априорный статус для науки имеет также и основополагающий принцип, который он обозначает как принцип метода бесконечно малых. По Кассиреру, которому также было уделено внимание в докладе Соболевой, априори, лежащие в основании культуры, — это символические понятия.

Большой интерес вызвал доклад С. В. Левшина «Трансцендентально-феноменологический подход в аксиологии», в котором выдвигался тезис о необходимости создания феноменологической теории ценностей, исследующей их онтологический статус и проясняющей их данность и значимость для сознания. По мнению С. В. Левшина, неокантианство этим вопросом не занималось, однако С. Люфт в своем докладе подчеркивал, что неокантианцы баденской школы пытались прояснить, как существуют (вернее сказать, «значат») ценности, как они функционируют в реальной жизни, которая включает их данность сознанию, а кроме того, баденцы рассматривали генезис ценностей, что вполне соответствует задачам генетической феноменологии.

В докладе «Особенности трансцендентализма русского баденского неокантианства» Н. В. Сторчевс обратила внимание на расширение трансцендентализма русскими неокантианцами за счет введения иррационального момента в познание.

По результатам работы семинара было принято решение об организации и проведении в Москве четвертого трансцендентального семинара в апреле 2019 г.

ism is touched upon in the presentations of S. Luft and V. V. Vasilyev and elaborated more thoroughly by Vladimir N. Belov (“The Neo-Kantian Project in Idealistic Philosophy”) and M. E. Soboleva. V. N. Belov raises the problem of a holistic interpretation of Kant’s legacy, arguing vehemently that Neo-Kantianism provided the fullest historical and systematic development of transcendental philosophy. That said, the achievement of that goal necessitated some drastic decisions concerning some ambivalent aspects of Kant’s philosophy, above all the thing in itself which Neo-Kantians stripped of its status of the unknown. In V. V. Vasilyev’s opinion, Neo-Kantians concentrate on developing the transcendentalism of the *Prolegomena* and answer the questions, “How is science possible?” and “Is culture possible?” In the process *a priori* changes its meaning, as noted by M. E. Soboleva. While, according to Kant, science is possible by virtue of synthetic *a priori* judgments, according to Cohen *a priori* status for science is also a fundamental principle which he refers to as the method of the infinitesimal. According to Cassirer, who also receives his share of attention in M. E. Soboleva’s presentation, the *a prioris* on which culture is founded are symbolic concepts.

Sergey V. Levshin’s paper “Transcendental-Phenomenological Approach in Axiology” aroused great interest. The author urges the need to create a phenomenological theory of values investigating their ontological status and explaining their givenness and significance for consciousness. In the opinion of S. V. Levshin, Neo-Kantianism did not address this question although S. Luft stressed in his presentation that the Southwest school of Neo-Kantianism tried to clarify how values exist (or rather “matter”), how they function in real life which includes their givenness to consciousness. In addition, the Southwest Neo-Kantian philosophers studied the genesis of values, which is very much in line with the tasks of genetic phenomenology.

In her presentation “Characteristics of Transcendentalism of the Russian Southwest Neo-Kantianism” Nadezhda V. Storcheus draws attention to the expansion of transcendentalism by Russian Neo-Kantians who introduced the irrational element in cognition.

From the results of the workshop a decision was taken to hold the Fourth Transcendental Workshop in Moscow in April 2019.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00925 «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие».

Список литературы

Кант И. Критика чистого разума, 2-е издание // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Катречко С.Л. Природа явления в трансцендентализме Канта: семантико-когнитивный анализ // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 3. С. 31-55. doi: 10.5922/0207-6918-2018-3-2.

Трансцендентальный поворот в современной философии (3): природа (специфика) трансцендентальной философии : тез. междунар. науч. семинара / отв. ред. С.Л. Катречко, А.А. Шиян. М. : Фонд ГАУГН-ПРЕСС, 2018.

Husserl E. Logische Untersuchungen, Bd. II/2 // Husserliana. Gesammelte Werke / hrsg. von U. Panzer. N. Y. : Springer Science+Business Media ; Den Haag : Martinus Nijhoff, 1984. Bd. XIX/1, 2.

Об авторах

Анна Александровна **Шиян**, кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечественной философии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

Наталья Федоровна **Державина**, студентка магистратуры философского факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.

E-mail: pickegul@gmail.com

Сергей Леонидович **Катречко**, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и теологии, Российский православный университет св. Иоанна Богослова; доцент, философский факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.

E-mail: skatrechko@gmail.com

Для цитирования:

Шиян А. А., Державина Н. Ф., Катречко С. Л. Кантовский трансцендентализм в современных философских дискурсах. Обзор Международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии – 3» // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 2. С. 103–111. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-6

This publication was supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research, no. 19-011-00925 “Kantian Project of Descriptive Metaphysics: History and Modern Development.”

References

Husserl, E., 1984. *Logische Untersuchungen, Band II/2*. In: U. Panzer, ed. 1984. *Husserliana. Gesammelte Werke. Band XIX/1, 2*. New York: Springer Science+Business Media; Den Haag: Martinus Nijhoff.

Kant, I., 1998. *The Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer, A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Katrechko, S. L., 2018. The Nature of Appearance in Kant's Transcendentalism: A Semantico-Cognitive Analysis. *Kantian Journal*, 37(3), pp. 31-55. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-3-2>

Katrechko, S. L., Shiyani, A. A., eds. 2018. *Proceedings of the International Workshop “Transcendental Turn in Contemporary Philosophy-3: Nature (Specificities) of Transcendental Philosophy” (Moscow, April 19-21, 2018)*. Moscow: Foundation for Humanities. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Dr Anna A. **Shiyani**, associate professor, Department of the History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

Nadezhda F. **Derzhavina**, Master student in Philosophy, Faculty of Philosophy, State Academic University of the Humanities (SAUH), Moscow, Russia.

E-mail: pickegul@gmail.com

Dr Sergey L. **Katrechko**, associate professor, head of the Department of Philosophy and Theology, St. John the Theologian Moscow Orthodox Institute; associate professor, Faculty of Philosophy, State Academic University of the Humanities (SAUH), Moscow, Russia.

E-mail: skatrechko@gmail.com

To cite this article:

Shiyani, A. A., Derzhavina, N. F., Katrechko, S. L., 2019. Kantian Transcendentalism in Contemporary Philosophical Discussions. Report of the “Transcendental Turn in Contemporary Philosophy-3” International Workshop. *Kantian Journal*, 38(2), pp. 103-111. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-6>

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК
KANTIAN JOURNAL

2019

Том 38
Vol. 38

№ 2

Перевод с англ. *А.С. Киселев*
Перевод на англ. *Е.Н. Филиппов*
Редактор *И.О. Дементьев*
Корректор *П.С. Щербаков*
Компьютерная верстка *А.В. Иванов*

Translated from Russian by *E. N. Filippov*
Translated into Russian by *A. S. Kiselev*
Copy-edited by *I. O. Dementev*
Russian version proofread by *P. S. Shcherbakov*
English version proofread by *K. Caskie*
Layout by *A. V. Ivanov*

Подписано в печать 11.06.2019 г.
Формат 84×108^{1/16}. Усл. печ. л. 11,8
Тираж 500 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 204

Sent to the printers on June 11, 2019
Size 84×108^{1/16}. 11.8 sheets
500 copies (first print: 100 copies). Order 204

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia